PG 3337
.P5B55
1861

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR 1982.

Book 1861

YUDIN COLLECTION

67117
34414

БОГАТЫЙ ЖЕНИХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

223

Изданіе Ѳ. Стелловскаго,

Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

Цѣна 1 руб. сер.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПОЛИТИЧЕСКАГО И УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

РУССКІЙ МІРЪ.

Согласно утвержденной программѣ, въ журналъ нашъ входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. ПОЛИТИЧЕСКІЙ. II. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ. III. КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ и IV. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Журналъ нашъ, выходя два раза въ недѣлю: по средамъ — въ одинъ печатный листъ, и по субботамъ — брошюрами въ 3 — 4 печатныхъ листа большаго формата, всего же въ годъ 102 номера, имѣетъ возможность сообщать извѣстія быстрѣе, нежели всѣ другія изданія, не считая ежедневныхъ газетъ, и равняясь, по объему, большимъ ежемѣсячнымъ изданіямъ, по цѣнѣ (6 р. сер. въ годъ) общедоступенъ.

Всѣ **годовые** подписчики на полученіе въ 1862 г. журнала «Русскій Міръ» получаютъ въ видѣ **преміи**, безплатно, по выбору: **одинъ** изъ **выпусковъ** предпринятаго уже нами изданія **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“.** Кромѣ полученія каждогодно въ премію по одному выпуску, «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ» всѣ годовые подписчики на газету «Русскій Міръ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое означенное изданіе, получать по 1 р. 50 к., а съ пересылкою — по 2 р. сер. каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе 2 р. 50 коп. сер.

Выписывающіе журналъ «Русскій Міръ» съ **МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ** получатъ въ теченіе года **50** музыкальныхъ сочиненій, состоящихъ изъ пьесъ для фортепіано въ двѣ и четыре руки, этюдовъ, танцевъ, романсовъ для пѣнія и проч. и, въ видѣ **ПРЕМІИ**, выдана будетъ, на выборъ“ (вмѣсто выпуска Полнаго Собранія Русскихъ Авторовъ) одна изъ нижеслѣдующихъ оперъ, въ арранжировкѣ для фортепіано: **АСКОЛЬДОВА МОГИЛА, ТРАВІАТА, ТРУБАДУРЪ, МАРТА, ФЕНЕЛЛА, БАЛЪ-МАСКАРАДЪ, АРОЛЬДО, СИЦИЛІЙСКІЯ ВЕЧЕРНИ, ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ** и **СЕВИЛЬСКІЙ ЦЫРЮЛЬНИКЪ.** Желающіе могутъ получать безплатно въ премію, вмѣсто оперы, одинъ изъ выпусковъ «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ.»

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На **ГОДЪ**, безъ музыкальныхъ приложеній и безъ доставки . . . . . 6 р. с.
Съ доставкою на домъ . . . . . 7 —
— пересылкою по почтѣ . . . . . 8 —

Pisemskiĭ, Aleksei Feoflaktovich
Bogatyĭ zhenikh

БОГАТЫЙ ЖЕНИХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

Изданіе Ѳ. Стелловскаго,
поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

PG3337
.P5B5
1861

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 22 ноября 1860 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

104837
19

273

Въ Типографіи Ѳ. Стелловскаго,
поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

Ж. 17 Апр 73

БОГАТЫЙ ЖЕНИХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

День былъ сентябрьскій. По небу неслись мутнаго цвѣта облака, по временамъ накрапывалъ дождикъ, съ сѣверо-запада дулъ влажный вѣтеръ. По главной и почти единственной улицѣ уѣзднаго города К.... тащились двѣ клячи. Передняя была запряжена въ тяжело—навьюченную телѣгу; ею правилъ малорослый мужиченко въ лаптяхъ, въ рубахѣ и въ теплой шапкѣ; сзади его, изъ-за мѣшковъ, торчала женская голова, обвязанная платкомъ, — голова эта дремала. Другая лошадь везла какіе-то допотопныя дрожки, въ продоль которыхъ лежалъ кучеръ съ усами, въ сѣромъ кафтанѣ, и съ ногъ до головы перепачканный въ грязи. Передъ воротами стараго деревяннаго домишка поѣздъ остановился. Мужикъ слѣзъ, ушелъ въ калитку и началъ возиться съ воротами. Одно окно въ домѣ было отворено; изъ него струями появлялся табачный дымъ. По деревянному тро-

Пар 73

туару плелась мѣщанка-старуха. Проходя мимо дрожекъ, она заглянула кучеру въ лицо, поклонилась ему и проговорила:

— Здорово, голубчикъ!

Тотъ молча кивнулъ головой.

— Господскій, что̀ ли?

— Господскій.

— А чьи такіе?

— Изъ Дементьева.

— Къ Кузьминишнѣ, знать, пристали?

— Ну, да.

— Съ господами?

— Къ барину, съ запасомъ.

— Такъ-съ!... Прощай, голубчикъ! заключила старуха и поплелась далѣе.

У открытаго окна она остановилась, взглянула въ него и потупилась.

— Ай, свѣты мои, какой румяный! точно красный ставецъ рожа-то!... Дементьевскіе... а забыла ужь чьи такіе, говорила она сама съ собой, идя далѣе.

На поворотѣ улицы встрѣтилась ей другая мѣщанка, помоложе.

— Здорово, Матренушка! что̀, мати, есть ли кто на постоѣ? спросила старуха.

— Нѣту-ти, тетенька, совсѣмъ ныньче нѣту-ти: большакъ-то запилъ у меня, такъ ужь не до того, отвѣчала та какимъ-то необыкновенно звонкимъ и тонкимъ голосомъ.

— Извѣстно, мати, гдѣ ужь... къ Кузьминишнѣ такъ изъ Дементьева пристали. Прости, голубушка!

— Прощай, тетенька!

Онѣ разошлись. Проходя мимо окна, мѣщанка помоложе также поклонилась и, заглянувши въ него, проговорила потихоньку:

— Экой песъ красный сидитъ!

Между тѣмъ телѣга въѣхала на дворъ, кучеръ слѣзъ и, неизвѣстно за что, ударивши свою лошадь по мордѣ, подошелъ къ телѣгѣ.

— Ну-те-ка вы, сони, просыпайтесь, сказалъ онъ, толкнувъ въ плечо дремавшую женщину.

— Что больно толкаешься! проговорила та, взмахнувъ глазами.

— Толкаешься! Не видишь, что пріѣхали? Вылѣзай: подъ ручку, что́ ли, прикажете принять?

— Ну-те! говорила женщина, вылѣзая изъ телѣги.—Ой, тошнехонько: всѣ ноженьки отсидѣла.

Босоногій мальчишка, въ домотканномъ чепанѣ, созерцавшій безсмысленными сѣрыми глазами всю эту сцену съ крыльца, вдругъ кубаремъ слетѣлъ съ лѣстницы, подбѣжалъ къ женщинѣ, обнялъ ее и поцаловалъ.

— Здорово, Аркадьюшка! Батька тебѣ кланяется.

— Валенки, мамонька, привезла?

— Забыла, батюшка, изъ ума вонъ, забыла!

— Эка какая безтолковая!... Машка ужь износитъ ихъ у меня.

— Что дѣлать-то, родной, забыла...

Но заглянемъ лучше во внутренность дома. Если читатель бывалъ въ уѣздныхъ городахъ, то, вѣроятно, знаетъ устройство мѣщанскихъ домишекъ. Они состоятъ главнымъ образомъ изъ сѣней, которыя ведутъ съ одной стороны въ избу, а съ другой — въ двѣ - три комнаты. Въ этихъ двухъ-трехъ комнатахъ бываетъ обыкновенно двѣ-три печи и по крайней мѣрѣ десятка полтора оконъ. Домишко Кузьминишны былъ точно такого же устройства. — Въ двухъ ея комнатахъ квартировалъ, въ настоящее время, молодой помѣщикъ

изъ Дементьева Степанъ Гарасимычъ Сальниковъ. Въ обществѣ, впрочемъ, онъ былъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Степочки, такъ какъ этимъ именемъ называла его маменька, несмотря на тридцатилѣтній возрастъ, до котораго уже достигнулъ молодой человѣкъ. Въ большой комнатѣ, въ которой онъ сидѣлъ подъ окномъ и курилъ, полъ былъ совершенно покривленъ; кое-гдѣ стояла кожаная мебель, на стѣнѣ висѣли небольшое зеркало и цѣлая коллекція картинокъ, изображающихъ печальную исторію Женевьевы Брабантской. Здѣсь я нужнымъ считаю замѣтить, что у Кузьминишны никто изъ помѣщиковъ не останавливался, потому что домишко ея былъ уже совершенно старъ и холоденъ и въ такой мѣрѣ изобиловалъ мышами и клопами, что эти непріятныя твари, кажется, были въ состояніи совершенно заѣсть человѣка, а сверхъ того и сама хозяйка была пренесноснѣйшаго характера женщина и пила запоемъ. Одно удобство этой квартиры—была необыкновенная ея дешевизна: два съ полтиной ассигнаціями въ недѣлю. Что́ же касается до наружности Степана Гарасимыча, то онъ весьма справедливо вызвалъ со стороны мѣщанокъ вышеозначенныя замѣчанія, потому что дѣйствительно былъ очень красенъ съ лица. По выпущеннымъ воротничкамъ домотканной рубашки изъ-подъ халата, сшитаго хотя и изъ толстой холстинки, но съ карманами, и отороченнаго плисомъ, и наконецъ по тщательно сдѣланному пробору волосъ, которые, сверхъ того, по современной модѣ, были зачесаны на вискахъ назадъ,—по всему этому легко можно было догадаться, что молодой человѣкъ занимался своею наружностію. Но при всемъ этомъ, я долженъ

откровенно сказать, онъ былъ нехорошъ собой. Представьте себѣ какого-то грязнаго цвѣта волосы, въ лицѣ никакой значительности, никакого выраженія, глаза до невѣроятности маленькіе и узкіе и сверхъ всего этого покровы лица почти совершенно розоваго цвѣта, съ какими-то непріятными синими жилками.

Покуривши трубки, Степанъ Гарасимычъ нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, посмотрѣлся въ зеркало и потомъ, вѣроятно для того, чтобы разсѣять скуку уединенія, вынулъ изъ чемодана длинный ящикъ и открылъ его. Оказалось, что въ немъ хранилась флейта, на которой молодой человѣкъ тотчасъ и началъ играть народныя пѣсни: *Во лузяхъ*, *Возлѣ рѣчки*, *возлѣ моста*, *Сѣни мои*, *сѣни*, и такъ далѣе; что касается до выполненія, то Степанъ Гарасимычъ игралъ, какъ я понимаю, такъ, что въ иныхъ мѣстахъ выходило у него не совсѣмъ то, что́ бы слѣдовало; но при всемъ томъ онъ съ перваго же раза давалъ въ себѣ узнать если не знатока, то любителя музыки. Игра его продолжалась, по крайней мѣрѣ, полчаса. На улицѣ начала собираться обыкновенная публика, и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ домахъ открылись окна. Въ комнатѣ давно уже появился знакомый намъ мальчикъ; видя, что баринъ занятъ, и онъ также занялся: подошелъ къ окну и началъ ловить замирающихъ мухъ, насаживая ихъ на соломенки.

— Ухъ... будетъ... даже вспотѣлъ, произнесъ наконецъ музыкантъ, переставая играть. — Аркашка, вычисти трубку!... что́ ты тутъ дѣлаешь?

— Ничего-съ. Мамонька пріѣхала съ запасомъ.

— На одной?

— Нѣтъ-съ. Мамонька—съ дядей Григорьемъ, да Кузьма еще пріѣхалъ на рыжкѣ. Письмо къ вамъ, отвѣчалъ мальчишка, подавая барину толстый пакетъ.

— Ну, хорошо. Гдѣ же мать-то?

— На печкѣ лежитъ: озябла.

— А привезла ли она тебѣ что нибудь?

— Колобокъ привезла.

— Покажи-ка?

Мальчишка вытащилъ изъ кармана какой-то сѣроватый комокъ и подалъ барину, который сначала понюхалъ его, потомъ, отломивши отъ него порядочный кусокъ, положилъ себѣ въ ротъ.

— Хорошъ, говорилъ онъ, прожевывая:—очень хорошъ, прибавилъ онъ и еще отломилъ.

У мальчишки начали бѣгать глаза.

— Ну, на, возьми, сказалъ наконецъ баринъ:—да не вдругъ ѣшь, а то ты сразу и смелешь все, а тутъ и нѣтъ ничего.

Мальчишка положилъ колобокъ въ карманъ и началъ вычищать трубку. Продувши ее, онъ подалъ барину, который отперъ стоящую около него жестяную сахарницу, въ коей хранился не сахаръ, а табакъ, набилъ самъ трубку, закурилъ ее, а сахарницу заперъ. Вслѣдъ за тѣмъ молодой человѣкъ распечаталъ письмо и началъ читать. Письмо было длинное и написано какими-то іероглифами. Содержаніе его было слѣдующее:

«Безцѣнный другъ мой

«Степочка!

«Во первыхъ, посылаю тебѣ мое родительское благословеніе на вѣки нерушимо. По твоему желанію, отправляю къ тебѣ съ Кузьмой рыжку въ

дрожкахъ, а также и запасу. Прими, другъ мой, поакуратнѣе. Я нарочно посылаю къ тебѣ Аксинью: она вѣрная и не растащитъ, — только лѣнива, за что ты, пожалуста, чаще ее брани. Запасу отправлено: одинъ пудъ ситней, одинъ пшеничной и три пуда оржаной муки, пудъ толокна, до котораго, я знаю, ты большой охотникъ... оно у насъ ныньче отличное вышло. Еще посылаю два десятка яицъ, полпуда соленой баранины, двадцать фунтовъ масла, которое, надѣюсь, что будешь беречь: оно ныньче очень въ цѣнѣ; прекрасная наша скотница изволила дать только по двадцати фунтиковъ съ коровы; не знаю, что́ и дѣлать мнѣ съ этой плутовкой. Хотѣла было послать тебѣ два полотка, да эт-та всѣ ихъ продала на Преображенской ярмонкѣ. Еще отправляю тебѣ четыре пуда посыпки. Окулинскимъ мужикамъ велѣла къ тебѣ привезти воза два соломы, и поэтому ты, батюшка, вели рыжку кормить рѣзкой, потому что сѣна не накупишься: оно у васъ, говорятъ, по двадцати-пяти копеекъ пудъ. Денегъ тебѣ не посылаю, такъ какъ полагаю, что чаю и сахару тебѣ должно стать на все время. Еще прошу тебя, сдѣлай милость, кури поменьше: этотъ проклятый табакъ убыточенъ, да и вреденъ. У насъ теперь все, слава Богу, благополучно; только жеребца твоего не знаю отчего одолѣли бородавки. Молотить начали; нынѣшняя рожь видно хороша въ полѣ, а не въ сусѣкѣ. Съ нашего маленькаго овина всего сняли двѣнадцать четвериковъ. Нога моя, по прежнему, болитъ, рана все прибываетъ. Совѣтовали было медовую лепешку прикладывать, — приложила, но еще хуже. Призывала изъ Дурандина лекарку: она говоритъ, что

мнѣ надобно киноварью подкуриваться. На дняхъ заѣзжалъ ко мнѣ становой подушную добирать и сказывалъ, что онъ видѣлъ тебя на вечерѣ у Алексѣя Сергѣича, и что ты танцовалъ съ барышнями, чѣмъ я душевно была обрадована. Пожалуста знакомься, мой другъ, съ хорошими людьми; ты теперь женихъ и долженъ дорожить репутаціею, потому что поведеніе дороже всего. Насчетъ родственницы Алексѣя Сергѣича, о которой ты пишешь, я ничего не могу сказать. Похвалы, конечно, я слышу о ней ото всѣхъ, но сама никогда не видала. Но меня единственно только то безпокоитъ, что она, какъ я слышала, не имѣетъ никакого состоянія. Надобно, мой другъ, подумать и объ этомъ. Я тебѣ при жизни, какъ самъ ты знаешь, болѣе тридцати душъ отдѣлить не могу. Если, какъ ты говоришь, насчетъ награды отъ Алексѣя Сергѣича, то лучше этого не надо; онъ человѣкъ съ состояніемъ,—но вѣрно ли это? Еще я имѣю безпокойство и объ ея образованіи, врядъ ли она будетъ тебѣ по характеру. Она, какъ я слышала, дѣвушка нынѣшняго свѣта, къ хозяйству не пріучена, будетъ требовать многаго... чтобы послѣ не раскаяться. Ты пишешь, что думаешь сшить себѣ новый фракъ; но я полагаю, нельзя ли тебѣ его сдѣлать изъ папинькинова сюртука, который тебѣ и посылаю; онъ почти новенькой; ты изъ него можешь сшить какое хочешь платье. Несчетно цалую тебя.

Остаюсь мать твоя

Аграфена Сальникова.»

Прочитавъ письмо, молодой человѣкъ тотчасъ же занялся пріемкой запаса и въ этомъ случаѣ

оказалъ значительную опытность и большую внимательность. Онъ велѣлъ достать безмѣнъ, самъ, своими собственными руками взвѣсилъ муку, баранину, масло, посыпку, пересчиталъ яица, положилъ все это въ погребъ, заперъ и ключи взялъ къ себѣ. Окончивши хозяйственныя заботы, онъ велѣлъ мальчишкѣ ставить самоваръ, а самъ, возвратившись, принялся писать отвѣтъ. Въ почеркѣ и орѳографіи его чрезвычайно много было замѣтно семейнаго сходства съ письмомъ матери.

«Безцѣнная маменька

«Аграфена Кондратьевна!

«Спѣшу отвѣчать на ваше письмо и поцаловать заочно ваши ручки. Запасъ я весь самъ принялъ: онъ въ совершенной цѣлости; только баранина, должно быть, отъ дороги завяла. Сюртукъ папенькинъ я смотрѣлъ и въ завтрашній день пошлю за портнымъ. Мнѣ самому не хочется шить новаго: нынѣшнія сукна чрезвычайно гнилы и непрочны; впрочемъ, на дняхъ я сшилъ себѣ бѣлую жилетку, потому что, какъ вы знаете, жилетокъ у меня совершенно не было, и она вышла очень хороша. Только теперь желалъ бы имѣть манишки; на петербургскихъ ужь есть дырочки. Время свое, безцѣнная маменька, я провожу какъ нельзя пріятнѣе. Не могу описать вамъ, съ какимъ удовольствіемъ всѣ меня здѣсь принимаютъ. Не знаю, какъ благодарить васъ, милая маменька, что вы отпустили меня повеселиться въ городъ. Сегодня вечеръ у Алексѣя Сергѣича; меня тоже приглашала добрѣйшая супруга его, и, узнавши, что я играю, просила меня притти къ нимъ съ флейтой и поиграть. Насчетъ ихъ родственницы, о которой вамъ пи-

салъ, я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что Алексѣй Сергѣичъ непремѣнно ее наградятъ. Рѣдкіе родители такъ могутъ любить дочь родную, какъ они любятъ Вѣру Павловну, которыя имѣютъ и сами такія достоинства, что заставляютъ меня сомнѣваться въ томъ, пойдутъ ли онѣ за меня; что же касается, то и я въ этомъ дѣлѣ безъ расчету дѣйствовать не буду, и съ Алексѣемъ Сергѣичемъ буду говорить подробно. Становой точно видѣлъ, какъ я танцовалъ; въ этотъ вечеръ мы очень веселились,—послѣ ужина начали танцовать новый танецъ гросъ-фатеръ: я не умѣлъ, но меня выучили. Сахару у меня довольно, но чаю врядъ ли хватитъ. Аркашка служитъ мнѣ хорошо, только сапоги рветъ ужасно; новенькіе сапожки, которые вы съ нами отпустили, онъ уже всѣ стопталъ и растрепалъ. Прося вашего родительскаго благословенія и цалуя еще несчетно разъ ваши ручки, остаюсь сынъ вашъ

Степанъ Сальниковъ.»

Самоваръ былъ поданъ.... Нельзя сказать, чтобы чайный приборъ былъ прихотливъ. Бокъ самовара, напримѣръ, былъ значительно помятъ, канфорка тоже,—у чайника придѣлана была, вѣроятно для крѣпости, оловянная ручка,—и наконецъ, стаканъ очень толстаго, но не совсѣмъ бѣлаго стекла. Кушая чай, молодой человѣкъ явнымъ образомъ обнаруживалъ въ себѣ борьбу любви къ этому напитку съ расчетливостію. Сначала онъ положилъ одну ложечку чаю и тотчасъ же спилъ ее съ однимъ кускомъ сахару; видимо было, что онъ пилъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, всыпалъ въ чайникъ еще ложечку чаю и ту выпилъ почти также скоро. Я твердо убѣжденъ, что ему хотѣлось еще

третью, но онъ не рѣшился изъ экономіи. Напившись чаю, онъ принялся курить трубку; но и здѣсь опять можно было замѣтить расчетливость. Онъ, кажется, съ умысломъ не выколачивалъ всей трубки и набивалъ ее потомъ слегка, чтобъ такимъ образомъ самого себя обмануть количествомъ.

Ужь разъ начавъ отзываться о молодомъ человѣкѣ такъ откровенно, я не могу удержаться, чтобы не разсказать о немъ еще нѣкоторыхъ подробностей. У маменьки Степочки было около шести сотъ душъ, изъ которыхъ она болѣе половины нажила сама, и нажила, прямо можно сказать, хозяйствомъ и бережливостію. Она гнала деготь, сплавляла лѣсъ, откармливала какихъ-то необыкновенныхъ свиней, за которыхъ ей платили по сту рублей, сама ѣздила въ Москву продавать индюшекъ и масло. Жила она всегда очень скромно, въ старомъ флигелечкѣ, и любила гостить у родныхъ, — сама же всегда совѣстилась принимать ихъ въ свой, какъ она называла, лабазъ. Лѣтомъ ходила она въ канифасныхъ, а зимой въ холстинковыхъ капотахъ,— ѣздила въ линѣйкѣ еще десятыхъ годовъ,—крестьянъ своихъ до того умѣла пріучить, что рѣдкій изъ нихъ не торговалъ чѣмъ либо; а про хлѣбъ и говорить нечего—начиная съ барыни, до послѣдняго мужика, анбары были полны. Степочку Аграфена Кондратьевна безмѣрно любила и, кажется, сама не перенесла бы, если бы что съ нимъ случилось, но при всемъ томъ держала его въ полнѣйшемъ повиновеніи.—Въ свое время, несмотря на расчетливость, она старалась было дать ему образованіе. Сначала училъ его священникъ, а потомъ даже какой-то изъ дворянъ учитель, лѣтъ уже сорокъ занимавшійся образованіемъ дѣтей; но,

къ большому горю, должно была убѣдиться, что у мальчика рѣшительно нѣтъ никакого желанія и никакихъ способностей къ наукамъ. Послѣ трехгодичнаго ученія оба его наставника едва добились только того, что онъ кое-какъ умѣлъ читать и переписывать прописи. Нельзя сказать, чтобы Аграфена Кондратьевна, при всей своей любви, не употребляла противъ сына нѣкоторыхъ мѣръ строгости. Злые языки послѣ говорили, что будто бы она даже и заколотила его въ малолѣтствѣ. Кромѣ ученія, въ другихъ отношеніяхъ ребенокъ обнаруживалъ чрезвычайно много достоинствъ. Опрятный, бережливый, любившій всякую дрянь, какая ему ни попадалась: желѣзо ли, козанокъ ли, камушекъ ли какой цвѣтной, —тотчасъ запрятать въ свой сундукъ и запереть. Къ хозяйству онъ былъ также очень способенъ: еще съ двѣнадцати лѣтъ онъ выдавалъ мѣсячину не хуже большого, зналъ, какъ пять пальцевъ, когда принимаются сѣять яровое и озимое и всегда почти первый усматривалъ, когда начинала *течь* рожь. Но Аграфенѣ Кондратьевнѣ, какъ матери, конечно, хотѣлось болѣе: она желала, чтобы сынъ ея, на казенный счетъ, выучился превосходно всѣмъ наукамъ, потомъ получилъ бы мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ и, наконецъ, женился на милліонеркѣ. Но выходило не совсѣмъ то. Ахая и горюя, она отдала сына въ гимназію. Несмотря на то, что мальчику уже былъ тринадцатый годъ, его едва только приняли въ первый классъ, гдѣ онъ и пробылъ два года, и только на третій годъ, и то болѣе за хорошее поведеніе, переведенъ былъ во второй. Здѣсь началась та же исторія. Аграфена Кондратьевна потеряла терпѣніе и взяла сына; но все еще не теряя надежды устроить карьеру его,

она обратилась съ просьбою къ родному брату, служившему въ Петербургѣ, умоляя его не оставить сироту Степочку и опредѣлить на хорошее мѣсто. Братъ изъявилъ согласіе. Съ плачемъ и воплемъ отправленъ былъ молодой человѣкъ въ Петербургъ съ своимъ собственнымъ мужикомъ, промышлявшимъ тамъ обручнымъ мастерствомъ. Но съ первой же почты начали отъ него приходить самыя неутѣшительныя письма. Онъ писалъ, что дяденька человѣкъ очень гордый, принялъ его очень сухо и не только что не пригласилъ жить у себя, какъ думала это маменька, но даже ни разу не оставилъ у себя обѣдать, и что опредѣлилъ на мѣсто безъ жалованья, тогда какъ въ Петербургѣ за́-воду даже платятъ, а къ другому ужь лучше не приступайся, что онъ, то есть Степочка, остановился у своего мужика, которому за столъ и за квартиру долженъ будетъ платить по 30 рублей въ мѣсяцъ, и что, наконецъ, петербургскій воздухъ для него очень вреденъ, и онъ все хвораетъ. Такъ прошелъ годъ. Въ заключеніе всего, Аграфена Кондратьевна получила письмо и отъ брата, очень непріятнаго и даже обиднаго содержанія. Онъ ей писалъ:

«Любезная сестра!

«При всемъ моемъ желаніи быть полезнымъ для твоего сына, я ничего не могу для него сдѣлать. Степанъ твой не хочетъ да и не можетъ здѣсь служить. До сихъ поръ, я не могу отъ него добиться, чтобы онъ съ толкомъ переписывалъ бумаги. Тебѣ стыдно и грѣшно было запустить такъ его воспитаніе; къ тому же и теперь ты содержишь и одѣваешь его какъ лакея, такъ что мнѣ совѣстно моихъ чиновниковъ, и я уже на свой счетъ

велѣлъ ему сдѣлать фракъ, каковыя деньги, то есть двѣсти рублей, и прошу мнѣ выслать. Я знаю, что ты безумно скупа, но хоть бы припоминала пословицу: «что глупому сыну не въ помощь богатство». Если Степанъ и на дальнѣйшее время останется также безуспѣшенъ по службѣ, то я не въ состояніи буду долѣе его держать.»

Глубоко оскорбившись, Аграфена Кондратьевна сама написала брату колкое письмо, въ которомъ, между прочимъ, объясняла, что сынъ ея былъ и будетъ одѣтъ всегда прилично, а не такъ, какъ лакей, что безвинно оскорблять мальчика и называть его дуракомъ грѣшно, особливо близкому человѣку; но что все это происходитъ оттого, что важные родственники всегда тяготятся сдѣлать какое нибудь одолженіе, и что наконецъ она сыномъ своимъ не желаетъ отягощать его, потому что Степочка ея, благодаря Бога, и безъ дяденькиной протекціи будетъ имѣть кусокъ хлѣба.

Братъ въ свою очередь тоже очень оскорбился этимъ письмомъ и тотчасъ же велѣлъ Степочкѣ отправляться къ маменькѣ на печку, чему послѣдній очень обрадовался и въ тотъ же почти день собрался и уѣхалъ изъ Петербурга. Возвращеніе сына на родину, впрочемъ, очень огорчило Аграфену Кондратьевну; но потомъ, разсудивъ хорошенько, что, видно, это такъ угодно Богу, она рѣшилась его держать въ деревнѣ, пріучать покуда къ хозяйству, которое, по видимому, онъ очень любилъ, а потомъ женить повыгоднѣе.

«На словахъ онъ очень не дуракъ—разсуждала она сама съ собою — о нѣкоторыхъ вещахъ разсуждаетъ очень здраво и умно; поведенія прекраснаго; собой недуренъ, особенно въ петербург-

скомъ платьѣ; бережливъ до невѣроятности и даже скупъ», чему она тоже душевно радовалась, будучи твердо увѣрена, что имѣніе ея не будетъ, современемъ, промотано. «Насчетъ хорошей партіи тоже сомнѣваться нечего, потому что, сравнительно съ другими, онъ богатѣйшій въ губерніи женихъ». На этомъ Аграфена Кондратьевна успокоилась и зажила съ сыномъ припѣваючи. Степочка совершенно попалъ въ свою сферу: онъ ходилъ по работамъ, сидѣлъ на мельницѣ, толковалъ съ дворовыми людьми, вѣсилъ, мѣрялъ, подряжалъ плотниковъ, и тому подобное. Для полнаго охарактеризованія молодого человѣка, я считаю за нужное прибавить, что главная его мечта была — имѣть свою собственность, и потому, несмотря на малое количество денегъ, которое получалъ отъ матери, онъ уже успѣлъ скопить около тысячи рублей. Поселившись въ деревнѣ, онъ выпросилъ сначала у Аграфены Кондратьевны особенный огородецъ, потомъ пару лошадей, а за тѣмъ почти половину папенькинаго гардероба, сберегаемаго лѣтъ двадцать, и наконецъ уговорилъ мать отдать ему, хоть покуда, на словахъ, особую небольшую усадьбу, съ тридцатью душами, въ которой онъ самъ и хозяйничалъ: продавалъ изъ нея все, сбиралъ съ мужиковъ оброки и всѣ вырученныя деньги прилагалъ къ своему капиталу, тщательно скрывая отъ матери свои доходы и говоря ей, что ничего еще не пріобрѣлъ. Виды его, насчетъ собственности, простирались еще далѣе. Онъ желалъ, чтобы маменька отдѣлила ему не тридцать, а триста душъ, и отдѣлила по всѣмъ актамъ, а не на словахъ: но Аграфена Кондратьевна и слышать этого не хотѣла. Главныя потреб-

ности Степана Гарасимыча были весьма просты: онъ очень любилъ ходить въ баню и былъ страстный охотникъ пить чай и курить трубку; за послѣднее Аграфена Кондратьевна всегда ему выговаривала; но Степочка оправдывался тѣмъ, что онъ куритъ Вахрамѣева табакъ—недорогой, но здоровый. Платье себѣ онъ шилъ рѣдко, но за то былъ такъ опрятенъ, что на всемъ его гардеробѣ вы, конечно, не открыли бы ни одного пятнышка. Одно только было ему непріятно, что, поживши въ деревнѣ съ годъ, онъ началъ замѣтно полнѣть, и потому все платье сдѣлалось ему значительно узко. Въ свободныя отъ хозяйства минуты, Степанъ Гарасимычъ игралъ на флейтѣ,—искусство, которому онъ выучился въ Петербургѣ, и выучился совершенно случайно. Ему удалось на Толкучкѣ купить флейту за три гривенника. Пріобрѣтя инструментъ, онъ началъ учиться надувать его и въ настоящее время игралъ уже, по слуху, нѣсколько пѣсенъ и даже двѣ мазурки и вальсъ, и учился разбирать ноты. До музыки онъ былъ съ дѣтства большой охотникъ. Живя въ Петербургѣ, не смотря на свою расчетливость, онъ раза два ходилъ слушать органъ Палкина и былъ нѣсколько разъ въ театрѣ въ оперѣ. Но главная его страсть, кажется, была къ золотымъ и брильянтовымъ вещамъ. По настоящее время у него было четверо часовъ, нѣсколько булавокъ, запонковъ, перстней. Собой и своей наружностію онъ постоянно былъ доволенъ, за исключеніемъ, впрочемъ, красноты, которою, особенно въ жаркое время года, ужасно тяготился. Но да не подумаетъ читатель, что для сердца молодого человѣка не были доступны и другія, болѣе нѣжныя движенія. Пре-

красный полъ давно уже волновалъ его воображеніе. Нѣсколько приключеній, случившихся по этому предмету съ Степаномъ Гарасимычемъ, ясно доказывали, что онъ для любви былъ способенъ на самоотверженіе: такъ, напримѣръ, ухаживая за одною барышнею очень бѣдною и собой даже дурною, онъ такъ позволилъ себя завлечь, что его чуть не увезли и не обвѣнчали на ней. Кромѣ этихъ исключительныхъ привязанностей, молодой человѣкъ интересовался вообще всѣми дѣвицами и молодыми дамами и былъ съ ними замѣчательно любезенъ и разговорчивъ. Разговаривать, впрочемъ, онъ любилъ со всѣми: и съ барышнями, и съ своимъ братомъ, и съ сосѣднимъ мужикомъ. На двадцать-девятомъ году, молодой человѣкъ наконецъ окончательно рѣшился жениться, на что была вполнѣ согласна и Аграфена Кондратьевна. На семейномъ совѣщаніи положено было: ѣхать Степочкѣ въ сентябрѣ для пріисканія невѣсты и для разсѣянія, мѣсяца на два, въ уѣздный городокъ Б...

Пріѣхавъ и поселившись у Кузьминишны, Степанъ Гарасимычъ, по приказанію маменьки, сдѣлалъ всѣмъ визиты и былъ принятъ всѣми очень хорошо, особенно въ домѣ Алексѣя Сергѣича. Конечно, всѣ разумѣли его какъ Степочку и очень хорошо знали, что онъ былъ совершенно неспособенъ къ наукамъ, что на словахъ иногда такъ провирался, что изъ рукъ вонъ, а многимъ даже хорошо была извѣстна его неимовѣрная скупость. Но благоустроенное состояніе заставляло забывать все, и нѣкоторые папеньки и маменьки всѣ странные поступки молодого человѣка относили къ одному только благоразумію. Почтенный и богатый

Алексѣй Сергѣичъ хватилъ въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ. Онъ отзывался о Степанѣ Гарасимычѣ, какъ о скромномъ, но очень не глупомъ человѣкѣ и весьма недурно воспитанномъ, приводя въ доказательство то, что, будто бы, онъ музыкантъ и очень хорошо играетъ на флейтѣ. Въ обществѣ даже поговаривали, что врядъ-ли онъ ненамѣренъ просватать за него свою родственницу—дѣвушку, по общей молвѣ, не богатую, но превосходно воспитанную. Молодыя дамы и дѣвицы не раздѣляли, впрочемъ, этого выгоднаго мнѣнія о М-г Сальниковѣ и называли его между собою: *противнымъ*.

Напившись чаю, Степанъ Гарасимычъ позвалъ къ себѣ Аксинью, которая между тѣмъ ужь отогрѣлась на печкѣ, и вступилъ съ нею въ разговоры. Сначала разспросилъ онъ ее очень подробно, на сколько маменька запродала хлѣба, не появляется ли въ озими червь отъ сырости, каковъ въ загородахъ для скотины кормъ, и даже поинтересовался узнать, сколько въ имѣніи родилось мальчиковъ. Часу въ осьмомъ онъ началъ сбираться на вечеръ.

— Видала ли ты, Аксинья, такіе жилеты? сказалъ онъ, показывая ей новый бѣлаго пике жилетъ.

— Гдѣ, батюшка, видѣть-то,—нѣтъ-съ! что мы, деревенскія дуры, видѣли.... ничего, акромя лѣсу, не видали!

— Ну, постой, погоди, я тебѣ покажу еще одну штучку. Узнаешь ли ты, что это такое?... сказалъ съ лукавою улыбкою баринъ. Аркашка, ты смотри, не сказывай матери, что это такое, прибавилъ онъ, и, развернувши свой атласный шарфъ, показалъ его Аксиньѣ.

*

Та первоначально ахнула, потомъ похвалила.

— Что это такое? повторилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Не знаю, что такое: платъ, либо кушакъ? должно быть кушакъ-съ.

Баринъ захохоталъ во все горло, Аркашка тоже.

— Ты-то что, пострѣлъ пучеглазый, смѣешься! сказала Аксинья въ сердцахъ сыну.

— Видала ли ты меня, Аксинья, наряднымъ-то? спросилъ Степанъ Гарасимычъ, переставая смѣяться и вынимая собственными руками изъ сундука фрачную пару, бѣлый жилетъ, шарфъ и манишку.

— Нѣтъ-съ, хорошенько-то не видала! разъ въ церкви.... да и то мелькомъ: изъ за народу-то не видно было.

— Ну, такъ ты подожди въ лакейской; я одѣнуся и покажусь тебѣ.

Аксинья вышла, Степанъ Гарасимычъ, съ помощію Аркадія, началъ одѣваться и, когда былъ совсѣмъ готовъ, велѣлъ позвать Аксинью.

— Что, хорошо ли? спросилъ онъ.

— Хорошо, батюшка; только отчего это у васъ аполетъ-то нѣтъ? Вотъ изъ Егорьевскаго баринъ такъ въ аполетахъ.

— То, дура, военный, а я штатскій.

— Такъ-съ.... Вы куда же это теперь изволите собираться-то?

— Въ гости: танцовать. Тамъ все невѣсты будутъ; я имѣю, признаться сказать, тутъ маленько расчетецъ на одну барышню!

— Ну вотъ, батюшка, слава Богу! маменька насчетъ этого больно желаетъ. Мнѣ передъ от-

ѣздомъ изволила говорить: очень бы, говоритъ, Аксиньюшка, я этого желала.

— Эхъ, маменька, маменька!... произнесъ молодой человѣкъ, со вздохомъ. Желать она, конечно, желаетъ, да дѣлаетъ-то не то. Кабы напередъ обезпечила да собственнымъ-то домомъ меня завела, такъ жениться-то бы было и сподручнѣе; а то говоритъ: возьми тридцать душъ, да и заговѣйся на томъ; а жить-то потомъ мнѣ, а не маменькѣ, придется. Ну, такъ я и долженъ имѣть на это свое собственное соображеніе.

— Вѣстимо, батюшка, свой разумъ царь въ головѣ, подхватила Аксинья.

— Да.... то-то царь въ головѣ; а какъ женишься безъ соображенія-то, такъ и выйдетъ Богъ знаетъ что. Тутъ первый пунктъ — состояніе. Вотъ нынче приказные, и тѣ хотятъ, чтобы приданое было, да тысячъ пять денегъ; да года три еще тесть-то его хлѣбомъ кормитъ.... такъ оно и составитъ кой-что!

— Вы, ужь, батюшка, богатую берите; бѣдную намъ на что? бѣдную-то намъ не надобно!

— До бѣдныхъ я и самъ не охотникъ. Теперешнее дѣло мое вотъ какое: у невѣсты ничего нѣтъ; да дяденька есть съ кубышкой: такъ и починай ее; а дѣвушка-то красавица изъ себя, какъ картинка; третьяго дня я во снѣ даже видѣлъ, что будто она ужь спитъ со мной.

— Дай Богъ, батюшка, добрая бы только была да справедливая, какъ маменька ваша: требуетъ, напримѣръ, хошь и строго, а все въ дѣлѣ. На всемъ околодкѣ спросите: нигдѣ отъ насъ жалобъ нѣтъ; только вотъ насчетъ мѣсячины маленько идетъ....

— Нѣтъ, Аксинья, ты этого не говори: мѣсячины идетъ довольно.

— Ну, батюшка, ваше дѣло! конечно, намъ говорить не приходится.

— Ну, теперь ступай; завтра для меня ничего не готовь: можетъ быть, куда нибудь обѣдать позовутъ; а нѣтъ, такъ и вашего поѣмъ. Квасъ чтобы былъ: я его съ толокномъ очень люблю. Запасъ, пожалуйста, поберегай, а то не опять же сюда загонять подводы. Если будетъ оставаться что́ съ вечера, такъ ты на другой день и не готовь: перебьемся какъ нибудь.

— Слушаю-съ! отвѣчала Аксинья и пошла было.

— Аксинья! кликнулъ Степочка:—рыжка, я думаю, отдохнулъ; скажи-ка Кузьмѣ, чтобы мнѣ заложилъ его въ дрожки; а то скверно: все пѣшкомъ хожу... какъ будетъ готова, такъ доложили бы мнѣ....

Оставшись одинъ, молодой человѣкъ началъ глядѣться въ зеркало и видимо остался доволенъ собою и своимъ туалетомъ. Но я съ своей стороны не скажу этого: костюмъ его былъ даже совершенно неприличенъ для наслѣдника шестисотъ душъ: фракъ—еще петербургскій, который сшилъ ему дядя, и потому этотъ фракъ принадлежалъ къ той давно минувшей модѣ, когда таліи носили только что не на лопаткахъ, и очень много настегивали ваты; бѣлаго пике жилетъ, которымъ богатый женихъ такъ гордился, былъ никуда не годно сшитъ, да и самое пике было весьма двусмысленной доброты; про петербургскія манишки съ дырочками и говорить нечего: онѣ ниже всякихъ словъ; брюки тоже: вытянутыя на колѣнкахъ, съ морщинами и съ какими-то тоненькими штрипками,—однимъ словомъ, очень нехо-

роши! Но все это Степанъ Гарасимычъ скрасилъ, надѣвъ одни изъ своихъ часовъ съ толстою золотою цѣпочкою, и украсивши свои руки двумя перстнями. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ и въ шарфъ воткнулъ брильянтовую булавку.

Проэктъ его ѣхать на рыжкѣ не состоялся, потому что Кузьма.... Но здѣсь я нужнымъ нахожу сказать нѣсколько словъ о Кузьмѣ: во первыхъ, онъ былъ, надо полагать, очень хорошій кучеръ, потому что въ самую темную ночь, даже подгулявши гдѣ нибудь на праздникѣ, привозилъ домой барыню въ ея колымагѣ совершенно благополучно; во вторыхъ, кое-что зналъ по коновальному дѣлу и очень любилъ пускать лошадямъ кровь, и вообще этихъ животныхъ любилъ исключительно, и только настойчивостію своего характера выпрашивалъ у барыни получше для нихъ кормъ. Но при всѣхъ этихъ кучерскихъ достоинствахъ, онъ имѣлъ одинъ огромный недостатокъ: былъ чрезвычайно грубъ, какъ съ своимъ братомъ, такъ и съ господами, чувствуя особое расположеніе говорить и дѣйствовать имъ на перекоръ, и въ малѣйшихъ пустякахъ старался ихъ переумничать.

Степанъ Гарасимычъ сидѣлъ по крайней мѣрѣ полчаса въ ожиданіи лошади. Наконецъ у него недостало терпѣнія: онъ вышелъ на крыльцо. Кузьма и не думалъ закладывать дрожки, а преспокойно сидѣлъ въ избѣ и перебранивался съ Аксиньей, утверждая, что лошадь и безъ того измучена....

Зная, что Кузьму переспорить не было никакой возмомности, Степанъ Гарасимычъ только плюнулъ; а черезъ нѣсколько минутъ, надѣвши пальто на ватѣ, сшитое изъ папенькиной зеленаго

цвѣта шинели, и круглую складную шляпу, купленную имъ еще въ Петербургѣ, по случаю, онъ шелъ уже по деревянному тротуару, бережно обходя всѣ лужи, что́ было сдѣлать довольно трудно: ночь была хоть глазъ выколи. Но не смотря на это, молодой человѣкъ дошелъ благополучно, и имѣлъ только маленькую непріятность отъ двухъ собакъ, которыя крѣпко было къ нему привязались. Но онъ зналъ для спасенія отъ этихъ безпокойныхъ животныхъ прекрасный способъ: присѣсть на корточки къ землѣ, и собаки, воображая, что на нихъ берутъ камень, полаявши, обыкновенно разбѣгаются, что́ и въ этотъ разъ было имъ исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ. Флейту свою Степанъ Гарасимычъ велѣлъ Аркашкѣ, часа черезъ два, принести въ лакейскую Алексѣя Сергѣича, и потихоньку себя вызвать.

II.

У Алексѣя Сергѣича Ухмырева, къ которому отправился Степанъ Гарасимычъ танцовать, любезничать съ барышнями и сыграть что нибудь, по желанію хозяйки, на флейтѣ, было уже довольно много гостей. Весь домъ, какъ водится, былъ освѣщенъ. Трудно описать, на сколько этотъ домъ былъ для всѣхъ городскихъ и уѣздныхъ господъ пріятнымъ убѣжищемъ,—не говоря уже того, что въ немъ все было для уѣзднаго городка даже слишкомъ богато, или, лучше сказать, все блестѣло, начиная съ паркетнаго пола до бронзовой, подъ чехломъ, люстры. Драпировка была тоже вездѣ, гдѣ только ей позволительно быть: и на всѣхъ

окнахъ, и на дверяхъ, и даже между двумя колоннами, отдѣляющими въ наугольной комнатѣ небольшое возвышеніе, обстановленное съ боковъ цвѣтами. Но все это было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ радушнымъ пріемомъ, который находилъ въ этихъ стѣнахъ каждый, особенно играющій хоть немного въ карты, такъ какъ хозяинъ и хозяйка были страстные до нихъ охотники. Въ продолженіе цѣлаго года не проходило почти ни одного вечера, чтобы въ этомъ гостепріимномъ домѣ не играли стола на два въ карты. Званые обѣды тоже повторялись довольно часто, а запросто—такъ ужь, конечно, каждый день кто нибудь изъ постороннихъ обѣдалъ. Про самого Алексѣя Сергѣича говорили еще нѣчто не въ его пользу: признавая въ немъ доброту, многіе понимали его такъ, что живетъ онъ на широкую ногу не по гостепріимству, а по самолюбію, потому что богатство предпочитаетъ всему, и въ знакомствѣ очень неровенъ: передъ богатыми и знатными унижается, такъ что видѣть непріятно, а кто по бѣднѣе, такъ поднимаетъ носъ и даже никогда не платитъ визитовъ. Смѣялись также очень надъ тѣмъ, что онъ, стараясь представить изъ себя барича и человѣка образованнаго, разсказывалъ, что будто бы не можетъ ѣсть того да другого, что мѣстной мадеры и наливки запаху даже слышать не въ состояніи, и привыкъ только пить заграничныя вина, и наконецъ, что будто бы очень много читаетъ. Но этому рѣшительно никто не вѣрилъ, и нѣкоторые утверждали фактами, что пить и ѣсть онъ можетъ все, и что книги выписываетъ для одного форса, самъ же ихъ и не разрѣзываетъ, такъ какъ онъ человѣкъ самаго маленькаго образованія: очень

некраснорѣчивъ въ разговорахъ, да кромѣ того и въ языкѣ имѣетъ небольшую помѣху, потому что когда говоритъ, то какъ будто бы заикается. Къ нему даже прикладывали пословицу: «родись не уменъ, не пригожъ, а счастливъ», на томъ основаніи, что въ молодости своей онъ былъ, какъ говорили, совсѣмъ пустой малый: картежникъ, мотишка и собой весьма не презентабельный, но при всемъ этомъ успѣлъ, однако же, внушить любовь въ богатой вдовѣ—теперешней его супругѣ, и, женившись на ней, вышелъ, по состоянію, въ люди. Но никто ничего подобнаго не говорилъ про M-me Ухмыреву: она пользовалась не только всеобщимъ уваженіемъ, но даже любовью: въ устахъ всѣхъ и каждаго именовалась она наидобрѣйшею Авдотьею Егоровною. И въ самомъ дѣлѣ, это была дама самаго деликатнаго воспитанія и самыхъ нѣжныхъ отъ природы чувствъ. Ни къ кому во всю свою жизнь не относилась она безъ ласковаго эпитета. Говоря съ самою бѣдною женщиною, она называла ее: *милушкой* или *душа моя*. Дамъ равныхъ съ нею она именовала *многоуважаемая* или *неоцѣненная моя*. Съ молодыми дѣвицами была тоже очень привѣтлива: *chère Catiche*, *mon aimable Nina*—относилась она къ нимъ. Разговаривая съ молодыми людьми, она обыкновенно прибавляла: *внучекъ мой*, *сынокъ мой*, *остроумный шалунъ нашъ*. Даже лакеевъ своихъ она называла ласкательными именами: *Петруша*, *Ванюша*. Доброта ея доходила, впрочемъ, и до нѣкоторыхъ крайностей: она ни за что въ мірѣ не согласилась бы ѣсть ни мяса, ни дичи, ни рыбы, если бы только передъ обѣдомъ сказали ей, что это мясо коровы, которую третьяго-дня закололи, что

жаренаго тетерева вчера застрѣлили, и что, наконецъ, эту прекрасную стерлядь въ ухѣ почти живую положили въ кострюлю. Покойниковъ она тоже очень боялась, или, лучше сказать, просто не могла о нихъ слышать,—вслѣдствіе чего ея мужъ и всѣ хорошіе знакомые тщательно скрывали отъ нея, если кто нибудь въ городѣ умиралъ. Къ собакамъ и кошкамъ, которыхъ въ домѣ держалось огромное количество, была страстна. Въ карты, какъ я и прежде объяснялъ, Авдотья Егоровна очень любила играть и была большая мастерица этого дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ играла съ такимъ благородствомъ и съ такою уступчивостію, что людямъ благороднымъ, но дурно играющимъ, съ нею было даже совѣстно играть, люди же неблагородные, но хорошо играющіе, этимъ, конечно, пользовались. Злорѣчія моя добрая дама очень не любила и всякій разъ дѣлала грустный видъ, когда ей кто нибудь начиналъ разсказывать въ этомъ родѣ. Въ настоящее время ей было слишкомъ за сорокъ, чтобы не сказать: и всѣ пятьдесятъ. Лицо ея, какъ я полагаю, нѣкогда довольно нѣжное, походило уже теперь на испеченое яблоко. Одѣвалась она не только хорошо, но даже богато, и очень любила душиться модными духами. Это послѣднее обстоятельство служило поводомъ къ легкой насмѣшкѣ насчетъ ея. Нѣкоторые подозрѣвали, что будто бы эта почтенная женщина считаетъ еще себя не совсѣмъ дурною и вѣритъ въ возможность производить нѣкоторое впечатлѣніе своею наружностію. Но я съ этимъ не согласенъ и отношу изысканность ея туалета къ одному опрятству и хорошимъ привычкамъ.

Съ годъ тому назадъ домъ Алексѣя Сергѣича

еще болѣе одушевился: въ немъ появилась племянница Авдотьи Егоровны, Вѣра Павловна Ензаева, московская барышня, родившаяся и воспитанная въ богатствѣ, но въ настоящее время сирота и безъ всякаго состоянія. Алексѣй Сергѣичъ, а болѣе того Авдотья Егоровна любили ее, кажется, какъ родную дочь и, не имѣя родныхъ дѣтей, цѣлью своей жизни поставили себѣ упрочить ея будущность. Одѣвали ее какъ куклу. Собственно для нея выписали они изъ Москвы превосходный лихтенталевскій рояль и, наконецъ, затѣяли танцовальные вечера. Авдотья Егоровна съ восторгомъ разсказывала всѣмъ знакомымъ, какая музыкантша ея племянница, и какъ она всегда плачетъ, когда chère Véra въ сумерки разыгрываетъ какую нибудь увертюру. Что́ касается до самой молодой дѣвушки, то на первомъ же балѣ, который Алексѣй Сергѣичъ далъ по случаю ея пріѣзда и на которомъ Авдотья Егоровна представила ее обществу, всѣми почти дамами было замѣчено: во первыхъ, что Вѣрѣ слишкомъ и даже очень слишкомъ за двадцать; во вторыхъ, о цвѣтѣ лица ея рѣшили, что днемъ онъ желтоватъ, а румянецъ даже болѣзненный, это подтвердилъ и мѣстный докторъ: онъ разсказывалъ многимъ, что дѣвушка очень слабаго сложенія, страдаетъ нервными припадками и склонна къ чахоткѣ; и наконецъ, въ третьихъ, было открыто, что Вѣра не имѣетъ настоящаго свѣтскаго образованія, а только учена, и потому о своей учености черезчуръ много думаетъ, и вообще не любезна, особенно съ дамами и дѣвицами, изъ которыхъ съ нѣкоторыми она даже не проговорила ни одного слова, а разсуждаетъ больше съ мужчинами, и то

все о поэзіи, музыкѣ и тому подобныхъ предметахъ, что и относили къ кокетству и гордости съ ея стороны. Большая часть мужчинъ не соглашалась съ мнѣніемъ дамъ. Они утверждали, что у Вѣры Павловны прекрасные каріе глаза, цвѣтъ лица не желтоватый, а матовый, который къ ней очень идетъ, и что наконецъ она ума необыкновеннаго для женщины.

Въ настоящее время танцовальные вечера у Алексѣя Сергѣича, по случаю дворянскаго съѣзда, были весьма многолюдны. Не говоря уже о прекрасномъ полѣ, котораго въ провинціи всегда бываетъ достаточно, но даже кавалеровъ, и кавалеровъ танцующихъ, было четверо, а именно: знакомый нашъ Степанъ Гарасимычъ; отпускной уланъ Карелинъ; вышеупомянутый докторъ, хотя уже не молодой и женатый, но большой еще любезникъ съ дамами; нѣкто М-г Мишель, преумненькій и премиленькій мальчикъ 17 лѣтъ, приготовлявшійся поступить въ гусары, и, наконецъ, еще нѣкто М-г Шамиловъ, молодой помѣщикъ, съ полгода уже пріѣхавшій въ свою небольшую усадьбу. Но сей послѣдній, впрочемъ, черезчуръ много важничалъ, выгибалъ изъ себя какого-то ученаго человѣка, мало танцовалъ и, по послѣднимъ замѣчаніямъ, очень интересовался Вѣрой Павловной, которая и сама, по видимому, предпочитала его прочимъ молодымъ людямъ.

Тетка и дядя, впрочемъ, этому не сочувствовали; по крайней мѣрѣ Алексѣй Сергѣичъ во всеуслышаніе отзывался очень дурно о Шамиловѣ и называлъ его недоученнымъ философомъ и несноснымъ фантазёромъ.

Но обращаюсь къ самому разсказу. Гостей, какъ

я и прежде замѣтилъ, было довольно. Въ кабинетѣ играли на двухъ столикахъ: на одномъ самъ хозяинъ, съ тѣми, кто позначительнѣе, а на другомъ была партія гораздо пониже. Разговоръ между игроками былъ обыкновенный, карточный: то есть спорили о томъ, у кого была дама, и у кого король и, наконецъ, кто глупо и нерасчетливо сыгралъ,—и споръ этотъ, какъ водится, былъ довольно запальчивый и исполненный личностей другъ противъ друга. Низшая партія была гораздо скромнѣе; она только немилосердно курила въ четыре трубки. По залѣ ходили двѣ дѣвицы: Иринъ Шмакова и Софи Моросенко. Обѣ эти барышни воспитывались вмѣстѣ въ губернскомъ пансіонѣ и, по дружбѣ родителей, а еще болѣе того по влеченію своихъ собственныхъ сердецъ, еще на школьной скамейкѣ соединились узами тѣснѣйшей дружбы. Выходя изъ пансіона и раздѣлившись семидесятиверстнымъ пространствомъ, онѣ обливались горькими слезами, долгое время грустили другъ о другѣ и завели потомъ каждонедѣльную переписку. Онѣ имѣли чрезвычайно много между собою тайнъ и при личныхъ своихъ свиданіяхъ всегда говорили о своихъ знакомыхъ личными мѣстоимѣніями: *онъ* и *она*. При такой нравственной симпатіи, по наружности онѣ были различны: Иринъ Шмакова была высокая, худощавая брюнетка, и гордилась стройностію таліи. Откровенно говоря, она была нехороша собою. Но Софи Моросенко цвѣла здоровьемъ: маленькая ростомъ, черезчуръ румяная, совершенно безъ таліи, но въ то же время съ очень пріятною физіономіею. Несмотря на различіе комплексій, обѣ дѣвицы, по чувству дружбы, всегда сохраняли буквальное сходство въ туалетѣ.

Въ настоящемъ случаѣ онѣ были одѣты въ розовыя газовыя платья, съ бѣлыми поясами, и съ незабудками на головѣ. Молодая дама, нѣкая Катерина Петровна, была тоже ихъ другъ и знала всѣ ихъ тайны. Въ костюмѣ своемъ она, конечно, не подражала имъ. На ней былъ вердепомовый полукапотъ, отдѣланный черными кружевами. Она была бы недурна, если бы выраженіе ея лица менѣе походило на птичье. Ее разумѣли какъ даму милую, но не много вредную на языкѣ. Разговоръ въ настоящемъ случаѣ эти дамы вели между собою на французскомъ діалектѣ и смѣялись насчетъ Вѣры Павловны, которую всѣ онѣ не любили, потому что̀ она съ ними почти никогда не занималась, что̀ бы ей слѣдовало дѣлать какъ хозяйкѣ дома. Въ гостиной тоже играли на двухъ столикахъ: Авдотья Егоровна, какъ и мужъ, составляла партію позначительнѣй, а на другомъ столикѣ сражались въ преферансъ три старыя барыни старыми картами и кажется по копейкѣ серебромъ, но за то съ пѣной на губахъ отъ злобы другъ противъ друга; по стѣнѣ около оконъ сидѣло нѣсколько молоденькихъ барышень.

Въ наугольной комнатѣ, на томъ возвышеніи, о которомъ я прежде упоминалъ, сидѣла Вѣра Павловна. Она была очень интересна въ бѣломъ газовомъ платьѣ, между цвѣтами, и слегка облокотившись на маленькій столикъ. Передъ нею, нѣсколько въ почтительномъ отдаленіи, сидѣлъ молодой человѣкъ. Лицо его довольно пріятное, имѣло отчасти ученое выраженіе, то есть онъ былъ въ очкахъ, съ длинными и небрежно зачесанными назадъ волосами, визитномъ полуфракѣ и гладко натянутыхъ перчаткахъ, и вообще нѣс-

колько смахивалъ на итальянскаго художника. Это былъ М-г Шамиловъ. Собесѣдники нѣкоторое время молчали. Молодой человѣкъ сидѣлъ задумавшись, обрывая съ розана лепестки, который онъ сорвалъ съ близъ-стоящаго куста.

— За что вы такъ истерзали этотъ несчастный розанъ? сказала дѣвушка съ улыбкою.

— Я-съ?... проговорилъ молодой человѣкъ, какъ бы придя въ себя.—Я и самъ не знаю, что̀ дѣлаю, прибавилъ онъ.

— Вы не любите цвѣтовъ?

— Нѣтъ.

— Не вѣрю.

— Почему же?

— Такъ: надобно быть очень злымъ человѣкомъ, чтобы не любить цвѣтовъ... моря... лѣсъ... небо... какъ все это хорошо! особенно лѣсъ! я очень его люблю... мнѣ кажется, что всякое деревцо думаетъ, и что можетъ быть, они говорять между собой, когда шелестятъ листочками.

— Лѣсъ я самъ люблю болѣе другого. Онъ по крайней мѣрѣ поражаетъ меня своимъ величественнымъ спокойствіемъ.

Вѣра Павловна покачала головою.

— Не шутя говорю, продолжалъ молодой человѣкъ:—я въ природѣ чувствую одно только величіе и спокойствіе. Красоты я въ ней не вижу; если она и существуетъ, то очень вдали; вблизи природа груба.

—А цвѣты? не ужели вы не чувствуете ихъ красоты?

—Точно ту же красоту я вижу и въ нарисованномъ цвѣткѣ.

— Нѣтъ, ей Богу нѣтъ, М-г Шамиловъ! я ни-

когда не соглашусь съ вами, возразила дѣвушка. —Я очень люблю цвѣты: они живутъ, чувствуютъ.

— Полноту вашихъ чувствованій, Вѣра Павловна, вы переносите на природу. Изъ вашихъ словъ она, мнѣ кажется, гораздо лучше, чѣмъ я самъ ее вижу.

На нѣсколько минутъ разговоръ прекратился.

— Пишите ли вы теперь? начала опять дѣвушка. Помните, вы мнѣ говорили, что у васъ начато объ идеалахъ поэзіи. Это должно быть очень любопытно.

— Да, я началъ, но отсталъ, отвѣчалъ Шамиловъ.—Теперь въ моей головѣ болѣе серьёзная мысль, которая мучитъ меня день и ночь, но за которую все-таки не достаетъ воли приняться.

— Отчего же?

— Оттого, что я теперь болѣе способенъ чувствовать, чѣмъ мыслить, отвѣчалъ Шамиловъ.

Вѣра посмотрѣла на него.

— Какая же ваша мысль? спросила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я думаю, началъ Шамиловъ нѣсколько профессорскимъ тономъ:—приняться за большое дѣло—написать драму изъ греческой жизни.

— Изъ греческой жизни? спросила Вѣра Павловна съ удивленіемъ.

— Чему же вы такъ удивились?

— Да такъ; немного странно нынче писать изъ греческой жизни. Что же это будетъ — въ родѣ Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ?»

— Совсѣмъ въ другомъ! возразилъ Шамиловъ, какъ бы нѣсколько уже обиженнымъ тономъ.—Послушайте, продолжалъ онъ многозначительно и ударивъ себя въ грудь; въ писательствѣ, какъ и

во всякомъ другомъ хорошемъ дѣлѣ, должно или что нибудь дѣлать серьезное или ничего не дѣлать. Не романы-же слагать à la Dumas, не повѣсти-же разсказывать, какъ разсказываютъ ихъ наши бельлетристы, и читать-то подобную галиматью терпѣнья нѣтъ.

Вѣра въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ и очень внимательно смотрѣла на него.

— Въ чемъ-же собственно будетъ состоять сюжетъ вашей трагедіи? спросила она.

— Вы конечно знаете, что въ Греціи существовало постоянно одна за другой нѣсколько философскихъ школъ. Эти-то школы я и думаю олицетворить въ одномъ человѣкѣ, который первоначально живетъ, мыслитъ, составляетъ нѣкоторую систему и результаты своего мышленія вводитъ въ общество, которое, конечно, на первомъ шагу ему противодѣйствуетъ. Въ немъ возбуждается драма; но онъ не слабѣетъ и торжествуетъ—это первый актъ. Но потомъ, по процессу мышленія, онъ достигаетъ новыхъ результатовъ и составляетъ новую школу; противъ него снова возстаютъ, укоряютъ его прежними выводами, не сознавая того, что новые результаты вовсе не противоположны прежнимъ и вовсе не уничтожаютъ ихъ, но, напротивъ того, вытекаютъ изъ нихъ же и представляютъ собою одно только органическое развитіе мысли. Драма въ философѣ возбуждается страшная; но онъ снова торжествуетъ и снова достигаетъ новыхъ результатовъ. Такъ онъ проходитъ всѣ системы и наконецъ впадаетъ въ скептицизмъ, къ которому Греція была уже готова, и вмѣстѣ съ нею падаетъ. Но главное дѣло въ томъ, что вся драма будетъ обставлена обычаями изъ греческой

жизни, все должно быть проникнуто этимъ художественнымъ греческимъ чувствомъ, всѣ сцены будутъ происходить въ этихъ аѳинскихъ портикахъ, въ ихъ таинственныхъ храмахъ, или наконецъ на площадяхъ, подъ чуднымъ и прекраснымъ небомъ....

— Это будетъ чудесно, сказала Вѣра: — въ стихахъ?

— Конечно.

Между тѣмъ въ залѣ, куда вошелъ Степанъ Гарасимычъ, происходили совершенно другаго рода сцены: тамъ ходили тѣже двѣ дѣвицы и дама, M-r Сальниковъ разшаркался предъ ними.

— У себя Алексѣй Сергѣичъ? отнесся онъ къ Иринѣ Шмаковой.

Та посмотрѣла ему въ лицо и немного сконфузилась; дама сдѣлала гримасу.

— У себя-съ? повторилъ Степанъ Герасимычъ.

— Дома, отвѣчала дѣвушка и очень уже сконфузилась.

— А гдѣ я ихъ могу видѣть? продолжалъ гость допрашивать.

— Онъ, кажется, тамъ, подхватила съ пренебреженіемъ дама, указывая на кабинетъ.

— Merci, Madame! Отвѣчалъ Степанъ Гарасимычъ и, снова разшаркавшись, ушелъ въ кабинетъ.

— Можно ли быть такъ глупу: спрашиваетъ насъ какъ швейцара! сказала дама.—Я хотѣла его послать въ лакейскую спросить объ этомъ.

— Я чуть не умерла со стыда, произнесла M-lle Шмакова.

— Сначала я и не поняла, что̀ онъ меня спрашиваетъ.

— Я видѣла, что вы растерялись, и потому поспѣшила къ вамъ на помощь, проговорила дама.

При входѣ Сальникова въ кабинетъ, хозяинъ издалъ звуки радости и, тотчасъ же взявши гостя за обѣ руки, дружески потрясъ ихъ и потомъ поцаловалъ его въ уста.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ тотъ, разшаркавшись прочимъ игрокамъ.

— Ничего, хорошо; ну, а вы что́.... какъ?...

— Я такъ-съ.... также какъ и вы.... Здоровье Авдотьи Егоровны?

— Авдотья Егоровна у меня все хилѣетъ, — сегодня впрочемъ, ничего.

— Вѣра Павловна тоже, полагаю, здоровы?

— Здорова. Прошу присѣсть.

— Благодарю васъ: все сидѣлъ.

— Прикажете трубку, сигару, папироску? Мальчикъ!.. Чего прикажете?

— Позвольте ужъ безпокоить васъ трубкой.

— Трубку, скорѣе, да чаю сюда! сказалъ хозяинъ и на нѣсколько минутъ отвернулся отъ Степана Гарасимыча, потому что долженъ былъ играть.

Съигравши партію, онъ снова обратился къ гостю и, не находя, кажется, о чемъ бы съ нимъ заговорить, глядѣлъ на него ласково.

— Какъ проводите ваше время? спросилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Такъ себѣ: послѣ обѣда все дуемся въ карты, а поутру погулялъ немного.... а вы — не гуляете?

— Здѣсь—нѣтъ-съ!... здѣсь непріятно гулять.... собакъ очень много.... По рядамъ пройтись, конечно, пріятно, но вѣдь деньги надобно мотать; а въ деревнѣ-съ я цѣлый день въ полѣ: тамъ, по моему, запахъ этакой пріятный: рожью.... сѣномъ.... я очень люблю какъ сухое сѣно пахнетъ.

— Да, запахъ пріятный! я самъ люблю.... Матушка ваша здорова?

— Слава Богу-съ; только рана на ногѣ все ихъ безпокоитъ.

— Рана!?... и большая?

— Я думаю—въ мѣдный пятакъ.

— Въ мѣдный пятакъ, однакожь? какая большая! А давно?

— Третій годъ.

— Третій годъ, скажите пожалуста! Какъ, я думаю, это имъ непріятно?

— Ничего-съ: маменька ужь привыкли,—подъ старость ужь ничего; вотъ намъ молодымъ людямъ было бы непріятно, потому что танцовать нельзя.

— Да, конечно, молодые люди другое дѣло, но и старики тоже чувствуютъ, проговорилъ хозяинъ, снова обращаясь на нѣкоторое время къ игрѣ.

Степанъ Гарасимычъ между тѣмъ пилъ чай и курилъ трубку, и когда онъ допилъ свой стаканъ, то робберъ уже кончился. Алексѣй Сергѣичъ всталъ и взялъ его подъ руку.

— Вы не видали еще жены? спросилъ онъ.

— Не имѣлъ еще счастья....

Они пошли и, проходя залу, оба улыбнулись дамамъ.

— Eudoxie!... Степанъ Гарасимычъ!... сказалъ Алексѣй Сергѣичъ, подходя къ женѣ.

— Bonsoir, M-r Salnicoff! произнесла та самымъ привѣтливымъ голосомъ, протягивая гостю руку.

— Ваше здоровье? спросилъ тотъ.

— Благодарю васъ! Сегодня я здорова.

— Можетъ быть оттого, что вы сегодня пріятно проводите время.

— Да! Но я никогда не скучаю. Благодаря нашихъ знакомыхъ, мы никогда почти не бываемъ одни.

— Знакомые ваши, я думаю, вамъ болѣе обязаны, возразилъ Степанъ Гарасимычъ: — потому что вы ихъ такъ угощаете, что другіе, я думаю, во всю жизнь дома того не видали.

При этомъ откровенномъ замѣчаніи молодаго человѣка нѣкоторые изъ сидѣвшихъ вблизи гостей покраснѣли, а другіе только улыбнулись; хозяйка потупилась.

— Вы помните ваше обѣщаніе насчетъ флейты? сказала она, какъ бы желая перемѣнить разговоръ.

— Я никогда не позволю себѣ забыть обѣщаній, которыя я давалъ дамамъ.

— Право?

— Дамы сами такъ добры и такъ милы, что обманывать ихъ грѣшно.

— А какъ между тѣмъ часто мужчины обманываютъ женщинъ, замѣтила одна изъ игравшихъ дамъ.

— Конечно-съ, это бываетъ; но это, сами согласитесь, какіе нибудь прохвосты! проговорился опять Степанъ Гарасимычъ.

Авдотья Егоровна опять потупилась; нѣкоторые изъ гостей засмѣялись; молодой человѣкъ, кажется, и самъ замѣтилъ, что ужь черезчуръ откровенно выражался, а потому и самъ нѣсколько смѣшался.

— Вѣра Павловна, можетъ быть, еще не вышли изъ своей комнаты? сказалъ онъ.

— Нѣтъ; она, кажется, въ наугольной.

Степанъ Гарасимычъ отошелъ отъ хозяйки. Между тѣмъ Алексѣй Сергѣичъ, подведя гостя къ женѣ, хотѣлъ было вернуться въ свой кабинетъ, но

увидѣвъ въ зеркало, что Вѣра сидитъ съ Шамиловымъ, надулся и съ сердитымъ лицомъ вошелъ въ наугольную, взглянулъ значительно на племянницу, посмотрѣлъ изъ подлобья на ея собесѣдника, толкнулъ ногой валявшійся окурокъ папиросы и, проговоривъ: «какъ здѣсь насорено», ушелъ опять въ гостиную, гдѣ подошелъ къ женѣ и прошепталъ ей что-то на ухо. Авдотья Егоровна отвѣчала ему самымъ добрымъ взглядомъ.

— Ничего, mon ange, проговорила она.

Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.

— Клянусь тебѣ честью — ничего!...

Алексѣй Сергѣичъ опять пожалъ плечами и пошелъ.

— Alexis! крикнула Авдотья Егоровна.

Alexis обернулся.

— Пожалуйте сюда.

Alexis подошелъ.

— Не извольте дуться: я этого не люблю, и приказываю вамъ мнѣ улыбнуться, а сердитымъ не уходить, проговорила M-me Ухмырева, протягивая мужу руку, которую тотъ поцаловалъ; но все-таки ушелъ въ кабинетъ насупившись.

Сальниковъ, пройдясь по гостиной, вошелъ, какъ бы нечаянно, въ наугольную.

— Вы здѣсь? сказалъ онъ, съ пріятною улыбкою, обращаясь къ Вѣрѣ.

— Здѣсь, отвѣчала та, переглянувшись съ Шамиловымъ.

Степанъ Гарасимычъ сѣлъ.

— Какая сегодня погода ужасная! началъ онъ.

— Почему же ужасная? спросилъ Шамиловъ.

— Дождикъ цѣлый день, отвѣчалъ Сальниковъ.— Я полагаю, что и вы, Вѣра Павловна, тоже не

любите ненастной погоды, прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Напротивъ: я очень люблю осень.

— Всѣ дѣвицы обыкновенно любятъ хорошую погоду.

— Не знаю.

— Въ хорошую погоду можно гулять; но въ ненастье, особенно дамы, принуждены бываютъ сидѣть дома.

— Я люблю сидѣть дома.

— Но все-таки, Mademoiselle, согласитесь, что въ Петербургѣ всѣ дамы въ хорошую погоду всегда прогуливаются на Невскомъ: когда я жилъ тамъ, такъ часто наблюдалъ за этимъ, — и рѣшительно въ ясные дни всѣ дѣвицы гуляютъ.

— Я не жила въ Петербургѣ.

Впослѣдствіи мы успѣемъ замѣтить, что Степанъ Гарасимычъ любилъ ввернуть кстати словцо о Петербургѣ, о своей жизни тамъ и даже иногда говорилъ: «у насъ, въ Петербургѣ», а въ припадкѣ любезности употреблялъ иногда и французскія слова, которыхъ онъ зналъ ровно четыре: Madame, Mademoiselle, pardon и merci, считая въ простотѣ сердца за самый высшій тонъ спрашиваніе о здоровьѣ, о погодѣ и о томъ, какъ проводится время.

— Видали ли вы, Петръ Александрычъ, Фанни Эльслеръ? отнеслась Вѣра къ Шамилову.

— Тысячу разъ, отвѣчалъ тотъ.

— Дѣйствительно ли она такъ хороша, какъ о ней пишутъ?

— Выше всякихъ словъ. Въ каждой позѣ ея вы видите античную статую; въ продолженіе цѣлаго балета она не устанетъ, не утомится, не позволитъ

себѣ ни разу выйти изъ своей роли. Глядя на нее, вы уже не видите ничего—ни декорацій, ни кордебалета, и даже не слышите музыки: все это совершенно лишнее при ней.

— Вы недавно изъ Петербурга? спросилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Недавно-съ, отвѣчалъ нехотя Шамиловъ.

— Играютъ тамъ нынче «Аскольдову Могилу»?

— Я думаю...

— Какая прекрасная пьеса! Изволите ли помнить, когда этотъ мужикъ, что̀ ли, какой али дворовый человѣкъ поетъ эту пѣсню «вѣетъ вѣтерокъ», такъ даже сердце замираетъ; и актеръ, который игралъ, отличнѣйшій... я никогда не слыхалъ такого прекраснаго голоса; вотъ между простолюдинами есть тоже отличные голоса, но нѣтъ, не могутъ сравниться. Я самъ также играю на флейтѣ и пою русскія пѣсни, — но, признаюсь, пришелъ въ восторгъ.

— Вы только и видали одну «Аскольдову Могилу»? спросила Вѣра.

— О, нѣтъ-съ! я нѣсколько пьесъ видалъ; тогда нѣмцы все играли, тоже очень хорошо.

— Вы говорите по нѣмецки? спросилъ Шамиловъ, закуривая папиросу.

Степанъ Гарасимычъ нѣсколько замялся.

— Да-съ... какъ вамъ сказать... нѣтъ, нынче совершенно забылъ.

— Что́ же вамъ за удовольствіе было сидѣть на нѣмецкихъ операхъ, когда вы не знаете языка?

— Да что́ же? это ничего! словъ не слыхать, а дѣлаютъ все они также, какъ и мы, совершенно по русски.

— Неужели? проговорилъ Шамиловъ и захохоталъ. Вѣра Павловна тоже не могла удержаться.

— Я, впрочемъ, всего три раза былъ: такъ, можетъ быть, не замѣтилъ, подхватилъ Степанъ Гарасимычъ.

Вошла Авдотья Егоровна.

— Chère Véra! что́ же вы, ангелъ мой, не танцуете? сказала она, подходя къ племянницѣ, беря ее за руку и цалуя. — Вы не удивляйтесь, господа, прибавила она, обращаясь къ молодымъ людямъ: — я влюблена въ эту дѣвушку.

Шамиловъ молчалъ.

— Вѣра Павловна сами, вѣроятно, въ васъ влюблены, замѣтилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Нѣтъ, она меньше меня любитъ... Танцуйте, милочка моя!

— Я готова, ma tante; но кому-же танцовать? сказала Вѣра, вставая.

— Тамъ барышни, mon ange, дожидаются; ты, какъ хозяйка, затѣй; кавалеры есть: M-r Сальниковъ et vous M-r, j'espère que vous serez si aimable de danser ce soir, отнеслась она къ Шамилову. — Тотъ поклонился.

— Какъ сегодня насчетъ кавалеровъ непріятно разстроилось, продолжала хозяйка: — нашъ молодецъ уланъ куда-то пропалъ, милѣйшій докторъ рѣшительно отказался сегодня, а бѣдный Мишель страдаетъ флюсомъ.

— Это значитъ-съ нашего полка убыло, съострилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Да, отвѣчала Авдотья Егоровна. — Я пойду попрошу милую Катерину Петровну сыграть французскую кадриль. Ахъ, какая она добрая! въ прошлый четвергъ была такъ обязательна, что почти

цѣлый вечеръ играла одна; я думала, что на другой день она будетъ безъ рукъ, проговорила ласковая Авдотья Егоровна и ушла.

— Танцуйте и спасите меня отъ этого господина, сказала Вѣра по французски Шамилову. — Тотъ, конечно, тотчасъ же пригласилъ ее, и пригласилъ по русски.

У Степана Гарасимыча вытянулось лицо.

— Какъ я несчастливъ! сказалъ онъ.

— Чѣмъ? спросила Вѣра.

— Лишился счастія съ вами танцовать.

— Дамъ много.

— Да, это правда; но я...

Вѣра ушла.

Кадриль составилась въ четыре пары. Степанъ Гарасимычъ танцовалъ съ Софи Моросенко и каждый разъ, встрѣчаясь съ Вѣрой, улыбался ей, но, впрочемъ, былъ очень любезенъ и съ своею дамою.

— Вы любите танцы? спросилъ онъ ее.

— Люблю.

— Дѣвицы, впрочемъ, всѣ охотницы танцовать.

— И кавалеры тоже любятъ.

— Да-съ; но кавалеры хуже танцуютъ.

— Отчего же хуже? М-г Карелинъ прекрасно галопируетъ.

— Это правда, я съ вами согласенъ; но это, вѣроятно, оттого, что они въ военномъ платьѣ.

— Вовсе нѣтъ. Онъ очень ловокъ.

— Какъ я благодаренъ здѣшнимъ дамамъ, продолжалъ Степанъ Гарасимычъ.

— За что?

— Прошлый разъ онѣ меня выучили гросъ-фатеръ.

— А вы развѣ его не танцовали?

— Нѣтъ-съ, я признаюсь откровенно, что еще не очень ловкій тансёръ, хоть и люблю танцы... Pardon, Mademoiselle! какъ я предъ вами виноватъ! произнесъ онъ вдругъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Что такое? спросила она.

— Я былъ такъ неловокъ, что выбралъ мѣсто около печки: въ танцахъ и безъ того жарко; но здѣсь, я самъ чувствую, что я весь вспотѣлъ.

Софи Моросенко покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ и уже рѣшительно не въ состояніи была болѣе говорить съ своимъ кавалеромъ. Совершенно другой разговоръ происходилъ между Вѣрою и Шамиловымъ, который, впрочемъ, былъ не въ духѣ.

— Ахъ, какъ я рада M-r Шамиловъ, что съ вами встрѣтилась.... говорила Вѣра. Будемте друзьями, будемте передавать другъ другу наши мысли, чувства,—все, что̀ на умъ придетъ. Мнѣ тоже, какъ и вамъ, скучно и неловко здѣсь... Тяжело жить безъ отца, безъ матери, и въ чужомъ еще домѣ!

— Но ваши родные такъ васъ любятъ?

— Да, они меня любятъ; мнѣ даже совѣстно, какъ они меня любятъ. Тетка моя очень добра, дядя тоже добръ; но они съ такими странными понятіями, такъ странно думаютъ и заботятся о моей судьбѣ, что... Вѣра не докончила.

— За что вашъ дядя меня ненавидитъ, или, лучше сказать, презираетъ меня съ ногъ до головы?

— Это неправда.... изъ чего вы замѣтили?

— Изъ всего! онъ только что не выгоняетъ меня.

— Нѣтъ, это такъ: онъ такой чудакъ. Впрочемъ, тутъ другія есть причины.

— А именно?

— Неужели вы не догадываетесь, что это за меня? произнесла Вѣра.

Кадриль кончилась. Шамиловъ поклонился своей дамѣ и сталъ въ дверяхъ. Вторая кадриль началась очень скоро. Пріѣхалъ уланъ Карелинъ, молодцоватый и стройный мужчина, и подошелъ было къ Вѣрѣ Павловнѣ просить ее на кадриль; но она уже была ангажирована Степаномъ Гарасимычемъ. Сальниковъ не замедлилъ начать съ нею разговоръ.

— Я былъ такъ несчастливъ, но теперь вознагражденъ, сказалъ онъ.

Вѣра ничего не отвѣчала.

— Вы любите лѣтомъ жить въ деревнѣ? продолжалъ Степанъ Гарасимычъ.

— Мнѣ жить вездѣ все равно.

— Но вы, вѣроятно, были въ усадьбахъ вашего дяденьки?

— Нѣтъ, не была.

— У Алексѣя Сергѣича такъ много прекрасныхъ усадебъ. Они, вѣроятно, показывали ихъ вамъ?

— Я не видала ни одной.

— Я сосѣдъ по деревнѣ вашего дяденьки; у нихъ очень хорошія усадьбы, главное—покосы отличные.... но, можетъ быть, вы больше занимаетесь книгами и музыкой—хозяйства не любите?

— Мнѣ негдѣ хозяйничать: у меня ничего нѣтъ.

— Какъ смѣшно Арина Васильевна танцуетъ, сказалъ Сальниковъ, указывая глазами на Иринъ Шмакову, съ явнымъ желаніемъ поострить на ея счетъ.

— Это съ чего вамъ показалось? она очень мила, сказала Вѣра.

— Нѣтъ, вы имъ льстите. Можетъ быть, онѣ у себя дома милы, но при васъ, я полагаю.... началъ было Степанъ Гарасимычъ, но не кончилъ, потому что Вѣра совершенно отвернулась отъ него и начала смотрѣть на Шамилова, который въ раздумьи стоялъ еще на прежнемъ мѣстѣ.

За кадрилью послѣдовалъ галопъ. Уланъ явился во всемъ блескѣ; онъ мастерски и неутомимо танцовалъ этотъ бойкій танецъ. Началъ онъ съ Вѣрою. Пріятно было видѣть ихъ въ парѣ, хотя молодая дѣвица и танцовала не съ большою охотою и нѣсколько небрежно; но въ тоже время она была неимовѣрно граціозна и чрезвычайно легко слѣдовала за своимъ кавалеромъ. Окончивъ галопъ, Вѣра Павловна тотчасъ сѣла около Шамилова.

— Гдѣ вы? спросила она.

— Я засмотрѣлся на васъ, хоть и не желалъ бы, чтобъ вы танцовали.

— Отчего?

— Такъ: это слишкомъ обыкновенно, а вы женщина необыкновенная.

— Пойдемте галопъ....

— Я? но я сто лѣтъ его не танцовалъ.

— Я хочу.

Шамиловъ подалъ руку Вѣрѣ и началъ.

— Браво, М-г Шамиловъ, и вы? произнесла игравшая на фортепьяно Катерина Петровна.

Шамиловъ прогалопировалъ тоже очень ловко, и если не лучше, то по крайней мѣрѣ не хуже улана; но впрочемъ, сей послѣдній свое искусство и ловкость окончательно доказалъ, танцуя съ другими дѣвицами. Онъ съумѣлъ примѣниться къ манерѣ каждой изъ нихъ, хоть эти манеры и были

довольно разнообразны, и наконецъ тѣхъ, которыя были ужь черезчуръ тяжелы на ногу, онъ просто носилъ на рукахъ, и выходило недурно. Возгорѣлось сердце и у Степана Гарасимыча, и ему захотѣлось тоже протанцовать. Онъ пригласилъ было первоначально Вѣру, но та объявила, что устала, и рѣшительно отказалась. M-r Сальниковъ взялъ Иринъ Шмакову и пошелъ. Къ несчастію, ноги молодаго человѣка, вѣроятно не привыкшія къ галопу, начали выдѣлывать такія удивительныя штуки, что онъ чуть-чуть не уронилъ свою даму, и въ заключеніе всего изорвалъ ея платье и наступилъ ей на ногу, и наступилъ такъ больно, что дѣвушка вскрикнула, почти насильно вырвалась у него изъ рукъ и со слезами на глазахъ сѣла на свое мѣсто. Уланъ засмѣялся во всеуслышаніе.

— Каково отхватываетъ! отнесся онъ къ Шамилову: — его надобно еще года два на кордѣ гонять.

Степанъ Гарасимычъ немного растерялся и не совсѣмъ еще пришелъ въ себя, какъ былъ вызванъ въ лакейскую: Аркаша принесъ ему флейту. Возвратясь въ залу съ инструментомъ, онъ началъ глазами искать хозяйку, которая и сама тотчасъ его замѣтила.

— Какъ вы добры, Степанъ Гарасимычъ! сказала она:—это ваша флейта? Mesdames, M-r Salnicoff va nous procurer le plaisir de l'entendre jouer de la flûte.

— Еще новость! произнесла Катерина Петровна.

— Что прикажете? отнесся музыкантъ къ хозяйкѣ и дѣвицамъ.

— Что нибудь, что́ вы сами любите по преимуществу, произнесла первая.

— Я не смѣю играть русскія пѣсни, а выберу лучше что нибудь изъ иностраннаго, проговорилъ Степанъ Гарасимычъ и началъ играть—вальсъ-казакъ....

Нѣтъ, почтенный читатель мой, здѣсь я кидаю мое перо: мнѣ совѣстно передавать вамъ то неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвела на общество игра избраннаго мною героя, или, лучше сказать, не столько игра его, которая, конечно, была далеко не совершенна и съ значительными ошибками, сколько самая физіономія. Представьте себѣ: довольно полныя щеки молодаго человѣка еще болѣе раздулись, лицо еще болѣе покраснѣло, и наконецъ все это соединилось съ выраженіемъ его глазъ, которые сдѣлались очень похожими на глаза убитаго теленка. Нѣкоторыя легкомысленныя дѣвицы потихоньку засмѣялись, но прочія дамы просто не въ состояніи были его видѣть. Къ числу послѣднихъ, кажется, принадлежала и сама хозяйка; въ первую минуту она совершенно растерялась; потомъ ей, кажется, хотѣлось какъ бы нибудь вывести своего protégé изъ того щекотливаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ, и наконецъ она рѣшительно уже не могла его видѣть и отвернулась. Впослѣдствіи добрая Авдотья Егоровна, несмотря на свою скромность, разсказывала, что она просила Степана Гарасимыча играть, никакъ не предполагая, чтобы онъ такъ фальшиво исполнялъ и—еще хуже того—имѣлъ, при этомъ случаѣ, такую непріятную наружность.

— Ахъ ты, шутъ гороховый! Онъ вѣрно въ пас-

тухахъ былъ, проговорилъ уланъ Шамилову. — Monsieur, a Monsieur Salnicoff! продолжалъ онъ, обращаясь къ Степану Гарасимычу: — не умѣете ли вы «*Пастухъ выйдетъ на лужокъ, заиграетъ во рожокъ*». Это отличная пѣсня. Вы должны ее хорошо играть.

— Merci, merci, Степанъ Гарасимычъ, вы устали, перебила хозяйка.

— Помилуйте, ничего-съ; дома я больше играю, отвѣчалъ Степочка.

— Онъ и пѣть умѣетъ, шепнулъ Шамиловъ улану.

— Будто?... Мы его сейчасъ заставимъ! Степанъ Гарасимычъ! дамы желаютъ, чтобы вы спѣли что нибудь, сказалъ онъ.

Авдотья Егоровна обратила на улана умоляющій взоръ.

— Намъ очень пріятно будетъ слышать, какъ поетъ M-r Salnicoff, замѣтила Вѣра.

Молодой человѣкъ, услышавъ эти льстивыя слова, произнесенныя очаровательнымъ для него голосомъ, пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Я не пою, помилуйте.... сами согласитесь.... пѣть въ такомъ обществѣ, говорилъ онъ.

— Спойте, пожалуста, повторила Вѣра Павловна.

Авдотья Петровна взглянула на племянницу съ упрекомъ.

— Начинайте! мужчинѣ робѣть не къ лицу, проговорилъ уланъ.

— Если ужь это такъ угодно дамамъ, то я не смѣю не повиноваться, и извиняюсь, что пою только русскія пѣсни, произнесъ музыкантъ, откашлянулся и запѣлъ:

При долинушкѣ стояла, калину ломала.

Голосъ его и метода были довольно оригинальны. Онъ началъ самой тоненькой фистулой, а потомъ вдругъ переходилъ на басъ.

Уланъ ему захлопалъ въ ладоши; Шамиловъ ушелъ въ наугольную; Алексѣй Сергѣичъ, появившійся въ дверяхъ кабинета, качалъ женѣ головой. Авдотья Егоровна предприняла рѣшительное средство: она сѣла сама за рояль и начала играть французскую кадриль, пригласивъ гостей танцовать.

— Уже танцовать? произнесъ вдругъ остановленный Степочка, и, видно не уразумѣвши хорошенько тактику хозяйки, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился приглашать даму. Далѣе за тѣмъ вечеръ одушевился. Сначала пріѣхалъ умненькій Мишель, съ подвязаной щекой, который, не смотря на болѣзнь, не въ состояніи былъ просидѣть дома, а наконецъ явился и любезный докторъ. Составилась мазурка. Степанъ Гарасимычъ опять подлетѣлъ было приглашать Вѣру, но она уже танцовала съ Шамиловымъ. Въ этомъ танцѣ герой мой тоже нѣсколько разъ былъ поставленъ въ довольно непріятное положеніе; такъ, напримѣръ, въ одной фигурѣ, подобно другимъ, онъ вышелъ на средину залы и проговорилъ: «горю, горю на камешкѣ: кто меня любитъ, тотъ меня выкупитъ.» Но, увы! его, вѣроятно, никто изъ дѣвицъ не любилъ, потому что никто не подошелъ къ нему. Уланъ простеръ было свою дерзость до того, что хотѣлъ послать къ нему выглядывающую изъ дверей горничную; но добрѣйшая Авдотья Егоровна и тутъ поспѣшила на помощь къ молодому человѣку и выкупила его; къ ней, конечно, тотчасъ же всѣ кинулись на выкупъ. Очень так-

же Степанъ Гарасимычъ сплошалъ при выборѣ качествъ. Тотъ же злодѣй уланъ, взявши двухъ дамъ, подошелъ къ нему и спросилъ: l'amour, ou l'espérance?

Степанъ Гарасимычъ, какъ мы знаемъ, мало знакомый со звуками французскаго языка, затруднился и переспросилъ.

Карелинъ опять повторилъ пофранцузски.

— Пирансъ, бухнулъ Сальниковъ на авось.

— Какъ онъ жалокъ, проговорила Вѣра Шамилову.

— У кого спокойно въ ухѣ спятъ насмѣшки, тотъ дуракъ, отвѣчалъ тотъ.

— Конечно. Но онъ, должно быть, добрый; иногда мнѣ онъ бываетъ скученъ и несносенъ, но чаще жалокъ.

— Честь дѣлаетъ вашему сердцу, но никакъ не ему.

— Мнѣ кажется, что онъ все чувствуетъ и понимаетъ, но не сердится, потому что добръ.

За мазуркою слѣдовалъ гросъ-фатеръ. Степанъ Гарасимычъ, должно быть дѣйствительно, какъ замѣтила Вѣра Павловна, былъ добраго характера, потому что, послѣ всѣхъ его промаховъ и насмѣшекъ на его счетъ, онъ очень скоро поправлялся и черезъ минуту же дѣлался веселымъ и беззаботнымъ. Въ гросъ-фатерѣ, танцуя съ предметомъ своей страсти, то есть съ Вѣрою, онъ дотого одушевился и расшалился, что началъ не только бѣгать, но прискакивать. Докторъ и уланъ не утерпѣли и съиграли съ нимъ новую шутку. Въ фигурѣ перепрыгиванія черезъ платокъ они такъ нечаянно и такъ высоко подняли платокъ, что онъ, конечно, запнулся и растянулся на полу и въ первую минуту

хотѣлъ, кажется, разсердиться, но увидѣвши, что всѣ смѣются, и самъ захохоталъ.

Всѣ эти маленькія непріятности, испытанныя моимъ героемъ въ танцахъ, были окончательно изглажены исключительнымъ вниманіемъ, которое адресовалъ къ нему хозяинъ за ужиномъ. Онъ посадилъ его около себя и безпрестанно подчивалъ. Шамиловъ тоже сидѣлъ невдалекѣ; но Алексѣй Сергѣичъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія и, кажется съ умысломъ, распорядился въ подаваніи кушанья такимъ образомъ, что ему приходилось брать послѣднему; около него не стояло даже ни рюмки, ни стакана, но хозяинъ какъ будто бы и не замѣчалъ этого. За то Петръ Александрычъ былъ вознагражденъ вниманіемъ съ другой стороны, и вниманіемъ, конечно, болѣе для него лестнымъ. Вѣра Павловна, какъ это замѣтили всѣ, цѣлый ужинъ не спускала съ него глазъ.

— Desirez vous du vin! сказала она, подвигая къ нему бутылку съ лафитомъ и стаканъ.

Шамиловъ налилъ, взглянулъ на нее значительно и, проговоря: «votre santé!», выпилъ стаканъ залпомъ.

Алексѣй Сергѣичъ, замѣтивъ это, нахмурился и взглянулъ тоже значительно на жену, которая ему улыбнулась. Во время этого полумимическаго разговора между главными лицами моего разсказа, развязный докторъ любезничалъ съ Иринъ и Софи. Онъ отнималъ у нихъ квасъ, говоря что это имъ вредно, кидалъ въ нихъ хлѣбными шариками и, наконецъ, показывалъ имъ что-то такое жестами, отчего обѣ дѣвицы смѣялись. Уланъ занимался съ Катериной Петровной. Въ половинѣ

ужина Шамиловъ разговорился съ докторомъ, и заговорили они нѣчто о медицинѣ.

— Знаете ли вы новую теорію Либиха? сказалъ Шамиловъ.

— Новую теорію? спросилъ полушутливымъ тономъ докторъ.—Нѣтъ, не знаю; а я вотъ вижу по глазамъ, ее знаютъ Ирина Васильевна и Софья Николаевна; барышни обыкновенно знаютъ всѣ теоріи, прибавилъ онъ, указывая на двухъ дѣвушекъ.

Шамиловъ замолчалъ.

— Онъ врачъ? спросилъ докторъ.

— Кто-съ?

— Этотъ ученый, о которомъ вы говорили.

— Либихъ? не знаю. Онъ извѣстенъ, какъ великій физіологъ.

— А, физіологъ? это очень хорошо. Физіологія прекрасная наука.... Сдѣлайте милость, барышни, не смѣйтесь надъ нами; мы увѣрены, что вы знаете всѣ науки лучше насъ... Что̀ же онъ такое сочинилъ? говорилъ докторъ, обращаясь то къ Иринѣ и Софи, то къ Шамилову.

— А вамъ любопытно знать? спросилъ тотъ.

— Очень, отвѣчалъ докторъ.—Ахъ, Боже мой, продолжалъ онъ жалобнымъ голосомъ:—вотъ что̀ значить жить въ провинціи! столичные люди думаютъ, что насъ уже ничто и не интересуетъ.

— Либихъ-съ сдѣлалъ смѣлый шагъ, перебилъ Шамиловъ:— онъ физіологію окончательно сблизилъ съ органическою химіею.

— Неужели? это превосходно! воскликнулъ докторъ.

— Угодно вамъ знать нѣкоторыя подробности этой теоріи?

— Сдѣлайте милость, отвѣчалъ врачъ какимъ-

то двусмысленнымъ тономъ; видимо, что во всей этой сценѣ онъ подтрунивалъ надъ молодымъ человѣкомъ.

— Сдѣлайте милость, повторилъ онъ.

— Она очень проста, отвѣчалъ Шамиловъ. — Либихъ процессъ пищеваренія подвелъ подъ законы броженія и въ результатѣ получилъ составные элементы организма: фибринъ, бѣлковину и проч.

— Это очень хорошо! безподобно! воскликнулъ докторъ опять съ какою-то странною улыбкою.

— Все это глупости! произнесъ вдругъ Алексѣй Сергѣичъ во всеуслышаніе.

Шамиловъ посмотрѣлъ на него.

— Что̀ такое глупости? спросилъ онъ.

— Все, что̀ вы ни говорили, все это глупости, отвѣчалъ хозяинъ.

Докторъ захохоталъ.

— Какой скептикъ: все отрицаетъ!

Шамиловъ ничего не отвѣчалъ и только улыбнулся.

— Все это плутовство и обманъ, чтобы деньги у насъ выманивать, прибавилъ Алексѣй Сергѣичъ.

Шамиловъ и докторъ замолчали; послѣдній опять началъ шутить съ барышнями. На сцену вышелъ Степанъ Гарасимычъ: онъ отнесся, черезъ весь столъ, къ Катеринѣ Петровнѣ.

— Вамъ, Катерина Петровна, не угодно было со мной сегодня танцовать, сказалъ онъ.

— Вы меня сами не удостоили этой чести, отвѣчала молодая дама.

— Я не смѣлъ-съ: вы все занимались музыкой.

— Пожалуста, не оправдывайтесь! мы всѣ очень хорошо знаемъ, что вы вѣтреникъ, за всѣми ухаживаете, и потому я вамъ не вѣрю.

— Совершенно несправедливый укоръ! Конечно, я уважаю равно, какъ дѣвицъ, такъ и дамъ, но....

— Но вы всегда больше любите танцы и свою флейту, а надъ женщинами смѣетесь и способны только увлекать и обманывать насъ, несчастныхъ.

Лицо Степана Гарасимыча просіяло отъ удовольствія.

— Вы все на меня сегодня нападаете, произнесъ онъ жеманно.

— Гдѣ вы галопу-то выучились? спросилъ уланъ: —въ Петербургѣ или здѣсь?

— Въ Петербургѣ, отвѣчалъ Степочка.

— Стало быть, вы тамъ много танцовали.

— Я думаю, больше, чѣмъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

— Гдѣ же это вы тамъ танцовали?

— У дяди: у нихъ каждую субботу были великолѣпные вечера: но, впрочемъ, по моему: танцовать немного, но съ тѣми, съ кѣмъ желаешь, пріятнѣе самыхъ большихъ танцевъ, проговорилъ Степанъ Гарасимычъ, и при послѣднихъ словахъ взглянулъ на Вѣру и хотѣлъ было еще что-то говорить, но ужинъ кончился.

Хозяинъ былъ такъ къ нему внимателенъ, что самъ наложилъ ему трубку и, узнавъ, что онъ пришелъ пѣшкомъ, тотчасъ же велѣлъ заложить для него лошадь.

Шамиловъ стоялъ около Вѣры со шляпою.

— Когда мы увидимся? спросила она.

— Не знаю. Здѣсь бывать я болѣе не могу.

— Ничего,—пріѣзжайте послѣ-завтра.

— Нѣтъ-съ, не могу.

— Пришлите мнѣ по крайней мѣрѣ то, что̀ у васъ написано о Гамлетѣ: я умираю со скуки.

— Съ большимъ удовольствіемъ; но какимъ образомъ?

— Я пришлю къ вамъ мою дѣвушку: отдайте ей.

— Bien.... Adieu.

— Bonne nuit!

Молодые люди разстались. Степанъ Гарасимычъ, выкуривъ трубку, искалъ было Вѣру, чтобъ проститься съ нею, но она уже ушла въ свою комнату. Алексѣй Сергѣичъ проводилъ его до передней.

III.

Я еще прежде говорилъ, что Степанъ Гарасимычъ, при всей благоразумной расчетливости и при всемъ своемъ, во многихъ отношеніяхъ, скромномъ поведеніи былъ влюбчивъ. Въ этомъ случаѣ, онъ какъ будто бы измѣнялъ самому себѣ. Изъ предъидущихъ сценъ, вѣроятно, и самъ читатель замѣтилъ, что въ настоящее время молодой человѣкъ интересовался Вѣрой Павловной; но я скажу еще болѣе: онъ былъ въ нее влюбленъ безъ ума и питалъ въ сердцѣ непреклонное намѣреніе жениться на ней. Объясняя маменькѣ въ письмѣ, что думаетъ прежде разузнать о состояніи молодой дѣвицы и дѣйствовать въ этомъ случаѣ благоразумно, онъ говорилъ неправду, или по крайней мѣрѣ это была одна только мечта; но въ самомъ дѣлѣ, какъ я убѣжденъ, онъ готовъ былъ съ нею идти подъ вѣнецъ хоть сейчасъ же и взять ее, что̀ называется, въ одномъ только платьѣ, готовъ былъ даже для этого счастія истратить весь свой капиталъ и продать нѣкоторыя изъ своихъ брильянтовыхъ и золотыхъ вещей. Вѣра Павловна овладѣла его серд-

цемъ мгновенно, при первомъ свиданіи, и я рѣшительно затрудняюсь объяснить это обстоятельство:—какимъ образомъ, почему и чѣмъ именно понравилась ему Вѣра.

Возвратясь съ вечера, влюбленный молодой человѣкъ былъ очень разсерженъ заспавшимся Аркашкой, который, вмѣсто того, чтобы подать барину огня и раздѣть его, началъ метаться изъ угла въ уголъ, бормотать какую-то чепуху, и въ заключеніе всего, уйдя въ лакейскую, сунулся на залавокъ и захрапѣлъ. Мальчишка этотъ имѣлъ одну очень характеристическую черту: онъ обыкновенно съ закатомъ солнца начиналъ почти что замирать, и въ осенніе и зимніе вечера вызвать его къ бодрствованію было дѣломъ невѣроятной трудности. Въ настоящемъ случаѣ Аркашка заспался совершенно; напрасно Степанъ Гарасимычъ будилъ его различными способами, — мальчишка открывалъ только на время глаза, но никакъ не могъ возвратиться къ полному самосознанію. Степанъ Гарасимычъ наконецъ вышелъ изъ себя, плюнулъ и отступился. Раздѣвшись собственноручно и уложивъ бережно свой туалетъ, онъ легъ, но не спалъ, а мечталъ о Вѣрѣ. Мечтанія его зашли очень далеко: онъ воображалъ, что Вѣра Павловна ужь его жена, что въ приданое за ней дано триста душъ, что въ этихъ трехъ стахъ душахъ должно быть непремѣнно полтораста тяголъ: онъ собираетъ съ нихъ оброки, изъ которыхъ одна треть проживается, а прочее идетъ къ приращенію капитала. Онъ мечталъ, какъ молоденькая жена будетъ поить его чаемъ, и какъ на именины добрый и богатый дяденька Алексѣй Сергѣичъ подаритъ ему бронзовые часы, которые стояли у него въ гости-

ной и которые очень нравились Степану Гарасимычу. Много, очень много еще и другого передумалъ молодой человѣкъ и наконецъ заснулъ. Поутру постигла его маленькая непріятность: Аксинья съ плачемъ и воплемъ доложила, что въ погребѣ запасу держать нельзя, потому что крысы съѣли почти всю солонину и прогрызли негодныя два мѣшка съ мукою. Извѣстіе это обезпокоило Степана Гарасимыча. Побранивъ Аксинью, онъ самъ отправился въ погребъ и при собственныхъ глазахъ весь запасъ велѣлъ привѣсить къ потолку. Обѣдать себѣ не велѣлъ ничего готовить и началъ придумывать, подъ какимъ бы предлогомъ отправиться ему къ Алексѣю Сергѣичу поутру—отобѣдать тамъ и даже, если возможно, то и отъужинать. «Скажу я, придумалъ онъ наконецъ, что получилъ отъ маменьки письмо, въ которомъ она велитъ Алексѣю Сергѣичу кланяться, а у Авдотьи Егоровны поцаловать ручку.»

За тѣмъ утро пошло своимъ порядкомъ. Пришелъ портной, изъ мѣщанъ, по имени Ермогенъ, а по прозванію Безухой, осмотрѣлъ присланный Степану Гарасимычу отъ маменьки сюртукъ папенькинъ и, объявивъ, что изъ этой штуки фракъ выйдетъ, и что сукно еще хорошо, и нынче, надо полагать, рублевъ отъ шести идетъ, заломилъ за работу десять рублей ассигнаціями. Степанъ Гарасимычъ, не согласившись, чтобы сукно стоило только шесть рублей, отозвался очень дурно о нынѣшнихъ сукнахъ, говоря, что они только хороши на видъ, но прочности никакой не имѣютъ, съ чѣмъ согласился и портной. О цѣнѣ за работу они, само собой разумѣется, спорили очень долго. Сте-

почка, какъ пять пальцевъ, расчиталъ, что Безухому за-глаза довольно взять семь рублей.

— Семь рублей, баринъ, нынче за мужицкую поддевку берутъ, возразилъ портной.

Но баринъ опять, какъ дважды-два — четыре, доказалъ ему, что въ поддевкѣ гораздо больше шитья, чѣмъ во фракѣ. Наконецъ они помирились на осьми рубляхъ. Очень хотѣлось также Степочкѣ, чтобы фракъ его былъ сшитъ на манеръ визитнаго полуфрака Шамилова; но Ермогенъ отказался шить по этому фасону, утверждая, что эта мода не хороша, и что онъ лучше сошьетъ по другой, самой моднѣющей, по которой онъ ужь и сшилъ одному чиновнику изъ Уѣзднаго Суда фракъ. Отдавая сюртукъ, Сальниковъ поинтересовался узнать, сколько отъ него будетъ остатковъ сукна.

Портной, прикинувъ пальцемъ, сказалъ, что въ остаткѣ будутъ воротникъ и обшлага, такъ какъ они были ужь очень засалены, да два клина.

— Ты мнѣ принеси эти остаточки: мнѣ нужно починить одну вещь, сказалъ Степанъ Гарасимычъ.

По уходѣ портного, молодой человѣкъ, причесавъ очень старательно свои волосы и надѣвъ свой отороченный плисомъ халатъ, закурилъ трубку, сѣлъ у окна и обратилъ свои мысли къ предмету своей любви. У воротъ показался сѣрый въ яблокахъ жеребецъ, запряженный въ щегольскіе пролетки на лежачихъ рессорахъ. Пріѣхалъ Алексѣй Сергѣичъ. Степанъ Гарасимычъ былъ удивленъ и обрадованъ, потому что Ухмыревъ, какъ мы знаемъ и какъ извѣстно было всѣмъ его знакомымъ, дѣлалъ визиты весьма рѣдко, т. е. только въ большіе праздники, и то по выбору. Подобное же экстренное посѣщеніе могло служить явнымъ доказательствомъ

его особаго расположенія. Алексѣй Сергѣичъ вошелъ сохраняя свое собственное достоинство, но въ тоже время пожалъ хозяину руку съ величайшимъ радушіемъ и поцѣловалъ его, прося покорнѣйше не перемѣнять костюма и оставаться въ томъ negligé, въ которомъ онъ его засталъ. Степанъ Гарасимычъ нашелся выразить свое привѣтствіе гостю только тѣмъ, что предложилъ ему свою только что закуренную трубку; но Алексѣй Сергѣичъ отказался отъ трубки и, вынувъ изъ серебрянаго porte-cigare гаванскую сигару, просилъ одолжить его огнемъ. Наконецъ гость и хозяинъ усѣлись, и на нѣкоторое время послѣдовала между ними молчаливая, но въ высшей степени умилительная сцена. Они по крайней мѣрѣ четверть часа смотрѣли другъ на друга такъ нѣжно, какъ будто были—или самые близкіе родственники, или по крайней мѣрѣ закадычные, лѣтъ десять не видавшіеся друзья.

— Хорошо изволили почивать? заговорилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Съ вечера хорошо, но на утрѣ желудокъ безпокоилъ.

— Я тоже-съ.... молодые люди, впрочемъ, обыкновенно, не спятъ послѣ вечеровъ.... Вѣра Павловна ужь проснулись?

— Должно быть. Я не видалъ еще ее.

— Который имъ годъ-съ?

— Кому?

— Вѣрѣ Павловнѣ.

— Она молода.

— Какая она прекрасная дѣвица!

Алексѣй Сергѣичъ съ пріятною улыбкою наклонилъ голову.

— Вы, вѣроятно, желаете ихъ выдать замужъ?

Алексѣй Сергѣичъ развелъ руками и проговорилъ:

— Это зависитъ отъ партіи. Если представится партія, конечно...

— У нихъ есть состояніе? богаты онѣ-съ? спросилъ Степанъ Гарасимычъ, набивая себѣ новую трубку.

Этотъ вопросъ нѣсколько удивилъ Алексѣя Сергѣича: онъ многозначительно пожалъ плечами.

— У ней есть состояніе, потому что я его имѣю, отвѣчалъ онъ, подумавъ.

— Я самъ очень желалъ бы составить себѣ партію, произнесъ Степанъ Гарасимычъ.

Алексѣй Сергѣичъ посмотрѣлъ на него.

— Вы думаете жениться? спросилъ онъ.

— Очень бы желалъ.

— У васъ невѣсты будутъ; но надобно имѣть въ виду хорошее семейство. Такъ?

— Да-съ. Я ужъ имѣю въ виду одну дѣвушку.

Алексѣй Сергѣичъ ничего не отвѣчалъ.

— Она вамъ знакома-съ, продолжалъ Степанъ Гарасимычъ.

— Мнѣ?...

— Я говорю про Вѣру Павловну, отрѣзалъ Степанъ Гарасимычъ, но впрочемъ немного сконфузился и болѣе обыкновеннаго покраснѣлъ.

Что̀ же касается до Алексѣя Сергѣича, то и онъ также покраснѣлъ, и соображалъ приличный отвѣтъ.

— Можетъ быть, я не буду имѣть счастія понравиться Вѣрѣ Павловнѣ? продолжалъ молодой человѣкъ.

Алексѣй Сергѣичъ опять сильно пожалъ плечами и сдѣлалъ значительную физіономію.

— За другихъ, Степанъ Гарасимычъ, говорить, конечно, трудно, началъ онъ: но по моему ничего бы не могло быть лучше. Я дядя, а не отецъ: я не могу тутъ дѣйствовать такъ, какъ бы должно... Такъ?

— Вѣра Павловна, вѣроятно, послушаютъ васъ.

— Такъ-съ, хорошо, прекрасно... но она живетъ у меня въ домѣ, мнѣ настаивать неловко, не правда ли? Съ моей стороны для васъ все... понимаете? но тутъ есть другая сторона. Такъ?

Я еще прежде замѣчалъ, что Алексѣй Сергѣичъ не былъ боекъ на языкъ и имѣлъ только нѣкоторый навыкъ поддерживать общественный разговоръ, но въ важныхъ случаяхъ, въ минуты душевнаго волненія, онъ совершенно терялъ даръ слова и выражался больше вопросами и какими-то неправильными фразами.

— Я замѣчалъ, что Вѣра Павловна благосклонны ко мнѣ.

— Безподобно-съ! Но лично про меня будемте судить. Я въ этомъ дѣлѣ только могу тонъ давать. Согласны вы съ этимъ? такъ?

Степанъ Гарасимычъ открылъ было ротъ.

— Постойте, перебилъ Алексѣй Сергѣичъ: я буду говорить еще. У меня есть жена, а ея родная тетка... согласны? — Тетка теперь и должна на нее дѣйствовать, а я буду дѣйствовать на тетку... понимаете?

Степочка кивнулъ головою.

Алексѣй Сергѣичъ, думая вѣроятно, что Степочка въ самомъ дѣлѣ уразумѣлъ его слова, продолжалъ:

— По моему расчету все это должно сойтись

въ одномъ центрѣ, потому что съ той и другой стороны будетъ вамъ рука. Такъ?...

— Вы, можетъ быть, самому позволите мнѣ объясниться съ Вѣрой Павловной?

— Убереги васъ Богъ! перебилъ его торопливо Ухмыревъ. — Тутъ только время будетъ свое выигрывать. Мы, мужчины, видимъ предметъ такъ, какъ онъ есть—прямо, а женщины представляютъ его себѣ на выворотъ. Въ этомъ дѣлѣ мы будемъ давать тонъ—а время свое сдѣлаетъ!

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Степанъ Гарасимычъ начиналъ еще нѣсколько разъ разговоръ объ этомъ предметѣ, потому что изъ всѣхъ предъидущихъ рѣчей Алексѣя Сергѣича онъ весьма нехорошо понялъ, что̀ хотѣлъ тотъ сказать; но Ухмыревъ на всѣ его вопросы отвѣчалъ: «время и больше ничего». При прощаніи Степанъ Гарасимычъ, по свойственной ему наивности, объяснилъ, что онъ сегодня желаетъ придти поутру къ нимъ на цѣлый день, но совѣстится. На это Алексѣй Сергѣичъ сказалъ, что, думая такимъ образомъ, онъ крайне его обижаетъ, и просилъ его ходить къ нимъ, не стѣсняясь, каждый день, и пробывать у нихъ съ утра до поздней ночи, что̀ даже, по его мнѣнію, это было необходимо при настоящемъ стеченіи обстоятельствъ.

По отъѣздѣ гостя, Сальниковъ пришелъ въ неописанный восторгъ: набивши безъ всякой осторожности трубку, онъ даже не заперъ свою табачницу и началъ насвистывать и выдѣлывать ногами какой-то танецъ, нѣсколько похожій на галопъ, за тѣмъ схватилъ мальчика своего, перевернулъ его нѣсколько разъ, проговоря: «что̀ ты

не вертишься?», а потомъ послалъ его, чтобы онъ позвалъ мать. Аксинья явилась.

— Поди сюда, Аксинья: я тебѣ одну штучку скажу.

— Что̀, батюшка?

— Дѣло съ барышней на-мази.

— Слава-те Господи! маменькѣ изволили писать?

— Напишу. Ты только не болтай никому.

— Ай, нѣтъ, батюшка! никогда за мной этого не бывало.

— Кузьмѣ, главное, не говори; а то онъ въ кабакѣ, пожалуй, разболтаетъ.

— Ой, что̀ это! стану ли я съ этимъ разбойникомъ говорить! мы съ нимъ все ругаемся, что вотъ ни пріѣхала сюда, все ругаемся! молодецъ вы, батюшка, у насъ родились, продолжала Аксинья съ чувствомъ: мы вотъ и промежь собой все говоримъ: «экой у насъ баринъ-то красавецъ!»

— Теперь еще ничего. А вотъ я себѣ платье новое сошью, такъ ты тутъ посмотри!...

— Ну. батюшка коли милость будетъ, такъ посмотрю, а нѣтъ, такъ и такъ живу.

Въ два часа Степанъ Гарасимычъ, прифрантившись какъ слѣдуетъ, отправился къ Ухмыревымъ на цѣлый день.

Алексѣй Сергѣичъ пріѣхалъ домой съ весьма глубокомысленнымъ видомъ. Кому неизвѣстно, что большая часть людей любятъ объявлять претензіи именно на то, чего у нихъ нѣтъ; такъ, напримѣръ. нѣкоторые толстяки на грацію, школьники на ученость, губернскія дамы на высшій тонъ. Въ Алексѣѣ Сергѣичѣ тоже была эта слабость: онъ считалъ себя очень умнымъ и, еще болѣе того, необыкновенно тонкимъ человѣкомъ. Политика его,

впрочемъ, была такого рода: снискивая расположеніе важныхъ лицъ, онъ никогда не лѣзъ имъ прямо въ глаза, но первоначально дѣйствовалъ всегда стороной и устроивалъ дѣло такимъ образомъ, что или камердинеръ важнаго человѣка, одѣвая его поутру, или кто нибудь изъ хорошихъ знакомыхъ первоначально разскажетъ о немъ въ такомъ тонѣ, что есть-де нѣкто прекрасный и очень богатый человѣкъ Алексѣй Сергѣичъ, который живетъ рѣшительно на столичный тонъ, и знакомство съ нимъ можетъ всякому доставить огромное удовольствіе. Встрѣчаясь на вечерѣ съ какимъ нибудь господиномъ, отъ котораго желалъ заслужить вниманіе, онъ за первый долгъ поставлялъ себѣ проиграть тому рублей полтораста или двѣсти серебромъ въ карты и расчитаться съ самымъ веселымъ духомъ. Въ отношеніи жены, въ важныхъ случаяхъ, онъ тоже дѣйствовалъ очень тонко и никогда своего желанія не высказывалъ прямо, а по обыкновенію нахмуривался и начиналъ ходить съ задумчивымъ видомъ взадъ и впередъ. Чувствительная Авдотья Егоровна, конечно, сейчасъ же замѣчала это и приступала къ мужу съ распросами. Послѣ шести-часоваго, а иногда и болѣе, упорства, супругъ высказывалъ чего хотѣлъ, и такимъ образомъ отказъ былъ невозможенъ.

Въ предпріятіи своемъ выдать за Сальникова Вѣру Павловну онъ рѣшился первоначально тонко дѣйствовать на жену, а черезъ нее ужь и на племянницу.

Авдотья Егоровна сидѣла въ гостиной и пила утренній кофе. Алексѣй Сергѣичъ вошелъ нахмуренный и сѣлъ.

— Qu'avez-vous, cher Alexis? спросила та: что́ съ тобой, милый мой? прибавила она.

Авдотья Егоровна, вѣроятно, забывая, что супругъ ея не говорилъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ, относилась къ нему иногда пофранцузски, но, впрочемъ, тотчасъ и переводила.

Алексѣй Сергѣичъ молчалъ.

— Ты болѣнъ, Alexis? спросила съ озабоченнымъ видомъ супруга.

— Нѣтъ; отвѣчалъ онъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Авдотья Егоровна тоже встала и начала умолять, чтобы онъ ей сказалъ, что̀ такое съ нимъ. Борьба продолжалась около часу. M-me Ухмырева была уже близка къ истерикѣ (подобныя объясненія съ мужемъ всегда почти оканчивались для чувствительной дамы истерическими припадками). Наконецъ Алексѣй Сергѣичъ рѣшилъ недоумѣніе и открылъ женѣ, что сейчасъ былъ у Сальникова, и что тотъ сватается за Вѣру Павловну. Авдотья Егоровна еще болѣе встревожилась и объявила, что рѣшительно не имѣетъ надежды, чтобы Вѣра пошла за молодаго человѣка.

Алексѣй Сергѣичъ опять насупился.

— Другъ мой! меня тутъ одно безпокоитъ, одно тревожитъ, проговорила Авдотья Егоровна грустнымъ голосомъ: меня, не знаю какъ, ужасаетъ разница ихъ воспитанія и разница даже ума.... Въ послѣдній вечеръ я внимательно за нимъ наблюдала: онъ очень простъ и безъ всякаго образованія....

У доброй тетки показались на глазахъ слезы.

— Образованіе пройдетъ, а состояніе останется;

я устроиваю ея счастіе, а не что нибудь другое.... такъ ли? возразилъ рѣзко Алексѣй Сергѣичъ.

— Такъ, совершенно такъ, мой другъ! отвѣчала супруга.—Неужели же милый мой, я не понимаю твоего благородства? Охъ, Боже мой, я даже не знаю, чѣмъ и когда въ состояніи буду возблагодарить тебя за твою любовь и великодушіе къ моимъ роднымъ! Твои возвышенныя чувства, cher Alexis, будутъ награждены не здѣсь, но тамъ, на небесахъ!

Проговоря эти слова, Авдотья Егоровна вскрикнула вдругъ: «ахъ!» и разрыдалась истерически. Алексѣй Сергѣичъ, по обыкновенію, кинулся въ дѣвичью и выслалъ на помощь барынѣ множество горничныхъ, которыя очень скоро и помогли ей; но сидѣть она еще не могла, а полулежала на диванѣ. Когда она открыла глаза, первымъ ея дѣломъ было взять мужа за руку, поцаловать эту руку и уставить на него самый нѣжный взоръ.

— Меня одно миритъ съ нимъ: мнѣ кажется, онъ добрый, проговорила она слабымъ голосомъ.

— Не извольте говорить: васъ это безпокоитъ.... Довольно... забудьте все.... прервалъ мужъ.

Авдотья Егоровна еще нѣжнѣе взглянула на него и крѣпко сжала его руку.

— Теперь ничего, начала было она.

— Пощадите вы себя и меня! перебилъ ее опять Алексѣй Сергѣичъ.

— Ну, не буду, не буду, милый мой! отвѣчала покорнымъ голосомъ супруга и велѣла, для подкрѣпленія, принести себѣ чашку бульону, съ которымъ и скушала почти цѣлый французскій хлѣбъ.

Между тѣмъ Вѣра Павловна сидѣла въ своей комнатѣ. Цвѣтъ лица ея въ этотъ день былъ желтѣе

обыкновеннаго, вѣки глазъ распухли, губы запеклись; было видно, что она не спала всю ночь. Она смотрѣла въ какую-то развернутую книгу, но не читала.

Взглянувъ на комнату молодой дѣвушки, убранную роскошно и комфортабельно, принявъ въ расчетъ общую молву о ея прекрасномъ туалетѣ и сейчасъ только описанную мною между дядей и теткой сцену, смѣло, кажется, можно заключить, что родственники ничего не жалѣли для милой племянницы, любили ее по своему и по своему старались упрочить ея счастіе. Алексѣй Сергѣичъ полагалъ, что счастіе ея непремѣнно устроится, если она выйдетъ за человѣка, у котораго по крайней мѣрѣ, какъ, напримѣръ, у Степочки, шесть сотъ душъ; но Авдотья Егоровна желала, чтобы мужъ Вѣры, съ состояніемъ соединялъ и личныя достоинства. Жениха съ послѣдними свойствами тщетно ожидали два года; но женихъ съ шестью стами душами явился и сверхъ того отличался еще добротой сердца. Все бы это было прекрасно, если бы не иначе смотрѣла на жизнь и на весь Божій міръ Вѣра Павловна. Что дѣлать! по годамъ она была еще молода, а по характеру мечтательна; оставшись послѣ матери по одному году, она развилась въ кругу совершенно иныхъ идей и убѣжденій, или, лучше сказать, получила странное и не совсѣмъ женское воспитаніе. Отецъ ея, нѣкогда мистикъ и масонъ, и въ добавокъ еще нумизматикъ и ботаникъ, всю жизнь жилъ въ Москвѣ и прожилъ тамъ все свое состояніе. Первый вечеръ, на который Вѣра выѣхала съ нимъ, былъ вечеръ собранія членовъ общества *«оклиматизаціи животныхъ.»*

Не понимая рѣшительно прелести въ бѣлыхъ газовыхъ платьяхъ, дѣвушка очень хорошо чув-

ствовала прелесть майской розы и даже знала, къ какому эта роза классу, роду и виду принадлежитъ по системѣ Линнея. Не умѣя еще танцовать мазурки, она уже очень хорошо знала сонеты Петрарки. Я даже удивляюсь, какимъ образомъ моя героиня имѣла пріятныя манеры и очень легко танцовала. Въ этомъ случаѣ, кажется, она болѣе была обязана прекрасному своему тѣлосложенію, нежели ученію. Безъ преувеличенія смѣю увѣрить читателя, что семнадцати лѣтъ Вѣра Павловна прочитала всю отцовскую библіотеку, состоявшую почти изъ двухъ тысячъ томовъ, знала въ совершенствѣ языки французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій; она даже знала о, ужасъ! математику, до коническихъ сѣченій включительно: мужчину она воображала или художникомъ, или ученымъ; ровно на осьмнадцатомъ году заговорило ея сердце: его затронулъ молодой профессоръ, только что воротившійся изъ-за-границы. До сихъ поръ Вѣра помнила это молодое, но ужь солидное лицо, украшенное очками, къ которому сверхъ того чрезвычайно шли отвороченные воротнички, его скромныя и деликатныя манеры, тихій и ровный голосъ. Къ концу года этой сильной, но молчаливой страсти, профессоръ уѣхалъ въ Петербургъ. О, какъ страдала Вѣра! какъ пустъ сдѣлался для нея кабинетъ папеньки, въ которомъ она нѣсколько разъ видѣла и слушала его! Она съ жадностью брала каждый нумеръ журнала, думая встрѣтить его статью или по крайней мѣрѣ одно имя его, и наконецъ нашла въ одномъ журналѣ его разсужденіе на степень доктора *О Молюскахъ*. Несмотря на спеціяльность предмета и на сухость изложенія, она прочитала, или, лучше сказать, выучила все наи-

зустъ; но, Боже мой, какая страсть, и страсть ничѣмъ не поддерживаемая, можетъ устоять противъ времени! Милый образъ съ бѣлыми воротничками началъ постепенно ослабѣвать въ воображеніи дѣвушки. Смерть отца, продажа всего имѣнія, пріѣздъ тетки, переселеніе ея въ уѣздный городокъ перенесли Вѣру въ совершенно иную сферу. Я не могу описать того, какъ въ началѣ молодая дѣвушка была удивлена образомъ жизни, который вели дядя и тетка, какъ странны казались ей ихъ знакомые и тѣ разговоры, которые происходили въ ихъ гостиной, во время утреннихъ визитовъ: представьте себѣ, каждый день тамъ разговаривали о погодѣ или лошадяхъ, или о какомъ-то Иванѣ Петровичѣ, котораго на дняхъ ударилъ параличъ. Молодыя дѣвицы говорили больше о нарядахъ, но никто даже и не заикнулся ни о ботаникѣ, ни о живописи, а если нѣкоторыя молодыя дамы и начинали говорить о какой нибудь журнальной повѣсти, то такъ-то очень странно и совершенно не такъ, какъ говорили объ этихъ предметахъ въ домѣ папеньки: нѣкоторыхъ героевъ или героинь называли хорошенькими, а другихъ противными; вмѣсто того, чтобы сказать, что у такого-то автора много юмора, говорили какъ онъ смѣшно пишетъ. Всѣ вечера безъ исключенія были посвящены картамъ. Вѣра никакъ не могла себѣ представить, какимъ образомъ ея умная и добрая тетенька можетъ цѣлый вечеръ съ удовольствіемъ заниматься такими пустяками, какъ вистъ или проферансъ. Однажды послѣ обѣда, когда у нихъ никого не было, Авдотья Егоровна просила ее почитать ей что нибудь вслухъ, но только веселое. Вѣра Павловна обрадовалась: она имѣла

подъ руками превосходную вещь, а именно: *Записки Пикквикскаго клуба*; но, къ вящшему удивленію ея, тетенька не только не смѣялась, но на второй главѣ даже начала дремать.

Дядя тоже удивлялъ ее: получая всѣ журналы, онъ исключительно интересовался однѣми только модными картинками и всегда почти приносилъ ихъ къ ней, говоря, что эдакое платье къ ней шло бы, а токое-то нѣтъ. Авдотья Егоровна очень любила музыку и часто просила племянницу играть; но и здѣсь для Вѣры было очень странно, что тетенька рѣшительно смѣшивала въ головѣ музыку Моцарта съ простыми вальсами и даже предпочитала послѣдніе. Молодая дѣвушка первоначально сосредоточилась сама въ себѣ и обратилась къ своимъ любимымъ занятіямъ. Цѣлыя дни она читала, рисовала, играла на фортепьяно и восхищалась изъ дядина сада природой, но и только: ей не съ кѣмъ было поговорить, тогда какъ въ умѣ роились тысячи мыслей, а въ сердцѣ... про сердце и говорить нечего: оно, преисполненное чувствами, билось какъ пташка въ клѣткѣ. Вѣрѣ начало становиться скучно, грустно и наконецъ невыразимо досадно на всѣхъ и на все, такъ что въ одну безсонную ночь она нарисовала на дядю и на все общество каррикатуру, которую, впрочемъ, на другой же день изорвала. Просыпаясь, каждое утро, она рѣшительно не знала, какъ протянуть день. Обращеніе ея съ дядей, теткой и съ ихъ гостями сдѣлалось холодно и принужденно; у ней начала чаще и чаще болѣть грудь. Въ одно утро Вѣра Павловна, одѣвшись нехотя во вновь сшитое платье, вышла въ гостиную и, по обыкновенію, сѣла на свое любимое

мѣсто у окна. Алексѣя Сергѣича не было дома; Авдотья Егоровна раскладывала гранъ-пасьянсъ: Лакей доложилъ о пріѣздѣ какого-то Шамилова. Авдотья Егоровна начала что-то припоминать, «проси», проговорила она. Вошелъ молодой человѣкъ. Хозяйка привѣтствовала его и объяснила; что очень хорошо знала его отца, который нѣкогда лечилъ ее и спасъ отъ горячки. Вѣра Павловна, поклонившись молодому человѣку, вся вспыхнула. Боже мой! этотъ гость очень походилъ на молодаго профессора: тоже умное выраженіе лица, тотъ же почти складъ тѣла, таже прическа и наконецъ очки и воротнички, и только въ манерахъ молодаго человѣка было больше живости и вообще онъ былъ очень развязенъ въ обращеніи, потому что тотчасъ же объяснилъ, что намѣренъ держать экзаменъ на ученую степень и пріѣхалъ въ провинцію, чтобы удобнѣе заняться науками. Вѣра, замѣтно сконфуженная, спросила о московскомъ театрѣ и поинтересовалась знать, что̀ даютъ на немъ. Гость, отвѣчая, что въ ходу балеты, описалъ довольно живо обаятельное впечатлѣніе итальянской оперы, пересчиталъ нѣсколько новыхъ французскихъ водевилей и очень много говорилъ объ игрѣ Мочалова въ «Отелло». Во всемъ этомъ разговорѣ Авдотья Егоровна не принимала почти никакого участія. Молодой человѣкъ, на первомъ утреннемъ визитѣ просидѣлъ часа три. Старшая хозяйка ужасно утомилась, и когда гость уѣхалъ, она проговорила про себя: «ахъ, какой говорунъ!» Передъ обѣдомъ возвратился Алексѣй Сергѣичъ. Авдотья Егоровна сказала ему, что у нихъ былъ покойнаго лекаря Шамилова сынъ.

— Видѣлъ я его на вечерѣ у Ягнетева: пустой человѣкъ! рѣшилъ Ухмыревъ.

— Да, кажется, подтвердила Авдотья Егоровна: впрочемъ довольно боекъ и собою недуренъ.

— Нѣтъ, пустой! повторилъ опять Алексѣй Сергѣичъ.

Вѣра ни слова не сказала: она сдавила въ груди овладѣвшую ею тоску, ушла къ себѣ въ комнату, гдѣ и просидѣла до самаго обѣда, за которымъ ничего не ѣла. Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна, руководствуясь своею житейскою опытностію, можетъ быть и основательно, третировали такимъ образомъ новаго знакомаго, но совершенно инымъ показался онъ молодой дѣвушкѣ: онъ первый, который заговорилъ въ ея тактъ, онъ первый, который такъ понравился ей своею наружностію, онъ первый, наконецъ, съ которымъ она провела пріятно три часа... и чѣмъ же онъ не показался ея роднымъ? эти люди, которые, по видимому, такъ ее любятъ, ни въ чемъ въ тоже время не хотятъ сочувствовать ей.

— Богъ съ ними! проговорила она, качая съ грустію головою: я сирота, они меня призрѣли, кормятъ, одѣваютъ на свои деньги. Чего же я могу отъ нихъ болѣе требовать.

Надобно сказать, что Вѣру постоянно безпокоила мысль, что она тяготитъ родныхъ, хотя это была совершенная неправда. Ухаживаніе Степочки Вѣру Павловну смѣшило бы, если бы она не понимала, что дядя держитъ его сторону: но, впрочемъ, объ этомъ она немного думала и сказала себѣ одинъ разъ навсегда, что этому не бывать. Любовь къ Шамилову, послѣ каждаго свиданія, шла crescendo.

Послѣ описаннаго мною вечера, она не спала всю ночь и по преимуществу страдала оттого, что Шамиловъ былъ такъ жестоко оскорбляемъ въ продолженіе всего вечера ея дядей. Проснувшись поутру, она сейчасъ же послала къ нему свою горничную съ запиской.

«Пришлите мнѣ вашу статью о Гамлетѣ, которую вы мнѣ обѣщали. Когда мы съ вами увидимся?»

На это посланіе статьи о Гамлетѣ не было прислано, но зато получено было письмо, которое и рѣшило окончательно участь молодой дѣвушки.

«Я не могу прислать вамъ статью о «Гамлетѣ» писалъ Шамиловъ, все это у меня такъ дурно переписано, что мнѣ совѣстно представить на вашъ судъ. Вашъ вопросъ «когда мы увидимся?» какъ-то страшно отозвался въ моемъ сердцѣ: цѣлую ночь и цѣлое утро сегодня меня мучитъ тревожное, но ясное предчувствіе, что судьба снова вызоветъ меня изъ моей кельи на битву жизни, битву, на которую я столько положилъ труда и столько проигралъ. Боже мой! какъ я счастливъ былъ эти два мѣсяца! нужно ли говорить, чѣмъ были для меня вы—несравненная женщина! Буду ли я скрывать внушенную мнѣ вами любовь, въ которой теперь заключается все мое бытіе! Я не могу ни заниматься, ни думать: жизнь моя—вы. Посмотрите, какъ я глупо и смѣшно пишу; но выше самого себя быть нельзя. Я схватываю себя по временамъ за голову; щупаю свой пульсъ: мнѣ кажется, что я не въ своемъ умѣ. Неужели васъ оторвутъ отъ меня? Я въ жизни много утратилъ, много потерялъ! Но зачѣмъ же я снова былъ вызванъ къ этой жизни, и кѣмъ былъ вызванъ? вами,

до нравственной высоты которой не достигало даже никогда мое воображеніе! вы и другія женщины, вы и я что̀ тутъ общаго? О вашихъ чувствахъ я не спрашиваю: съ меня достаточно будетъ одного съ вашей стороны состраданія, а въ этомъ не откажетъ мнѣ ваше сердце, въ которомъ цѣлое море любви...

«Вотъ какой бредъ посылаю вамъ, вмѣсто моей раціональной статьи о Гамлетѣ... О греческой трагедіи на вечерѣ я тоже вамъ солгалъ: я ее не пишу и не буду писать, потому что не знаю, будетъ ли у меня силы жить и дышать, если я не увижу васъ сегодня или завтра.

Безумный Шамиловъ.»

Можетъ быть, и на васъ, милыя читательницы, произвело нѣкоторое впечатлѣніе это пылкое посланіе молодаго человѣка; но какъ же оно должно было подѣйствовать на Вѣру Павловну? Послѣдовавшая по прочтеніи его письма лихорадка служила только слабымъ выраженіемъ чувствованій молодой дѣвицы. Она тотчасъ же написала ему отвѣтъ:

«Любите меня Шамиловъ. Безъ всякаго ложнаго стыда и не краснѣя я готова сказать какъ передъ вами, такъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ, что быть вашей женой есть единственное мое желаніе. Знаете ли вы, что я бѣдна, что на мнѣ даже платье чужое? Не думаю, чтобы мои родные согласились на нашъ бракъ; они—Богъ имъ судья! думаютъ иначе устроить мою участь. Про васъ говорятъ, что вы тоже бѣдный. Я могу стѣснить васъ и потому трудитесь, учитесь, пишите; въ васъ силъ много, составляйте себѣ карьеру: я буду ждать и буду васъ любить неизмѣнно. Въ душѣ моей въ настоящую

минуту въ отношеніи васъ нѣтъ ни одного сомнѣнія. Я слишкомъ вѣрю въ ваше благородство и слишкомъ люблю васъ. Но если вами руководствуетъ одно случайное увлеченіе, не обманывайте, скажите мнѣ прямо: ошибку поправить въ началѣ легче. Въ тѣ дни, когда не думаете быть у насъ, пишите ко мнѣ. Не удивляйтесь тому, что не можете ничѣмъ заниматься, я сама не могу даже читать; но вы будьте тверже: вы мужчина и должны, не слабѣя, идти къ вашимъ прекраснымъ цѣлямъ. Греческую трагедію извольте продолжать: можетъ быть, она составитъ вашу литературную славу. О вашемъ положеніи я буду говорить съ вами лично. Если до васъ будутъ доходить слухи, что меня хотятъ выдать за Степочку, не тревожьтесь: все это я окончу разомъ.

В...»

Вотъ какой отвѣтъ написала Вѣра Павловна Шамилову, въ ученую келью котораго мы и перейдемъ теперь на нѣсколько времени. Петръ Александрычъ жилъ въ старомъ отцовскомъ домѣ, который старикъ докторъ купилъ лѣтъ двадцать тому назадъ, въ блестящую эпоху своей практики. Домъ былъ съ семью окнами по фасаду, съ мезониномъ, съ холодной залой, съ маленькимъ кабинетомъ и прочими принадлежностями. Отъ времени и запустѣнія, комнаты приняли какой-то мрачный видъ. Нынѣшній хозяинъ проводилъ свое время въ гостиной. Комната эта была съ обыкновенными принадлежностями. Въ ней стояла увѣсистая карельской березы мебель, обитая ситцемъ съ огромными птицами; въ простѣнкѣ между окнами красовалось довольно большое, но составленное въ срединѣ зеркало въ почернѣвшей зо-

лотой рамѣ; напротивъ его висѣли два портрета, написанные масляными красками, изображающіе, вѣроятно, доктора и его супругу: старикъ былъ нарисованъ въ цвѣтномъ фракѣ, въ бальномъ жилетѣ и галстухѣ, но главное впечатлѣніе производилъ онъ своими густыми черными бровями и огромнымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ правой руки, которая держала книгу; докторша была совершенно бѣлокурая дама, съ чертами лица весьма мягкими, и кидалась въ глаза какой-то невиданной прической и очень странно обозначенною таліею, совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало ей быть, по сложенію тѣла, но гораздо выше. Съ пріѣздомъ молодаго хозяина въ эту комнату внесены были убранства, вѣроятно, никогда въ ней прежде не бывшія: во первыхъ, на диванѣ, на столѣ и даже на полу раскидано было нѣсколько журналовъ, два романа Поль-де-Кока, нѣсколько листковъ изъ журнала des Débats, курсъ Лапласа, нѣмецкая брошюрка о химіи, нѣсколько толстыхъ тетрадей; бо́льшимъ, впрочемъ, почетомъ пользовались сочиненія Гёте на нѣмецкомъ языкѣ и переводы Шекспира Кетчера: они лежали на комодѣ: на окнѣ была раскрыта «Библіотека для Чтенія», и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о греческой жизни; за рамкою отцовскаго портрета былъ заткнутъ портретъ Садовскаго; на столѣ были раскиданы, въ величайшемъ безпорядкѣ, нѣсколько исписанныхъ листковъ бумаги, и стояла чернилица, съ пяткомъ перьевъ, верхушками которыхъ, должно быть, прочищали трубку. Самъ хозяинъ, въ халатѣ и съ поэтически разбитыми волосами, ходилъ по комнатѣ и говорилъ съ большимъ жаромъ. У него сидѣлъ уланъ Карелинъ,

курилъ и слушалъ. Шамиловъ разсуждалъ о довольно отвлеченномъ предметѣ: онъ опредѣлялъ значеніе музыки и сравнивалъ съ нею поэзію Гейне, говоря, что поэтъ этотъ постигъ тайну производить тоже впечатлѣніе словомъ, какое производитъ музыка, и что въ его поэзіи чувства подмѣчаются въ первый моментъ ихъ зарожденія, и потому не высказываются ясно и опредѣленно, и что въ этомъ-то и состоитъ главная прелесть его стихотвореній. Карелинъ нѣсколько времени прислушивался, потомъ началъ потихоньку зѣвать, и наконецъ всталъ и взялся за фуражку.

— Будете сегодня вечеромъ у Алексѣя Сергѣича? спросилъ онъ.

Шамиловъ немного смѣшался.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Кстати еще о музыкѣ... здѣсь есть великая музыкантша.

— Кто?

— Вѣра Павловна.

— Вы ухаживаете за ней?

— Это съ чего пришло вамъ въ голову? Я съ ней друженъ и больше ничего.

— Только дружны? Ее, впрочемъ, кажется скоро замужъ выдадутъ за этого милаго Степочку....

Шамиловъ вспыхнулъ.

— Это чудная дѣвушка! Въ такой мѣрѣ благородной, поэтической и развитой натуры я еще не встрѣчалъ въ жизнь мою.

— Ну какже вы не влюблены? вы просто въ нее врѣзались! замѣтилъ Карелинъ.—Мнѣ, впрочемъ, и самому она нравится; должно быть добрая, только немного педантка, чего я терпѣть не могу въ женщинахъ, да и собой ужь не совсѣмъ свѣжа; цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли.

— Странно вы, господа, смотрите на женщинъ, Богъ вамъ судья! проговорилъ насмѣшливо Шамиловъ.

— Нельзя же всѣмъ быть такими философами, какъ вы, возразилъ Карелинъ.—По моему, дѣвушка должна быть молоденькая, живая, съ которой можно было бы поболтать въ кадрили... Чего же больше требовать отъ женщинъ.

— Мнѣ кажется, что отъ женщинъ въ наше время можно требовать чего нибудь и побольше: и ума, напримѣръ, образованнаго, и сердца благороднаго, и симпатіи ко всему...

— Вы все забираетесь подъ небеса; прощайте, однако! проговорилъ Карелинъ и ушелъ.

Тотчасъ по уходѣ его, Шамилову подали записку отъ Вѣры, въ которой она просила у него сочиненія его о Гамлетѣ. Онъ порылся въ бумагахъ и отыскалъ какой-то измаранный листъ, на которомъ очень часто повторялось имя Гамлета. Это именно и было обѣщанное имъ сочиненіе, но весьма не длинное: не болѣе полулиста; я даже думаю, что оно было только начато. Написавъ и отправивъ знакомое намъ письмо, Петръ Александрычъ остался въ сильно тревожномъ состояніи: онъ безпрестанно глядѣлъ въ окно и, какъ бы ожидая чего-то, прислушивался къ малѣйшему шуму. Предчувствіе не обмануло. Горничная Вѣры принесла ему еще записку отъ барышни, которую мы тоже знаемъ и которая его совершенно обезумила. Шамиловъ, въ сильной радости, вынувъ изъ бумажника послѣднюю ассигнацію въ десять рублей серебромъ, отдалъ посланницѣ; та не брала, но онъ отвернулся и ушелъ въ гостиную, а часу въ восьмомъ, одѣвшись, отправился къ

Ухмыревымъ. Хозяева приняли его весьма двусмысленно, исключая Вѣры, которая вся вспыхнула при его приходѣ и тотчасъ же ушла въ наугольную; Петръ Александрычъ послѣдовалъ за ней; она проговорила съ нимъ безъ умолку цѣлый вечеръ; разговоръ ихъ, надобно отдать имъ честь, хоть и не отличался логическою послѣдовательностію, но въ тоже время въ немъ было такъ много внутренняго содержанія, такъ много чувствъ... Я въ примѣръ приведу только одно: Шамиловъ, между прочимъ, прочиталъ наизусть объясненіе Самозванца съ Мариной Мнишекъ у фонтана, изъ драмы Пушкина, и прочиталъ такъ, что Вѣра Павловна готова была расплакаться и едва имѣла силы скрыть внутреннее волненіе.

Въ душѣ Алексѣя Сергѣича тоже бушевала драма: онъ сидѣлъ насупившись, игралъ, ничего не помня, и проигралъ сто рублей серебромъ самому ничтожному партнёру. Авдотья Егоровна, видя безпокойство мужа, тоже была не въ духѣ и тоже проиграла.

Степочка, по случаю отсутствія танцевъ, тоже очень скучалъ; онъ заговаривалъ было съ Вѣрой Павловной, но та рѣшительно не отвѣчала ему; и, въ заключеніе всего, пріѣхавшій Карелинъ началъ надъ нимъ подшучивать и между прочимъ сыгралъ съ нимъ предерзкую штуку: онъ воткнулъ въ близь стоявшій его стулъ булавку острымъ концемъ вверхъ и движеніемъ руки пригласилъ Степочку сѣсть рядомъ съ нимъ; тотъ, въ простотѣ сердца своего ничего неподозрѣвая, опустился на стулъ со всего размаха, но въ ту же минуту, вскочилъ, захватилъ раненое мѣсто рукою и припрыгивая на одномъ мѣстѣ, закричалъ благимъ

матомъ, такъ что хозяйка даже испугалась и вздрогнула, а прочіе обратились къ нему съ вопросомъ: «что такое съ нимъ?» Молодой человѣкъ не преминулъ объяснить истинную причину. Всѣ гости хохотали, но хозяева даже и не улыбнулись.

По отъѣздѣ гостей, Ухмыревы имѣли между собою длинный разговоръ въ спальнѣ, въ которомъ часто повторялись имена Шамилова, Вѣры и Сальникова; наконецъ съ Авдотьей Егоровной сдѣлалась истерика, и истерика очень сильная. Прибѣжавшія горничныя дѣвушки не могли уже ей помочь и потому послали за весельчакомъ-докторомъ, который, впрочемъ, не пріѣхалъ, а велѣлъ своей паціенткѣ выпить стаканъ холодной воды и умыться тоже холодной водой: этимъ средствомъ онъ обыкновенно излечивалъ Авдотью Егоровну отъ злѣйшей истерики.

IV.

Прошла недѣля, въ продолженіе которой Алексѣй Сергѣичъ не только пріучилъ жену разсуждать, не впадая въ истерику, о предложеніи Степана Гарасимыча, но убѣдилъ ее даже до того, что она сама рѣшилась намекнуть объ этомъ Вѣрѣ. (Чувствительная Авдотья Егоровна всегда и во всемъ почти соглашалась съ мужемъ и постоянно дѣйствовала въ его духѣ.) Она должна была, по совѣту Алексѣя Сергѣича, дать въ началѣ тонъ слегка и сказать въ родѣ шутки, что будто бы ей приснился сонъ, въ которомъ она видѣла Вѣру замужемъ за Сальниковымъ. Порученіе это M-me Ухмырева исполнила въ тотъ же вечеръ и въ присутствіи мужа намекнула племян-

ницѣ. Вѣра Павловна сначала поблѣднѣла, а потомъ засмѣялась.

— Приходятъ же вамъ, ma tante, такіе пустяки въ голову! сказала она.

— Отчего же пустяки? проговорила Авдотья Егоровна, потупившись.

— Этотъ-съ женихъ не пустяки: у него шестьсотъ душъ въ виду, замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Хоть бы у него ихъ было шесть тысячъ, онъ все-таки остается тѣмъ же, чѣмъ есть, возразила Вѣра.

— Чѣмъ же онъ остается? спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Дурачкомъ.

— Объ умѣ, моя милая, судить весьма трудно, перебила кротко Авдотья Егоровна: мы иногда доброту принимаемъ за глупость, а начитанность за умъ, котораго отъ природы, можетъ быть, совсѣмъ и нѣтъ.

Понятно, что послѣдними словами Авдотья Егоровна намекала на Шамилова.

Вѣра вспыхнула.

— Неужели, ma tante, вы все это говорите серьёзно? начала она обиженнымъ тономъ.—Неужели вы думаете, что я для замужства способна продать себя? Въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь: я скорѣе умру съ голоду, чѣмъ позволю себѣ назваться женою того человѣка, котораго я не любила бы и не уважала. Не шутите такъ, ma tante! это жестоко! я сирота, проговорила Вѣра и со слезами на глазахъ встала и ушла.

Авдотья Егоровна совершенно растерялась; у Алексѣя Сергѣича вся кровь бросилась въ лицо. Нѣсколько времени они молчали; наконецъ Алек-

сѣй Сергѣичъ заговорилъ и, въ этотъ разъ забывши всякую тонкость, вышелъ изъ себя. Онъ почти кричалъ на весь домъ, что Вѣра Павловна неблагодарная, что она въ сорочкѣ родилась, удостоиваясь счастія сдѣлаться женою Сальникова, что въ ней нѣтъ даже чувствъ, и что она ничего не понимаетъ ясно, потому что голова у ней занята какимъ-то особымъ пареніемъ. Шамилова онъ бранилъ нещадно и поклялся своею жизнію не пускать его въ свой домъ. Авдотья Егоровна ничего уже не въ состояніи была ни говорить, ни возражать, и впала въ жесточайшую истерику. Такъ прошелъ цѣлый вечеръ, и супруги только часу въ девятомъ могли придти въ спокойное состояніе духа, и то потому, что пріѣхало двое почтенныхъ гостей, для которыхъ необходимо было составить партію. Всю ночь Алексѣй Сергѣичъ обдумывалъ, какимъ образомъ ему дѣйствовать въ предпринятомъ намѣреніи, отъ котораго все-таки не хотѣлъ еще отказаться. «Я говорить съ ней не могу: у меня дыханье захватываетъ, когда вижу такое безразсудство и неблагодарность. На женушку тоже надѣяться нечего: она только въ обморокъ умѣетъ падать—и больше ничего; обморокомъ всякое дѣло закончитъ!» говорилъ онъ съ досадой, ходя по кабинету, и наконецъ рѣшился написать къ Вѣрѣ въ такомъ тонѣ письмо:

«Милостивая Государыня,
Вѣра Павловна!

Считая себѣ за священный долгъ, по своимъ родственнымъ чувствамъ, я въ тоже время имѣю честь вамъ объявить, что Степанъ Гарасимычъ Сальниковъ просилъ меня насчетъ руки вашей,

которою я, конечно, не могу располагать; но какъ другъ вашъ и дядя, я, руководствуясь моею пятидесятилѣтнею опытностію, беру смѣлость дать вамъ совѣтъ и представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Не упоминаю о значительности состоянія, а также и о душевныхъ качествахъ этого молодаго человѣка я не распространяюсь, но доброта его уже доказана. На немъ мишуры нѣтъ, но есть одно прочное и необходимое для семейнаго счастія, и если вы даже сами пожелаете обратить на него ваше вниманіе, то найдете и другія качества, которыхъ теперь и не подозрѣваете. За тѣмъ позвольте именоваться

вашимъ,

милостивая государыня,

покорнымъ слугою.

А. Ухмыревъ.»

На это письмо Алексѣй Сергѣичъ получилъ чрезъ посланнаго отвѣтъ:

«Почтеннѣйшій дядюшка,

Алексѣй Сергѣевичъ!

Приношу вамъ мою благодарность за письменную передачу предложенія, которымъ удостоилъ меня г. Сальниковъ, и за ваши родственные и обязательные по этому случаю совѣты; но, къ сожалѣнію, не могу ни принять перваго, ни воспользоваться послѣдними. Я не желаю быть женою г. Сальникова.

Уважающая васъ племянница

Вѣра Ензаева.»

Этимъ и окончились объясненія насчетъ сватовства Степочки. По наружности, все пошло прежнимъ порядкомъ. Я не знаю, на что рѣшился Алексѣй Сергѣичъ, но, кажется, ничего особен-

наго не думалъ предпринимать, кромѣ того, что замѣтно сердился на племянницу и цѣлые дни не говорилъ съ нею ни слова. Бѣдная Авдотья Егоровна очень страдала. Въ присутствіи мужа она была холодна съ Вѣрою, но за то, оставаясь съ нею наединѣ и какъ бы желая вознаградить, ласкалась къ ней неимовѣрно. Вѣра, въ гостиной, въ залѣ за обѣдомъ была, по наружности, совершенно спокойна, но въ своей комнатѣ сидѣла по нѣскольку часовъ, не шевелясь на стулѣ, иногда плакала и каждый день переписывалась съ Шамиловымъ, который писалъ ей, что онъ все работаетъ и готовится держать экзаменъ на кандидата. Вѣра, къ сожалѣнію, узнала, что молодой человѣкъ не имѣлъ еще никакой ученой степени, тогда какъ она воображала, что онъ уже пишетъ диссертацію на доктора. Вѣра, наслушавшись отъ папеньки, очень хорошо знала ученыя градаціи и понимала степень ихъ важности. Но Шамиловъ такъ уменъ, такъ талантливъ, что это ничего не значитъ: онъ всѣхъ нагонитъ и перегонитъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ она ему писала: «трудитесь, учитесь! Не могу ли я быть чѣмъ нибудь вамъ полезна? не нужно ли что нибудь для васъ перевести—я переведу», и Шамиловъ прислалъ ей на англійскомъ языкѣ историческую брошюру и просилъ перевести. О, съ какимъ рвеніемъ принялась молодая дѣвушка за работу, просидѣла всю ночь, и какъ скоро, какъ прекрасно перевела она и какъ даже чисто и аккуратно переписала!

Въ ближайшее воскресенье Алексѣй Сергѣичъ назначилъ у себя большой обѣдъ. Званъ былъ весь городъ, за исключеніемъ, конечно, Шамилова. Дать въ мѣсяцъ по крайней мѣрѣ однажды большой

обѣдъ Ухмыревъ чувствовалъ какую-то органическую потребность; кромѣ того, въ городъ была привезена новинка изъ фруктовъ: это — астраханскіе арбузы и продолговатый виноградъ, извѣстный подъ названіемъ козьихъ сосковъ. Но главный умыселъ тонкаго ума Алексѣя Сергѣича былъ тотъ, чтобы, не пригласивши ненавистнаго ему молодого человѣка, окончательно уронить его въ глазахъ общества и явно показать ему, что онъ не желаетъ быть знакомъ съ нимъ, что, кажется, по моему было совершенно лишнее, потому что Алексѣй Сергѣичъ бранилъ Шамилова всѣмъ своимъ знакомымъ, называлъ его нищимъ, задѣвалъ даже покойнаго отца его, называя покойнаго доктора невѣждой, жаднымъ, и выдумалъ про старика ужасную небылицу, будто бы тотъ, пріѣхавши къ нему, больному, съ визитомъ, укралъ у него серебряную табакерку. Желая на своихъ обѣдахъ соблюсти самый высшій тонъ, Ухмыревъ назначалъ ихъ всегда въ пять часовъ, и очень не любилъ, если кто изъ гостей пріѣзжалъ не во фракѣ; самъ же являлся не только во фракѣ, но даже въ бѣломъ жилетѣ. Авдотья Егоровна тоже одѣвалась очень парадно: въ шолковое дорогое платье, въ бархатную, рублей во сто серебромъ, мантилью, украшая себя въ тоже время значительнымъ числомъ своихъ прекрасныхъ и дорогихъ брильянтовъ; чепецъ для каждаго обѣда былъ новый; Вѣру всегда тоже упрашивала нарядиться почти по бальному. Столъ сервировался превосходно. Тончайшаго свойства скатерть и прочее бѣлье, граненый хрусталь, серебро не накладное, англійская посуда,—все это было цѣнно, хотя и не отличалось особеннымъ вкусомъ. Алексѣй Сергѣичъ чрезвы-

чайно любилъ видѣть процессъ накрыванія своихъ grands diners и принималъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Самъ раскладывалъ огромную скатерть, наблюдая, чтобъ не осталось ни одной морщины, и потомъ она весьма граціозно связывалась по бокамъ. Варенье въ вазы онъ всегда самъ накладывалъ и собственными руками перетиралъ серебро. Одинъ изъ прежнихъ друзей Алексѣя Сергѣича, но нынѣ заклятой врагъ, разсказывалъ про него довольно забавный анекдотъ, а именно, что будто бы онъ пріѣхалъ однажды къ Ухмыреву въ сумерки, въ лакейской никого не было, и потому онъ прямо пришелъ въ кабинетъ, гдѣ и увидѣлъ совершенно неожиданную картину: Алексѣй Сергѣичъ, съ засученными рукавами, стоялъ на полу на колѣняхъ и чистилъ краснымъ кирпичемъ самоваръ; потъ катилъ съ него градомъ; лицо, бѣлье,—все то, какъ водится, было очень перепачкано. «Положимъ — прибавляетъ врагъ— что нѣкоторые любятъ стряпать, другіе столярничать,—все это понятно, потому что во всемъ этомъ есть нѣкоторая пища для ума, но чтобы любить лакейскія обязанности, это не видано и неслыхано!»

Въ настоящемъ обѣдѣ Алексѣй Сергѣичъ хлопоталъ немного: онъ только изобрѣлъ какой-то особенный манеръ складывать салфетки и очень долго хлопоталъ, чтобы соблюсти симметрію въ разстановкѣ вазъ, изъ коихъ двѣ были съ вареньемъ, а одна, побольше, съ козьими сосками. Облекшись потомъ въ свою форму, онъ началъ ходить около накрытаго стола съ замѣтнымъ самодовольствомъ. Авдотья Егоровна еще одѣвалась. Въ такіе дни туалетъ ея обыкновенно продолжал-

ся отъ десяти до двухъ часовъ; сначала у каждой затвореной двери ея уборной стояло по горничной, и когда подходили къ нимъ Алексѣй Сергѣичъ или Вѣра, то имъ обыкновенно говорили: «еще нельзя-съ: барыня одѣвается»; но когда уже было надѣто платье, и оставалось только возложить на голову чепецъ, надѣть брильянты и покрыться мантильею или шалью, тогда тѣ же горничныя растворяли дверь и начинали приглашать къ госпожѣ мужа и племянницу: «пожалуйте къ барынѣ посмотрѣть, хорошо ли на нихъ сидитъ платье»; или: «идите взглянуть на тетеньку, идетъ ли къ нимъ новый чепчикъ».

Въ настоящее время Авдотья Егоровна одѣвалась какъ-то не съ удовольствіемъ. Всю эту недѣлю она измучилась, видя, что Алексѣй Сергѣичъ все не въ духѣ; туалетъ тоже не ладился: ея не слушалась правая букля, которая выставлялась изъ подъ чепца или очень много, или очень мало; она послала свою горничную за Вѣрочкой, чтобы посовѣтоваться съ ней насчетъ этой неудачи, но ей донесли, что барышня больна, не одѣта и не выйдетъ къ столу. Нарядившись, Авдотья Егоровна хотѣла было зайти къ племянницѣ, но Алексѣй Сергѣичъ ей запретилъ.

— Сдѣлайте милость, хоть на сегодняшній день не тревожьте вы себя! взгляните, на что вы похожи! Оставьте ее, пусть капризится и сидитъ въ своей конурѣ.

— Но, другъ мой, я знаю, что это тебѣ будетъ непріятно.

— Напротивъ: мнѣ очень пріятно. Я ее давно очень хорошо знаю и понимаю... Когда ужь, Авдотья Егоровна, въ сердцѣ нѣтъ родственнаго

чувства, такъ ужь его не займешь, прибавилъ Алексѣй Сергѣичъ, колотя себя по груди.

У Авдотьи Егоровны нависли на глазахъ слезы, но она скрѣпилась. Передъ каждымъ торжественнымъ случаемъ Авдотья Егоровна обыкновенно старалась владѣть собой и никогда не впадала въ припадки истерики. Къ племянницѣ она не пошла и въ ожиданіи пріѣзда гостей, усѣлась въ гостиной. Вѣра не была больна; она въ самомъ дѣлѣ капризилась, потому что часу въ первомъ начала было одѣваться, надѣла уже корсетъ, но болтунья горничная, которая съ нѣкотораго времени поставила себѣ за правило безпрестанно говорить барышнѣ о Шамиловѣ, застегивая ей платье, доложила, «что Петръ Александрычъ не будетъ на обѣдъ, что дяденька ихъ не позвали и даже строго приказали Петру, который ходилъ приглашать гостей, чтобы онъ, какъ нибудь по ошибкѣ, не позвалъ Шамилова, и велѣлъ имъ отказать, когда они пріѣдутъ; но что за Степочкой послали сейчасъ фаэтонъ, а у него, у богача, и экипажишка порядочнаго нѣтъ; этта выѣхалъ на худой-прехудой лошади и въ старыхъ-престарыхъ дрожкахъ, такъ что всѣ купцы выбѣжали изъ лавокъ смотрѣть на это чудо; кучеръ-то словно филинъ сидитъ, да возжами хлопаетъ». Послѣднихъ словъ Вѣра уже не слыхала; она еще въ началѣ монолога поблѣднѣла, а потомъ, сказавъ, что ей дурно, велѣла себя раздѣть и выслала горничную. Оставшись одна она всплеснула руками и разрыдалась.

Начали съѣзжаться гости, изъ которыхъ мы почти всѣхъ знаемъ. Софи и Иринъ пріѣхали съ папеньками и съ маменьками; на этотъ разъ у этихъ дѣвицъ или былъ какой нибудь важный секретъ,

который онѣ спѣшили открыть другъ другу, или у которой нибудь изъ нихъ случилось нѣчто непріятное по туалету, потому что онѣ, поздоровавшись съ хозяевами, тотчасъ же ушли въ дальнюю комнату, сидѣли тамъ до самаго обѣда и все что-то шептались. Катерина Петровна, какъ слѣдуетъ львицѣ, пріѣхала одна. Весельчакъ докторъ только что вошелъ, тотчасъ же и сострилъ; Карелинъ пріѣхалъ, къ неудовольствію хозяина, въ вицъ-мундирѣ, но впрочемъ тотчасъ же извинился. Авдотья Егоровна съ печальнымъ видомъ разсказывала всѣмъ, что бѣдная Вѣрочка заболѣла и теперь, бѣдняжка, сидитъ въ своей комнатѣ и скучаетъ. Докторъ, выпивши водки и съѣвъ по крайней мѣрѣ въ четверть фунта кусокъ сыру, хотѣлъ было идти къ ней въ комнату и вылечить ее въ одну минуту, но хозяйка его остановила, говоря, что больная немного заснула.

Великолѣпно, истинно великолѣпно катилъ на большихъ рысяхъ Степанъ Гарасимычъ въ хозяйскомъ фаэтонѣ; лицо его сіяло отъ удовольствія; съ гордымъ и надменнымъ видомъ взглянулъ онъ на двухъ босоногихъ мальчишекъ, запускавшихъ на серединѣ улицы змѣя и едва кивнулъ головою поклонившемуся ему чиновнику въ старомъ вицъ-мундирѣ. Въ обманчивомъ самодовольствѣ, молодой человѣкъ воображалъ, что экипажъ этотъ Алексѣй Сергѣичъ подарилъ ужь ему, вмѣстѣ съ лошадьми, какъ своему племяннику. Въ залу онъ вошелъ съ самою пріятною улыбкою и съ приличною граціею расшаркался со всѣми гостями. Хозяинъ, здороваясь съ нимъ, посмотрѣлъ на него съ большимъ чувствомъ.

— Это вашъ фаэтонъ? спросилъ Степочку уланъ.

— Никакъ нѣтъ-съ: это экипажъ Алексѣя Сергѣича; онъ мнѣ очень нравится.

— Право?

— Да-съ. Я на дняхъ самъ думаю выписать себѣ изъ Москвы точно такой же.

— Недурно. Онъ къ вамъ очень идетъ, сказалъ Карелинъ, подмигнувши Катеринѣ Петровнѣ.

— Благодарю васъ покорно за комплиментъ, отозвался Степочка и прошелъ въ гостиную.

Онъ подошелъ прямо къ хозяйкѣ и въ порывѣ чувствъ поцаловалъ у ней руку. При этомъ случаѣ Авдотья Егоровна немного смѣшалась, такъ какъ, въ настоящее время, обычай цаловать у дамъ руки совершенно уже изгнанъ изъ общества. Степочка сѣлъ около хозяйки, довольно нецеремонно вытянулъ ноги и началъ играть цѣпочкою своихъ часовъ,— однимъ словомъ, старался представить изъ себя свѣтскаго, бойкаго молодаго человѣка. Онъ былъ въ новомъ фракѣ, и это ему очень много прибавило форсу. Но я съ своей стороны рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ Степанъ Гарасимычъ могъ оставаться доволенъ своимъ фракомъ, который былъ никуда негодно сшитъ. Конечно, видно, что Безухой старался подражать въ немъ современной модѣ и пустилъ талію довольно низко, но за то вездѣ морщило, косило, одинъ бортъ былъ ниже другаго, воротникъ хомутомъ: сукно плохое, какъ крашеная фланель.

— Вѣра Павловна дома? спросилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Она дома, но больна моя милушка и не выйдетъ къ намъ; мы не увидимъ ее сегодня.

Это извѣстіе весьма опечалило Степана Гарасимыча.

— Какое это несчастіе, и въ какой день! проговорилъ онъ.

— Да! ужасно грустно, подтвердила Авдотья Егоровна.

Послѣ этого разговора Степанъ Гарасимычъ отошелъ отъ хозяйки, усѣлся на дальній стулъ и задумался. Тонировалъ ли въ этомъ случаѣ молодой человѣкъ, желая представить изъ себя влюбленнаго, или въ самомъ дѣлѣ опечалился, услышавъ о болѣзни Вѣры Павловны, но только онъ по крайней мѣрѣ съ полчаса сидѣлъ какъ темная ночь.

— Вы слышали исторію? сказала Катерина Петровна улану.

— Нѣтъ.

— Сальниковъ здѣсь сватался, вышла цѣлая аларма, Вѣра теперь отъ этого больна.

— У ней, кажется, съ Шамиловымъ идутъ маленькія шуры-муры.

— И не маленькія, напротивъ: каждый день переписка; я это знаю изъ вѣрныхъ источниковъ. Посмотрите, какъ этотъ чудакъ Степочка грустенъ. Ахъ, какой онъ смѣшной!

— Мнѣ его подурачить хочется.

— За что̀ же?

— Такъ; ужасно-противная физіономія. Я все думаю, какую бы мнѣ съ нимъ штуку съиграть.... Гдѣ бы мнѣ достать клочекъ бумаги и карандашъ?

— Зачѣмъ это вамъ?

— Нужно.

— Нѣтъ, скажите!

— Послѣ.

— Нѣтъ теперь, а не то я всѣмъ разскажу.

— У васъ за этимъ дѣло не станетъ, отвѣчалъ Карелинъ и началъ что-то шопотомъ разсказывать

Катеринѣ Петровнѣ, которая только качала головой.

— Ахъ, какой вы злой изобрѣтатель! Я прежде этого не думала.

— Гдѣ бы достать бумаги?

— Въ кабинетѣ есть, я видѣла; но нѣтъ, мнѣ право его жаль.

Уланъ ушелъ въ кабинетъ; воротясь оттуда, онъ подошелъ къ окну, постоялъ тутъ немного и опять отошелъ.

Катерина Петровна между тѣмъ перешла въ гостиную и сѣла около Степочки, который все еще сидѣлъ въ задумчивомъ положеніи.

— Отчего вы, M-r Salnikoff, такъ грустны? спросила она.

— Я ничего-съ, такъ, раздумался о своей жизни, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, вы очень печальны, у васъ что нибудь на сердцѣ лежитъ. Я знаю: вы влюблены.

— Ктожъ изъ молодежи не бываетъ влюбленъ. Вы сами бывали, вѣроятно, влюблены?

— Про меня нечего говорить! я ужь состарѣлась. Знаете ли, что я противъ васъ немного виновата. Я думала, что вы вѣтренникъ, волокита, но теперь вижу, что ошиблась. Вы постоянны и любите только одну, и я даже знаю, кого именно. У васъ прекрасный вкусъ. Но грустно только то, что на насъ старухъ теперь ужь никакого вниманія не будете обращать.

— Позвольте вамъ сказать, Катерина Петровна, что вы несправедливо изволите думать: я ныньче, какъ и прежде, люблю и уважаю всѣхъ дамъ, возразилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Нѣтъ, не вѣрю! вы въ одну влюблены.... От-

чего же вы теперь такъ грустны? отчего же не хотите ни съ кѣмъ любезничать?

— Помилуйте-съ, я готовъ; но пріятно ли это будетъ?

— Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ это было бы очень пріятно, произнесла Катерина Петровна кокетливо.

Степочка улыбнулся и потупилъ глаза.

— Я готовъ-съ, произнесъ онъ.

— Сдѣлайте милость, начинайте.

— Я не смѣлъ думать, чтобы я могъ быть такъ счастливъ...

Въ это время Петръ, возводимый на торжественный случай въ званіе метръ-д'отеля, возгласилъ громогласно: «столъ готовъ-съ!» Этотъ лакей былъ вообще отличаемъ господами противъ прочей прислуги, и именно за то, что онъ никогда не являлся безобразно пьянымъ. Но, собственно говоря, онъ только былъ крѣпче другихъ.

— Гдѣ вы сядете? спросила кокетка Катерина Петровна, Сальникова.

— Если позволите, то конечно... отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ нибудь подальше отъ меня?

— Нѣтъ-съ, возлѣ васъ....

Сѣли за столъ. Степочка очутился между уланомъ и Катериной Петровной. Карелинъ началъ съ того, что налилъ себѣ и сосѣду по стакану мадеры и просилъ его, чокнувшись, выпить; Степочка нѣкоторое время отговаривался.

— Выпейте за мое здоровье, сказала Катерина Петровна.

— Не смѣю отказаться, произнесъ Сальниковъ и выпилъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ обѣда въ отношеніи мо-

его героя, его сосѣди вели ту же тактику: Катерина Петровна любезничала съ нимъ, а уланъ поилъ виномъ. Въ странное состояніе духа пришелъ молодой человѣкъ: онъ грустилъ, что не видитъ Вѣры, былъ счастливъ любезностью Катерины Петровны, и наконецъ вино сильно на него подѣйствовало: онъ сдѣлался замѣтно пьянъ. Степочка во всю свою жизнь не болѣе пяти разъ былъ въ нетрезвомъ состояніи,—и вино оказывало на него какое-то непонятное дѣйствіе: изъ скромнаго молодого человѣка онъ дѣлался обидчивымъ, строптивымъ, дерзкимъ и даже насмѣшливымъ. Въ настоящемъ случаѣ тоже повторилось. Онъ началъ своей дамѣ говорить такія вольности, что она, не смотря на развязность своего обращенія, не въ состояніи была слушать. Къ концу обѣда, когда уже начали подавать козьи соски, вдругъ двери отворились и вошелъ мущина, запыленный въ дорожномъ сюртукѣ, съ дорожнымъ озабоченнымъ лицомъ. Хозяинъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Гаврило Петровичъ! воскликнулъ онъ, заключая гостя въ объятья и цѣлуя его болѣе чѣмъ троекратно.

— Прекрасно! прекрасно! говорила хозяйка; столько времени заѣхать и до сихъ поръ къ намъ не возвратиться.

Гость поцѣловалъ у ней руку. Это былъ мѣстный уѣздный предводитель, большой другъ и пріятель Алексѣя Сергѣича и Авдотьи Егоровны. Онъ все послѣднее время жилъ въ губернскомъ городѣ.

— Малой! приборъ, водки, сыру, кричалъ хозяинъ....

— Ничего ненадо! я уже обѣдалъ, отвѣчалъ гость, и съ тѣмъ же озабоченнымъ лицомъ сѣлъ

около хозяйки. Всю ночь сегодня скакалъ на почтовыхъ, завтра сенаторъ къ намъ будетъ.

— Уже! воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ и поблѣднѣлъ. Поблѣднѣло нѣсколько и другихъ чиновничьихъ лицъ, сидѣвшихъ за обѣдомъ.

— Всю гражданскую палату отрѣшилъ отъ должности, теперь принимается за вѣдомство государственныхъ имуществъ. Приходорасходчика тамъ изъ палаты, говорятъ, въ острогъ велѣлъ посадить.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! произнесъ Алексѣй Сергѣичъ и оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ. На другомъ концѣ стола тоже раздалось нѣсколько затаенныхъ, но глубокихъ вздоховъ!

— Гдѣ же онъ жить-то у насъ будетъ? гдѣ жить-то? воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ озабоченнѣйшимъ тономъ.

— У Рогаткиныхъ я велѣлъ приготовить. Вы, пожалуйста, ужь наблюдите, чтобы тамъ все вычистили и подправили, обратился предводитель къ городничему.

— Я, сейчасъ же поѣду! произнесъ тотъ и неимѣвши почти лица на себѣ, всталъ потихоньку изъ-за стола и на цыпочкахъ, но торопливымъ шагомъ, вышелъ. Между тѣмъ Алексѣй Сергѣичъ и прочіе гости остались въ сильномъ раздумьѣ. Хозяинъ однако вскорѣ нашелся. Онъ велѣлъ налить всѣмъ шампанскаго и вставъ на ноги произнесъ:

— Господа! позвольте вамъ предложить тостъ за здоровье его сіятельства нашего ревизующаго сенатора....

— Ура! ура! подкрикнули ему чиновники и помѣщики.

— Что онъ-то такъ хлопочетъ; вѣдь не слу-

житъ, кажется, замѣтилъ винный приставъ стряпчему.

— Ну да! поди ты вотъ, отвѣчалъ тотъ грустнымъ голосомъ.

Послѣ обѣда около предводителя столпились нѣсколько мущинъ и стали распрашивать, какъ и что князь; одинъ только Степочка нисколько не смутился: онъ и въ усъ ничему не дулъ, а напротивъ, какъ-то еще съ-высока на всѣхъ сталъ посматривать, толкнулъ локтемъ одного старика и пошелъ было отъискивать Катерину Петровну, но та уже, спасаясь отъ его любезностей, куда-то скрылась. Степочка подошелъ съ гордымъ видомъ къ предводителю и нѣсколько времени гордо смотрѣлъ на него.

— А зачѣмъ сюда сенаторъ ѣдетъ! вдругъ спросилъ онъ:

— А вотъ этакихъ неслужащихъ дворянъ въ солдаты брить, отвѣчалъ предводитель.

— Какъ мнѣ понимать ваши слова? спросилъ Степочка и закусилъ губы, что́ у него всегда означало присутствіе сильнаго гнѣва.

— Это онъ на вашъ счетъ говоритъ, подъускнулъ его уланъ.

— Чего-съ? отозвался и ему Степочка, и хотѣлъ было обратиться снова къ предводителю; но того уже не было: онъ ушелъ за хозяиномъ, который дернулъ его за руку, и просилъ идти съ нимъ въ дальнюю комнату переговорить. Въ комнатѣ этой стояли на столѣ два полные стакана шампанскаго.

— Выпьемте еще за здоровье его сіятельства, нашего теперь командира и владыку.... Предводитель съ нимъ чокнулся и выпилъ.

— Теперь, вѣдь, дѣло вотъ въ чемъ: продолжалъ Ухмыревъ, ну вотъ онъ пріѣдетъ сюда. Чиновники представятся тамъ ему своимъ чередомъ; но гдѣ же мы дворяне увидимъ его?

— Да, пожалуй, я дворянъ представлю, отвѣчалъ предводитель.

— Прекрасно-съ! воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ, но вѣдь вы представите Сидора... Петра... Алексѣя, всѣхъ вмѣстѣ. Гдѣ ему тутъ различить, кто какой человѣкъ. Такъ я говорю?

— Да такъ-то такъ! отвѣчалъ предводитель.

— Такъ? повторилъ опять Ухмыревъ. Я полагаю въ этомъ случаѣ вамъ прямо надобно ему объяснить, что вотъ здѣсь въ городѣ собственно живетъ одинъ только помѣщикъ, т. е. я.... потому что я могу и партію ему составить, и въ домъ къ себѣ принять, а какая ему радость, если вы его познакомите съ какимъ нибудь Козинымъ, у котораго фрачишки нѣтъ и водкой воняетъ цѣлый день.

— Это можно будетъ сдѣлать! согласился предводитель.

— Непремѣнно, а чтобы о прочихъ и духу ни какого не было, а то они васъ же скомпрометируютъ, подхватилъ Алексѣй Сергѣичъ, и предложилъ еще разъ тостъ, собственно ужь за здоровье предводителя, расцѣловался съ нимъ потомъ, и вышелъ къ прочимъ гостямъ. Онъ былъ очень доволенъ этой маленькой бесѣдой, въ продолженіи которой такъ ловко успѣлъ обдѣлать дѣло, что одинъ только въ цѣломъ городѣ, какъ частный человѣкъ, будетъ знакомъ съ сенаторомъ.

Степанъ Гарасимычъ между тѣмъ съ прежнимъ озлобленнымъ видомъ ходилъ по залѣ. Подойдя

къ окну, онъ взялъ свою шляпу, изъ которой выпала записка. Сальниковъ поднялъ ее и прочелъ сначала равнодушно, прищуря нѣсколько лѣвый глазъ,—но тотчасъ же измѣнилъ выраженіе лица, уткнулъ палецъ въ лобъ, нѣсколько времени думалъ, потомъ улыбнулся и началъ незамѣтно выбираться изъ залы. Наблюдавшій его Карелинъ поклонился ему вслѣдъ. Выйдя на улицу, Степанъ Гарасимычъ опять пріостановился и задумался. Найденная имъ въ шляпѣ записка была дѣйствительно довольно загадочнаго содержанія: «Милый Степочка! я тебя давно люблю, и потому рѣшилась тебѣ назначить свиданіе—въ гостинницѣ, въ 3 №, гдѣ и буду ожидать тебя цѣлый день; тебя встрѣтитъ человѣкъ съ рыжими усами, ты ему скажи одно слово: *Паленый Поросенокъ*: въ началѣ онъ будетъ показывать, что сердится на тебя, будетъ, можетъ быть, браниться; но ты не робѣй и повторяй это слово чаще, и онъ проводитъ тебя ко мнѣ; иначе ты меня не увидишь. Если же, паче чаянія, ты не встрѣтишь этого человѣка, то спроси нумернова, и онъ къ тебѣ выйдетъ.

Ожидаю тебя
неизвѣстная».

Будь въ обыкновенномъ состояніи Степочка, онъ, конечно, принялъ бы эту записку только къ свѣдѣнію: но въ охмѣленную голову его пришли Богъ знаетъ какія несбыточныя мысли. Сначала онъ заподозрилъ Катерину Петровну, которая такъ любезничала съ нимъ. «Не отъ Вѣры ли Павловны?» подумалъ онъ наконецъ, и отъ послѣдней мысли голова его еще болѣе помутилась: запнувшись о камень, при чемъ весьма больно ушибъ

себѣ ногу, Сальниковъ опять перемѣнилъ образъ мыслей и началъ предполагать, что это, должно быть, писала къ нему какая нибудь незнакомая дама, которая гдѣ нибудь вѣроятно его видѣла и влюбилась въ него.—«Интересно знать, хороша ли она собой? Если дурна, такъ не надобно.... но если хорошенькая, такъ ничего: идетъ!... Хи.... хи.... хи.... Стыдно бы тебѣ, Степанъ Гарасимычъ дѣлать эдакія проказы! вспомни, ты скоро женишься.... хи.... хи.... хи.... ничего—пошалю, да и закаюсь; мало ли мы, молодые люди, шалимъ; невѣсты на это не смотрятъ. Но какимъ образомъ эта записка въ шляпу ко мнѣ попала?» Послѣднее обстоятельство опять сбило его съ толку. Разсуждая такимъ образомъ, онъ все-таки шелъ къ таинственной гостинницѣ, ошибиться въ которой было невозможно, такъ какъ она была единственная въ городѣ. Войдя на дворъ, онъ дѣйствительно увидѣлъ на рундучкѣ крыльца человѣка съ рыжими усами и въ нанковомъ сюртукѣ.

— Паленый Поросенокъ! проговорилъ Степанъ Гарасимычъ, подходя къ нему.

Рыжеусый взглянулъ на него свирѣпо.

— Чего тебѣ надобно? что ты ругаешься?

— Паленый Поросенокъ! повторилъ онъ.

— Я тебѣ дамъ такого поросенка, что ты у меня вылетишь отсюда! Я не посмотрю, что ты баринъ, или тамъ купецъ какой нибудь—убирайся!

— Я тебѣ говорю: дама.... Паленый Поросенокъ!

— Молчи! я тебя, право, проучу!!!

— Паленый Поросенокъ! повторилъ Степанъ Гарасимычъ и пошелъ было въ корридоръ.—Къ дамѣ, я тебѣ говорю, Поросенокъ....

Рыжіе Усы совершенно вышли изъ себя.

— Вотъ тебѣ паленый поросенокъ! вскрикнулъ онъ и, какъ мнѣ ни совѣстно, но все-таки я долженъ сказать, что онъ далъ Степану Гарасимычу такого рода серьезную затрещину, что у того посыпались звѣзды изъ глазъ. Подобной обиды Сальниковъ, надѣленный отъ природы довольно сильнымъ мужскимъ организмомъ, конечно, никогда бы и никому въ мірѣ не спустилъ, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ: забывши даму, и записку, и слово «паленый поросенокъ», онъ далъ такую сдачу Рыжимъ Усамъ, что тѣ свалились съ ногъ. За тѣмъ Степочка придавилъ ему колѣномъ грудь и началъ ковырять ему глаза, раздирать ротъ, такъ что рыжеусый, какъ только вырвался изъ подъ него, то однимъ взмахомъ взлетѣлъ на чердакъ и началъ оттуда пускать въ Степочку каменьями. Тотъ разумѣется принужденъ былъ отступить и какъ ни блистательна была одержанная имъ побѣда надъ этимъ загадочнымъ человѣкомъ, но все-таки онъ вышелъ изъ гостинницы совершенно не похожій на себя: новый фракъ его не только былъ измятъ, но въ рукавахъ на многихъ мѣстахъ изодранъ; лицо его пылало гнѣвомъ; хмѣль же у него отъ сильнаго моціона значительно выскочилъ,—онъ отправился прямо домой и всю дорогу ломалъ себѣ голову, что бы это такое съ нимъ за приключенье было. Но мы, конечно, можемъ догадаться, что въ третьемъ нумерѣ гостинницы никакой дамы не бывало, а стоялъ въ немъ самъ Карелинъ. Рыжіе Усы былъ нумерщикъ; его дразнили въ городѣ прозвищемъ *Паленый Поросенокъ*, и этого имени онъ такъ не любилъ, что начиналъ обыкновенно браниться и драться со всякимъ, кто только называлъ его такимъ образомъ...

V.

Переписка между Шамиловымъ и Вѣрой шла неутомимо, черезъ посредство довѣренной горничной. Въ каждомъ письмѣ своемъ Шамиловъ молилъ Вѣру о свиданіи и спрашивалъ о причинѣ, по которой его не принимаютъ. Вѣра въ началѣ скрывала, но наконецъ написала откровенно, что жестокій дядя не велѣлъ его принимать. «Пусть онъ не принимаетъ, писалъ съ своей стороны Шамиловъ, но мы должны видѣться съ тобой, Вѣра! Ты дашь мнѣ случай видѣть себя внѣ дома этого человѣка.» Вѣра не отвѣчала цѣлый день на это письмо; но послѣдовало другое, еще страстнѣе, еще пламеннѣе. Отчаяніе молодого человѣка доходило до послѣднихъ предѣловъ. Не прошло четверти часа, какъ было прислано еще третье посланіе, къ которомъ Петръ Александрычъ прямо говорилъ, что онъ пишетъ его, имѣя подъ руками заряженный пистолетъ. Молодая дѣвушка не въ состояніи была болѣе бороться и написала дрожащею рукою; «приходите въ пять часовъ въ рощу, къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ скамейка; я буду тамъ гулять.» Роща эта лежала около самаго города и служила въ хорошее время мѣстомъ прогулки для многихъ изъ горожанъ; въ ней росли иногда сухарки, боровые рыжики и брусника. Нельзя сказать, чтобы она была опрятно содержима, или, лучше сказать, ее украшала и содержала одна только природа. Въ сторонѣ, ближайшей къ городу, была сдѣлана дерновая скамейка. Вѣра часто гуляла въ этомъ мѣстѣ, потому что она, какъ мы знаемъ, очень любила лѣсъ, а роща

въ полномъ смыслѣ могла быть названа лѣсомъ. Вѣра Павловна вышла въ сопровожденіи горничной. Забывъ совершенно, отъ внутренняго волненія, что былъ уже конецъ сентября, она накинула на себя только легонькій лѣтній бурнусъ. Шамиловъ уже сидѣлъ на назначенномъ мѣстѣ. Вѣра его завидѣла еще вдали. Въ одеждѣ и въ самой позѣ молодого чаловѣка было нѣсколько умышленнаго кокетства. Онъ былъ въ очень хорошо сшитомъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ въ нахлобученной шляпѣ, и сидѣлъ опершись на палку. Первымъ движеніемъ его было броситься къ Вѣрѣ Павловнѣ; но, увидѣвъ горничную, онъ пріостановился.

— Bon soir, проговорила Вѣра, сконфузясь и подавая ему руку.

Горничная, сообразивъ, что она лишняя, отошла и, отыскавъ кустъ брусники, присѣла къ нему и сдѣлала видъ, какъ будто ничего не видитъ и не слышитъ, тогда какъ все видѣла и все подмѣчала.

Давно минула для меня, смиреннаго разсказчика, та волшебная пора, въ которую я самъ бывалъ въ положеніи Шамилова, минуло даже и то время, когда, въ подобныхъ свиданіяхъ, видѣлъ, Богъ знаетъ, какую глубокую драму. Много было описано мною келейно подобныхъ сценъ, и онѣ, милыя читательницы, можетъ быть понравились бы вамъ гораздо болѣе той, которую я буду сейчасъ излагать, потому что молодые люди обнаруживали въ нихъ такъ много страсти, такъ умно, такъ плавно и такъ логически говорили между собою; но, право, я былъ тогда пристрастенъ. Теперь не то, теперь я буду описывать чувство-

ванія пережитыя, но не переживаемыя, и, соблюдая строгую справедливость, отнесусь къ молодымъ людямъ съ симпатіей, но нелицепріятно.

Вѣра сѣла на скамейку. Шамиловъ тоже, но довольно вдалекѣ. Разговоръ нѣкоторое время не начинался.

— Вы очень меня любите? сказала дѣвушка съ замѣтнымъ усиліемъ надъ собой.

Петръ Александрычъ взглянулъ на нее пламенно.

— Не грѣхъ-ли вамъ спрашивать меня объ этомъ! воскликнулъ онъ тѣмъ впечатлительнымъ тономъ, которымъ произносятъ трагическіе актеры многозначительныя слова своей роли.

Вѣра отвѣчала только взглядомъ.

Молчаніе.

— Я сегодня много плакала, сказала Вѣра.

— Вы плакали? спросилъ съ ужасомъ молодой человѣкъ.

— Да... мнѣ было досадно на дядю и тетку за васъ. Любили ли когда нибудь эти люди!

Шамиловъ горько улыбнулся.

— Чтобы умѣть любить, надо умѣть чувствовать. Но зачѣмъ вы, Вѣра Павловна, говорите мнѣ о другихъ? говорите мнѣ о себѣ, о себѣ только и больше ни о комъ.—Вы для меня цѣлый міръ!

Опять молчаніе.

Мы всѣ, конечно, согласимся, что молодой человѣкъ не сказалъ въ послѣднемъ монологѣ ничего особеннаго, но иначе отозвались эти слова въ сердцѣ Вѣры.

— Любили ли вы прежде? проговорилъ Шамиловъ.

— Такъ, какъ васъ—никогда. Мнѣ только нравился одинъ человѣкъ; онъ очень походилъ на...

«На тебя,» конечно думала сказать молодая дѣвушка, но остановилась.

Я васъ очень люблю, договорила она и, потомъ, какъ бы нечаянно, прибавила: — а ты любилъ прежде?

Въ любви, какъ извѣстно, переходъ отъ «вы» на «ты» составляетъ довольно значительный шагъ.

— Я? я любилъ безумно, страстно! Это существо было не отъ міра сего; я видѣлъ ея развитіе; я хотѣлъ во имя ея посвятить всю мою жизнь.

— Вы безумно любили? спросила Вѣра нетвердымъ голосомъ.

— Не безпокойтесь: ея ужь нѣтъ въ живыхъ.

— Но, можетъ быть, вы и теперь ее любите? Встрѣтившись съ вами и полюбивши васъ, это немного трудно.

— Не обманывайте меня, Шамиловъ; вы теперь для меня единственная радость, одно только счастіе въ мірѣ. Если вы забудете меня, я не перенесу этого и умру.

— Вѣра, дивное ты созданіе! проговорился Шамиловъ.—Неужели ты думаешь, продолжалъ онъ въ совершенномъ увлеченіи:—что полюбивъ тебя, можно разлюбить? неужели ты не знаешь себѣ цѣны и не сознаешь своего достоинства?

— Я вѣрю тебѣ, обмолвилась окончательно Вѣра.

Шамиловъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

Опять послѣдовало продолжительное и краснорѣчивое молчаніе.

— Гдѣ вы думаете служить? спросила Вѣра, прійдя нѣсколько въ себя.

— Насчетъ службы не знаю. Теперь у меня другіе планы.

— Скажите.

— Покуда еще и говорить объ этомъ страшно.

— Мнѣ вы должны говорить все.

— Я думаю, выдержавъ экзаменъ на кандидата, издавать журналъ: это единственный для меня выходъ.

— Это прекрасно! я бы стала тебѣ помогать, проговорила опять Вѣра.— Я бы стала переводить, переписывать... только это очень трудно. Къ папенькѣ часто ѣздилъ... одинъ журналистъ... ахъ, какъ онъ, бѣдненькій, безпокоился! пріѣдетъ, бывало, измученный, усталый, худой.

— Трудъ—пустяки, труда я не боюсь, возразилъ Шамиловъ:—я улучшу журналистику.—Я покажу публикѣ, какова она должна быть, продолжалъ онъ.—Боже мой! это для меня такая высокая цѣль, что отъ одной мысли голова идетъ кругомъ! Представь себѣ, Вѣра: я цѣлое утро хлопочу съ сотрудниками, у меня въ редакціи не будетъ валяться цѣлая кипа романовъ, повѣстей и прочаго, которое потому только не годится, по мнѣнію редактора, въ журналъ, что ему лѣнь все это читать, и что ему пріятнѣе ѣхать обѣдать съ пріятелями.—Я все прочту, все разсмотрю, съ корректоромъ стану браниться на каждомъ шагу. По вечерамъ примусь и за свои труды. Вы, Вѣра, конечно, будете около меня... или нѣтъ! я васъ отошлю въ вашу комнату; при васъ я буду не въ состояніи заниматься и буду все любоваться вами.

Отъ этого монолога, кажется и у Вѣры Павловны тоже пошла голова кругомъ; она потупилась и нѣсколько времени не въ состояніи была проговорить ни одного слова.

— Возможно ли это? сбудется ли это?

— Сбудется, Вѣра! Любовь къ такой женщинѣ, какъ ты, изъ нигмея сдѣлаетъ великана.... Вѣришь ли ты хоть сколько нибудь въ мои силы?

— Да... могла только отвѣтить дѣвушка.

Прошло еще нѣсколько минутъ молчанія; горничная пересѣла къ другому кусту брусники.

— Я сейчасъ вспомнила: ко мнѣ сватался этотъ Степочка, сказала Вѣра.

— Сватался? спросилъ Шамиловъ, перемѣнясь въ лицѣ.

— Дядя и тетка мнѣ говорили; я имъ сказала, чтобы они мнѣ и не повторяли въ другой разъ.

— Это чортъ знаетъ что такое, воскликнулъ Шамиловъ; у меня рѣшительно сердце каменѣетъ, когда я вижу или слышу объ этомъ человѣкѣ. Я бы больше вѣрилъ въ твою любовь, въ свои собственныя силы и въ возможность будущаго счастія, еслибъ этотъ болванъ не перебивалъ мнѣ дороги.

Вѣра усмѣхнулась.

— А тебя развѣ онъ не безпокоитъ? развѣ ты не чувствуешь тоски, видя предъ собой это животное, спросилъ Шамиловъ.

— Нисколько! отвѣчала она: я нисколько не боюсь его, нисколько не смущаюсь его вниманіемъ и даже не думаю про желаніе дяди и тетки. Я полюбила тебя и сказала себѣ, что буду твоей женою, хотя бы весь свѣтъ возсталъ противъ этого. Ты меня еще не знаешь: я съ характеромъ.

Бесѣда молодыхъ людей, вѣроятно, продолжалась бы еще очень долго, еслибъ имъ не напоминала о разставаньи наша сѣверная природа, въ которой, въ концу сентября, въ седьмомъ часу

смеркается. Къ сумеркамъ присоединилось облако, отъ котораго повѣяло на нихъ черезчуръ свѣжимъ воздухомъ и даже пошелъ маленькій снѣжокъ, въ родѣ крупы.

— Барышня! пора домой; ужь скоро темно; посмотрите какъ вы посинѣли, сказала горничная.

— Adieu, проговорила Вѣра и пошла.

— Проводите до города... этакой баринъ молодой, а неловкій, шепнула горничная Шамилову.

Онъ торопливо вынулъ изъ бумажника ассигнацію въ три рубля серебр. и сунулъ ей въ руку. Нагнавъ Вѣру, онъ взялъ ее подъ руку. Несмотря на вѣтеръ, несмотря на снѣгъ, молодые люди шли нескоро и если не говорили между собой почти ни одного слова, то все-таки понимали другъ друга. Шамиловъ чувствовалъ эту безцѣнную руку на своей рукѣ, чувствовалъ біеніе ея сердца, а Вѣра—она, какъ я полагаю, ничего не видѣла, ничего не помнила, что́ вокругъ нея происходило. Но вотъ городъ: предусмотрительная горничная тотчасъ же развела ихъ и велѣла одному идти въ одну сторону, а другой—въ другую. Но когда барышня благополучно возвратилась въ свою комнату, она не преминула отправиться со двора и побѣжала къ своей пріятельницѣ, горничной Катерины Петровны, и сообщила той о всемъ, что̀ видѣла и слышала, весьма подробно: пріятельница эта—своей барынѣ, а барыня—улану и еще кой-кому и такъ далѣе.

Князь наконецъ пріѣхалъ съ своей коммисіей и чиновники ужь ему представлялись; былъ у него и Ухмыревъ въ субботу, одинъ. Если принять во вниманіе нахмуренное чело и вообще недовольное выраженіе лица, съ которымъ Алексѣй Сергѣичъ

возвратился домой изъ Семеновскаго, то явно можно было заключить, что онъ остался недоволенъ пріемомъ. Авдотья Егоровна, конечно, сейчасъ же замѣтила это и почти догадалась о причинѣ, но не спрашивала; она очень хорошо знала, какъ близко это сердцу мужа, и потому не хотѣла растравлять еще болѣе раны. Алексѣй Сергѣичъ самъ заговорилъ.

— Князь чудакъ: онъ слишкомъ много себѣ позволяетъ, началъ онъ.

— Что́ такое? спросила Авдотья Егоровна.

Алексѣй Сергѣичъ поднялъ плечи.

— Я понять не могу, у меня до сихъ поръ все какъ въ туманѣ. Пріѣзжаю—ну, все какъ быть—хорошо, зову его, и, конечно, говорю о картахъ, стараюсь узнать, какую любитъ партію, большую или по маленькой... Вдругъ онъ начинаетъ говорить мнѣ дерзости: «что̀ это такое, говоритъ за занятіе карты? это глупо, говоритъ, и вредно». Я въ началѣ сообразить ничего не могъ:—ваше сіятельство! наконецъ говорю—я не азартный игрокъ, я веду игру коммерческую.—«Тѣмъ хуже—говоритъ—это ужь совсѣмъ мелкая корысть.» А? нравится тебѣ это? Что́ онъ этимъ выраженіемъ хотѣлъ сказать? то, что я желаю выиграть десять рублей серебромъ... такъ ли? такъ онъ извини, онъ можетъ копѣйки усчитываетъ, а я нѣтъ! Я тутъ промолчалъ: возражать смѣшно. Но еще разъ онъ не скажетъ мнѣ этого; я отвернусь и уйду.

— Не любитъ картъ, не охотникъ играть! замѣтила Авдотья Егоровна.

— Согласенъ. Но обращеніе непристойно, тонъ неприличенъ... Прекрасно! Теперь онъ будетъ у

меня; что же? я не буду смѣть ни одного столика открывать... такъ ли?

— Когда онъ будетъ, конечно, не надобно картъ, отвѣчала Авдотья Егоровна.

Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.

— Но это еще ничего; слушай дальше. Сижу я у него и вдругъ слышу шаги и входитъ, именно какъ я предчувствовалъ этотъ, Козинъ гадкой, скверной; но какъ мнѣ было сказано: прошу покорнѣйше садиться, такъ и ему тоже самое,—стало быть онъ ставитъ меня совсѣмъ съ нимъ на одну доску, такъ ли?

Авдотья Егоровна покачала только головой.

— Нѣтъ, ты погоди, постой, говорилъ между тѣмъ Ухмыревъ, это только еще цвѣтики, а ягодки впереди. Выхожу я, прощаюсь, хоть бы слово мнѣ, а такъ какъ лошади еще не были у меня поданы, я и остановился въ передней.... Слышу, Козинъ тоже прощается и онъ ему говоритъ: «какъ, говоритъ, выѣду, такъ, буду у васъ.» Что же это такое! Я сошелъ съ лѣстницы, не помня себя. Мнѣ не подъ лѣта сносить подобные оплеухи!

— Другъ мой! повѣрь, что это ничего! вздумала было Авдотья Егоровна успокоить своего супруга.

— Какъ ничего! очень чего! возразилъ онъ ей рѣзко; тутъ двѣ вещи: или онъ совсѣмъ не хочетъ понимать людей какъ надо, или ему ничего не было сказано. На что же послѣ этого предводитель у насъ? Еще не безъ чего я говорилъ и просилъ. Въ чемъ его прямая обязанность состоитъ, какъ не въ томъ, чтобы сортировать передъ высшими лицами дворянъ!

— Высшіе люди, cher Alexis, чрезвычайно скрыт-

ны; по наружному виду ихъ никакъ нельзя узнать объ ихъ мнѣніи; я тебѣ говорю, что онъ къ намъ къ первымъ пріѣдетъ.

— А я тебѣ говорю, что онъ къ намъ совсѣмъ не будетъ! вскричалъ Алексѣй Сергѣичъ почти уже бѣшенымъ голосомъ и ударивъ себя въ грудь... Да-съ!

— Нѣтъ, Alexis, ты заблуждаешься.

— Пожалуйста, не спорьте. Вамъ чепчики—и больше ничего! вы въ этихъ дѣлахъ ни аза не понимаете! заключилъ онъ и ушелъ, не замѣтивъ даже того, что у чувствительной Авдотьи Егоровны показались на глазахъ, по обыкновенію, слезы, и она готова была упасть въ обморокъ, но удержалась единственно потому, чтобы не разстроить еще болѣе мужа и самой не лишиться силъ ѣхать къ весельчаку-доктору на званный обѣдъ по случаю именинъ его жены.

Между тѣмъ какъ волновался такимъ образомъ Алексѣй Сергѣичъ, князь, начальная и конечная точка всѣхъ его теперешнихъ помышленій, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ халатѣ за письменнымъ столомъ. Передъ нимъ стоялъ въ почтительной позѣ правитель дѣлъ, тоже уже статскій совѣтникъ и съ владиміромъ на шеѣ. Онъ докладывалъ князю вновь полученныя бумаги.

— Какое-то частное письмо, сказалъ онъ, подавая князю пакетъ. Тотъ развернулъ и началъ читать. Съ каждой строчкой его старческое и мрачное лицо начало принимать все болѣе и болѣе добродушное выраженіе; на первой страницѣ письма, на верху ея, былъ поставленъ маленькой крестикъ... Оно было слѣдующаго содержанія. «Я прибѣгаю къ вашей помощи, князь, и прибѣгаю

потому, что вы меня знаете. Я дочь вашего стараго знакомаго Энзаева, та маленькая Вѣрочка, которую вы когда-то ласкали. Я теперь сирота, живу здѣсь у моей родной тетки Ухмыревой. Говорить съ вами откровенно я могу, потому что я дочь Энзаева. Родные хотятъ меня выдать за человѣка, котораго я ненавижу и люблю другаго; но онъ не нравится моему дядѣ Ухмыреву. На васъ теперь, князь, вся моя надежда. Помощь этому человѣку и ваше участіе ко мнѣ спасутъ насъ: достаточно одного вашего слова, чтобы родные мои перемѣнили свое намѣреніе и отдали меня тому, кому принадлежитъ и мое сердце, и вся душа моя. Фамилія его Шамиловъ. Спасите насъ, князь; васъ за это Богъ наградитъ!

Вѣра Энзаева.»

Письмо было написано такимъ почеркомъ, по которому ясно было видно, что сочинительница его и сама кажется не понимала хорошенько, что дѣлала и что писала.

— Вѣрочка Энзаева! произнесъ старикъ. А что, у меня былъ, кажется, какой-то Ухмыревъ? спросилъ онъ, обращаясь къ правителю.

— Былъ, кажется, ваше сіятельство.

— Скажите или дайте какъ нибудь тамъ знать, хоть черезъ городничаго, что я ужо вечеромъ заѣду къ нему.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ правитель и собралъ доложенныя бумаги.

— Приказанья больше не будетъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ князь. Правитель поклонился и вышелъ.

Старикъ началъ какъ-бы разсуждать самъ съ собой:

— Сподвижникъ былъ большой... званіе вольнаго каменщика имѣлъ.... Сперанскій лучшимъ другомъ считалъ его себѣ.... но паче того я покойницу мать ея любилъ: святая была женщина.... Все-то это какъ-то прошло и миновалось, пора-бы и моимъ старымъ костямъ на покой!...

Ухмыревъ въ это самое время, ничего не подозрѣвая, что его ожидаетъ, былъ съ Авдотьей Егоровной на обѣдѣ у доктора. Вдругъ говорятъ городничій пріѣхалъ и спрашиваетъ его.

— Что такое?

— Князь, говоритъ тотъ, будетъ къ вамъ сегодня вечеромъ.

Алексѣй Сергѣичъ выпучилъ глаза.

— Какъ, когда? спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Сегодня вечеромъ, повторилъ городничій.

Алексѣй Сергѣичъ схватился за косякъ, чтобы не упасть.

— Какъ же это такъ? бормоталъ онъ, какъ-бы невѣря ушамъ своимъ.

— Да такъ, поѣзжайте домой! внушалъ ему городничій.

Алексѣй Сергѣичъ сколько лишь достало у него силы совладѣть съ собой, и прогнавъ съ лица малѣйшій оттѣнокъ удовольствія, возвратился въ залу и проговорилъ даже нѣсколько сердитымъ голосомъ:

— Сейчасъ ко мнѣ князь самъ напросился на вечеръ.

— Князь? спросили въ одинъ голосъ хозяинъ и нѣкоторые другіе мужчины.

— Да, надобно ѣхать домой — такая досада! произнесъ Ухмыревъ, маскируя отчаяннѣйшимъ об-

разомъ все, что́ происходило у него въ эти минуты въ душѣ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! какъ это́ возможно! совѣтовали ему хозяинъ и гости, не безъ зависти и очень хорошо, кажется, понимавшіе, на какомъ седьмомъ небѣ былъ теперь этотъ честолюбецъ.

Алексѣй Сергѣичъ вызвалъ Авдотью Егоровну и, шепнувъ нѣкоторымъ изъ гостей позначительнѣе, чтобъ къ нему пріѣзжали, отправился.

Обѣщаніе князя пріѣхать къ Ухмыреву совершенно разстроило именинный праздникъ доктора. Болѣе значительныя лица, приглашенныя Ухмыревымъ, передали это по секрету своимъ дражайшимъ половинамъ, изъ числа которыхъ нѣкоторымъ очень захотѣлось ѣхать вмѣстѣ съ супругами, но тѣ рѣшительно отказали имъ въ этомъ, на томъ основаніи, что вечеръ будетъ мужской. Но, какъ бы то ни было, всѣ они скоро уѣхали. Оставшіеся гости, недовольные Алексѣемъ Сергѣичемъ, были не въ духѣ, такъ что рѣшительно не могли составиться танцы, къ крайнему сожалѣнію Степана Гарасимыча, котораго Алексѣй Сергѣичъ тоже не позвалъ; но онъ, увидѣвъ, что всѣ гости разъѣзжаются, и что́ самъ хозяинъ думаетъ вечеромъ попозже оправиться къ Ухмыревымъ, не стѣснился этимъ и рѣшился тоже ѣхать туда.

Возвратясь домой, Алексѣй Сергѣичъ пришелъ въ ужасные хлопоты: во первыхъ, онъ велѣлъ снять чехлы со всей мебели и натереть полы воскомъ: у Авдотьи Егоровны взята была стклянка съ весьма дорогими духами, которыми и велѣно было лакею, какъ пріѣдетъ князь, курить. Съ поваромъ Ухмыревъ тоже очень долго совѣщался и ему низко-низко кланялся и просилъ его, Бога

ради, не испортить мороженаго. Очень также Алексѣя Сергѣича безпокоило, чтобы Вѣра Павловна вышла и это взялась устроить Авдотья Егоровна. Вѣра, впрочемъ, услышавъ о пріѣздѣ князя, объявила, что она непремѣнно выйдетъ. Избранные гости начали мало по малу собираться. Часу въ девятомъ карета князя подъѣхала къ крыльцу. Хозяинъ нѣкоторое время недоумѣвалъ, гдѣ ему встрѣтить гостя: въ лакейской или на лѣстницѣ. Авдотья Егоровна, по придварительному совѣщанію съ мужемъ, вышла на половину залы.

Князь сутуловатый, мрачный, во фракѣ съ двумя звѣздами и съ какимъ то спокойствіемъ и самоувѣренностію въ движеньяхъ, вошелъ.

Алексѣй Сергѣичъ запрыгалъ передъ нимъ собачкой на заднихъ лапкахъ.

— Позвольте мнѣ рекомендовать мою жену, ваше сіятельство! забормоталъ онъ.

— Честь имѣю представиться, сударыня. Я очень хорошо зналъ вашего брата и весьма обрадовался, услышавъ, что дочь его у васъ живетъ.

— Князь! вы такъ обязательны, жеманно начала Авдотья Егоровна.

Но Алексѣй Сергѣичъ ей мигнулъ, и она просила гостя въ гостиную.

— Наша племянница, князь, сказала она, указывая на Вѣру.

— Здравствуйте, Вѣра Павловна! сказалъ тотъ, протягивая дѣвушкѣ руку: — какъ вы выросли и еще болѣе похорошѣли; узнали ли вы меня? помните ли вы, какъ я часто у васъ бывалъ? Я душевно порадовался, услышавъ объ васъ.

— Я очень помню васъ, князь; у меня еще и до сихъ поръ есть книга, которую вы мнѣ пода-

рили, отвѣчала Вѣра съ пылающимъ отъ невольнаго стыда лицомъ.

Алексѣй Сергѣичъ и недоумѣвалъ, и былъ въ восторгѣ. Князь между тѣмъ сѣлъ на диванъ и усадивъ съ собой Вѣру, сталъ съ ней разговаривать объ отцѣ, его сочиненіяхъ, ученыхъ трудахъ, о томъ, что̀ она сама теперь читаетъ, рисуетъ ли, не оставила ли музыку, и т. п.

Авдотья Егоровна дѣлала всѣ возможныя усилія, чтобы участвовать въ ихъ разговорѣ; но ей никакъ это не удавалось.

Алексѣй Сергѣичъ рѣшительно не находился, какъ ему себя держать. По всѣмъ соображеніямъ, онъ бы, какъ глава въ домѣ, долженъ былъ занимать князя, и тотъ съ нимъ бы долженъ былъ говорить, а никакъ не съ Вѣрой; но князь въ продолженіе цѣлаго̀ вѣчера не удостоилъ его словомъ, а заставилъ стоять предъ собой истуканомъ, потому что отойти онъ не могъ, считая это, какъ хозяинъ, за невѣжливость, но вмѣшаться въ разговоръ тоже не было никакой возможности, потому что говорили о такихъ отвлеченныхъ предметахъ, о которыхъ Алексѣй Сергѣичъ даже во всю свою жизнь и не слыхивалъ. Князь, можетъ быть, проговорилъ бы цѣлый вечеръ съ Вѣрой Павловной и прервать его, конечно, никто бы не рѣшился, но это сдѣлалъ Степанъ Гарасимычъ. Молодой человѣкъ вошелъ, по обыкновенію, очень свободно, расшаркался передъ Авдотьей Егоровной и, увидавъ Вѣру, очень обрадовался: онъ не видалъ ее недѣли двѣ. Вѣра никогда при немъ не выходила. Не женируясь нисколько присутствіемъ князя, Степанъ Гарасимычъ подошелъ къ предмету своей любви, и усѣлся около него.

— Вы были больны? началъ онъ.

Вѣра улыбнулась; Алексѣй Сергѣичъ нахмурился; Авдотья Егоровна готова была упасть въ обморокъ.

— Вы были больны? повторилъ Сальниковъ.— Молодымъ дѣвицамъ стыдно хворать, прибавилъ онъ.

— Кто это такой? спросилъ князь Вѣру, по англійски.

— Дурачекъ одинъ—Сальниковъ.

Князь внимательно посмотрѣлъ на него..

— Я, ваше сіятельство, передъ вами виноватъ, адресовался вдругъ къ нему Степанъ Гарасимычъ: до сихъ поръ еще не явился къ вамъ...

Князь только осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, но ни слова ему не отвѣтилъ.

Степочка этимъ однако нисколько не сконфузился.

— Мы такъ давно не танцовали, отнесся онъ къ Вѣрѣ.

— А вамъ хочется? спросила та.

— Весьма желалъ бы.

— Танцуйте.

— Но я одинъ.

— Такъ чтожь; одни танцуйте; къ вамъ это очень будетъ идти.

— Позвольте принять ваши слова за насмѣшку; я не могу одинъ танцовать, это только простолюдины одни пляшутъ.

— Вы, можетъ быть, русскую умѣете?

— Да, конечно, я пляшу ее самоучкой; но въ обществѣ этотъ танецъ не принятъ.

— Ничего. Попляшите теперь.

— Madame! вы все шутите.

Какъ князь ни былъ серьезенъ, какъ ни непріятно, кажется, было ему, что Степочка подсѣлъ къ Вѣрѣ Павловнѣ, но на этомъ мѣстѣ онъ не удержался и усмѣхнулся; Вѣра тоже; она встала и ушла. Степочка адресовался было опять къ князю съ разговоромъ, но тотъ опять ни слова ему не отвѣтилъ. Алексѣй Сергѣичъ, какъ послѣ разсказывалъ, истерзался въ этотъ вечеръ. Сіятельный гость явно показывалъ, что онъ пріѣхалъ для одной Вѣры Павловны, потому что почти все говорилъ съ ней одной и частію съ Авдотьей Егоровной, но съ нимъ почти ни слова. Слабоумный Сальниковъ постоянно вмѣшивался въ разговоръ и постоянно вралъ; прочіе гости стояли, какъ деревянные чурбаны; мороженое тоже не удалось. Отъ ужина князь отказался.

—Для чего я убыточился? говорилъ послѣ Алексѣй Сергѣичъ.—Худо ли, хорошо ли, но все-таки пять десятъ серебромъ издержалъ; одного клико было четыре бутылки заморожено; наконецъ былъ подаваемъ въ четыре рубля серебромъ лафитъ... для здѣшнихъ-то господъ? какже! имъ въ сласть и полтинная мадера.

Подобнаго рода расчетливость Алексѣй Сергѣичъ обнаружилъ еще первый разъ въ жизнь свою, и обнаружилъ ее только подъ вліяніемъ сильнѣйшей досады на то, что именитый гость велъ себя въ его домѣ совершенно не такъ, какъ онъ желалъ и даже предполагалъ.

Передъ ужиномъ князь спросилъ Вѣру, кто такой Шамиловъ.

Дѣвушка, конечно, сконфузилась.

— Мнѣ его очень хвалили, продолжалъ старикъ:—я бы съ нимъ желалъ познакомиться. Онъ

вѣрно бываетъ у вашего дяди. Скажите ему, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ.

Вѣра молчаливымъ и сконфуженнымъ взглядомъ поблагодарила князя.

Уѣзжая, онъ взялъ съ Авдотьи Егоровны честное слово пріѣхать къ нему съ племянницею на цѣлый день. Алексѣя Сергѣича пригласилъ какъ-то онъ двусмысленно, а Степочкѣ даже не поклонился; со всѣми же другими гостями поговорилъ хотя немного, но ласково.

VI.

Въ послѣднее свиданіе Вѣра еще болѣе очаровала Степочку, потому что въ этотъ вечеръ была дѣйствительно очень интересна; но болѣе того: она говорила и шутила съ нимъ, чего прежде никогда не случалось. На другой день Сальниковъ рѣшился во что́ бы то ни стало добиться толку отъ Алексѣя Сергѣича, который съ нѣкотораго времени какъ-то отмалчивался и не говорилъ ничего опредѣлительно. Онъ отправился къ Ухмыреву еще довольно рано и засталъ того въ кабинетѣ за чаемъ, въ весьма дурномъ расположеніи духа отъ вчерашняго посѣщенія князя.

— Я къ вамъ, началъ Степанъ Гарасимычъ.

— А что́?

— Все насчетъ того.

Алексѣй Сергѣичъ покачалъ головой.

— Насчетъ того... все еще ничего.

— Какъ же это! мнѣ надобно къ маменькѣ писать.

— Напишите ей, что покуда еще ничего.

— А долго ли?
— Что́-съ?
— Ждать?
Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.
— Не знаю.
— Годъ, что́ ли?
— Не менѣе.
— Это долго: нельзя ли полгода?
— Нѣтъ, полгода мало.
— А годъ очень долго.
— Что́ дѣлать!

Вотъ все, что́ сказалъ Ухмыревъ, несмотря на то, что Степочка, по нецеремонности своей, дѣлалъ весьма прямые вопросы и даже спрашивалъ, наградитъ ли Алексѣй Сергѣичъ самъ чѣмъ нибудь Вѣру Павловну,—но и на это получилъ весьма двусмысленный отвѣтъ. Сколько я съ своей стороны понимаю Ухмырева, то онъ, принявъ первоначально въ дѣлѣ сватовства богатаго жениха такое живое участіе, въ настоящее время значительно ослабъ: во первыхъ, потому, что встрѣтилъ въ Вѣрѣ рѣшительный отпоръ, а во вторыхъ, и самъ лично былъ очень занятъ пріѣздомъ князя. Сальниковъ возвратился къ себѣ въ квартиру разстроенный: его очень пугалъ дальній срокъ, который назначилъ ему Алексѣй Сергѣичъ, тогда какъ онъ ощущалъ непреодолимое желаніе имѣть подругу жизни, отдавая, конечно, Вѣрѣ Павловнѣ въ этомъ случаѣ передъ всѣми другими дѣвицами преимущество. Усѣвшись и закуривъ трубку, онъ предался тихой грусти, а потомъ ему пожелалось излить свою душу передъ себѣ подобнымъ, и на этотъ предметъ позвана была Аксинья, на которую городская жизнь оказала за-

мѣтно большое вліяніе: съ лица ея прошелъ загаръ; являясь къ барину, она надѣвала свой ситцевый сарафанъ, и уже не бранилась съ Кузьмой но, напротивъ того, начала заступаться за него передъ господиномъ.

— Что́ прикажете? спросила она.

— Такъ, ничего! поговорить позвалъ, началъ Степочка грустнымъ голосомъ. Барышня-то... помнишь, о которой я тебѣ говорилъ, плохо...

— Что́ же, батюшка?

— Да такъ: проволочка одна только идетъ. На годъ теперь откладываютъ.

— Вишь ты какое дѣло, проговорила Аксинья, качая головою.

— Я вотъ теперь думаю, что они важничаютъ: у меня невѣстъ будетъ.

— Вѣстимо-съ, что́ объ этомъ безпокоиться: невѣсты будутъ.

— Имъ вотъ наградить не хочется: приданаго видно жаль; а мнѣ прахъ ихъ возьми, иное сказать. У меня у самого шестьсотъ душъ, за меня купчиха богатая пойдетъ, а не то что...

— Какъ вамъ тамъ, Степанъ Гарасимычъ, будетъ угодно, перебила Аксинья, а мы вотъ и съ Кузьмой переговаривали: имѣнья за этой барышней никакого нѣтъ; ихніе люди даже объ этомъ болтаютъ. Развѣ ужь она вамъ собой больно по нраву пришла, а ужь больше ничего нѣтъ-съ.

— Въ томъ-то и штука, что лицомъ понравилась, а имъ, небось, жаль награды, ну, такъ скажи: я бы ее безъ всего взялъ! Она прехорошенькая... ты видала ее?

—Нѣтъ-съ, не видала! Кучера ихняго Кузьма показывалъ, а барышню не видала.

Степанъ Гарасимычъ задумался.

— Осмѣлюсь я вамъ, батюшка, доложить, начала нѣсколько таинственнымъ тономъ Аксинья: не знаю, послушаетесь ли вы моего глупаго совѣта, а я бы вамъ сказала: ежели вамъ теперь насчетъ этой женитьбы оченно такъ желается, поворожитесь вы у одной здѣсь женщины; она отъ насъ, изъ Зеленцына; здѣсь теперь въ мѣщанствѣ приписана, безподобно угадываетъ и привораживаетъ отлично. Вы, я думаю, изволите знать у Веденея сына, что́ на богачихѣ терентьевской женатъ: ну такъ тоже въ началѣ никакъ ладу не было: ужь какъ доставалось ей, сердечной!... приворожила-съ: теперь не наглядится, въ Питеръ даже пересталъ ходить, все ему тошно по ней.

— А что́, и въ самомъ дѣлѣ! да не страшно ли? спросилъ Степочка.

— Ничего нѣтъ страшнаго. Сначала она, доложу вамъ, пива потребуетъ и погадаетъ на пивѣ, спрыснетъ, можетъ быть, потомъ васъ съ камешка, а тутъ и на вѣтеръ чего нибудь пуститъ... Только бы взялась, а дѣло сдѣлаетъ. Я ее, Степанъ Гарасимычъ, на себѣ испытала: тоже вотъ здѣсь съ маменькой вашей пріѣзжала, такъ полотенцы пропали у насъ,—съ разу отгадала: ни на кого, говоритъ, Аксиньюшка, и сомнѣнія не имѣй, какъ на бѣловолосаго парня... на Григорья покойника, изволите видѣть, намекала; въ тотъ же вечеръ у него, разбойника, въ сумкѣ и нашла-съ.

— Какъ же это сдѣлать?

— Она сюда придетъ.

— Сходи.

— Слушаю-съ.

— Теперь же сходи.

— Слушаю-съ.

— Да не дорого ли она возьметъ?

— Нѣтъ-съ, недорого: трехъ-гривенный, такъ за глаза будетъ довольно.

— Ну, ступай.

Аксинья отправилась.

Рѣшившись обратиться къ чародѣйству, Степанъ Гарасимычъ началъ чувствовать нѣкоторый страхъ. Надобно сказать, что герой мой искренно вѣрилъ во все то, что̀ разсказывалось по избамъ, и ради того часто ходилъ туда въ осенніе и зимніе вечера, и нарочно заставлялъ старухъ расказывать ему про «страшное.» Въ сказки онъ тоже почти безусловно вѣрилъ и нѣкоторые изъ нихъ даже самъ очень недурно разсказывалъ. Иванъ-Царевичъ, Царь-Дѣвица, Жаръ-Птица, Соловей-Разбойникъ были для него такія же несомнѣнныя историческія лица, какъ для насъ Кромвель, Ришльё и Фридрихъ Великій. Вовсе не бывъ трусомъ, онъ ни за что бы въ свѣтѣ не рѣшился, въ силу извѣстнаго повѣрья, ночевать въ банѣ.

Ворожея явилась въ сопровожденіи Аксиньи. Это была полная, краснолицая мѣщанка, съ плутоватымъ лицомъ, въ сарафанѣ и въ душегрѣйкѣ. При входѣ, первымъ ея дѣломъ было посмотрѣть, не натоптала ли она въ комнатѣ.

— Ты мнѣ погадаешь? началъ Степочка.

— Можно, отвѣчала она.

— Ну, а этакъ...

— Приворожить, Секлетея Дмитревна, надо, вмѣшалась Аксинья.

— Можно, отвѣчала Секлетея.

— Ну, ворожи, сказалъ Степочка.

— Денегъ, баринъ, напередъ дай; а тутъ ужь

и спрашивай. Я тебѣ скажу откровенно, колдунъ, что́ коновалъ: безъ денегъ ни ступитъ, ни шагнетъ,—по рублю ходитъ, на рублѣ сидитъ, на полтину глядитъ, за червонецъ говоритъ.

— А много ли тебѣ?

— Съ богатаго барина надобно брать больше! По началу, давай цѣлковый, а какъ дѣло будетъ на-мази, полтинникъ еще на чай.

У Степана Гарасимыча вытянулось лицо.

— Ну, этого много. За что́ же это?

— За твое благополучіе, баринъ, за твое единственное счастіе пойдутъ эти деньги. Не жалѣй серебра, коли хочешь жить въ золотѣ. Ты богатъ, уменъ и таланливъ; одно только у тебя есть: на деньгу ты больно крѣпонекъ! Не принесетъ тебѣ она счастья: весь свой вѣкъ ты промаешься, если такъ себя поведешь!

— Ну, да ты уступи что нибудь, вмѣшалась опять Аксинья.

— Не могу, голубушка, никакъ не могу. Кабы просто свадьба шла, можно; а тутъ другой человѣкъ дѣйствуетъ.

— Ну, на, возьми, пожалуй, сказалъ Степочка и, съ очень недовольною миною, вынувъ изъ кошелька цѣлковый, подалъ его Секлетеѣ Дмитревнѣ.

Та, получивъ деньги, потребовала бутылку пива, которую Аксинья уже купила. Выливъ всю ее въ полоскательную чашку, она начала смотрѣть внимательно на поверхность жидкости... Степочка и Аксинья замерли въ страхѣ, который еще болѣе усилился, когда Секлетея заговорила какимъ-то неестественнымъ голосомъ.

— Разступаются туманы, расходятся облака, дѣло на виду: между парнемъ и дѣвицей большая

рѣка: то не самая рѣка, а злой человѣкъ. Парень съ дѣвицей собрались въ одну дорогу, только вмѣстѣ ѣхать имъ нельзя. Высохни ты, рѣка! пропади ты, злой человѣкъ! я не высохну рѣка, не пропаду я, злой человѣкъ... Парню денегъ не надобно жалѣть: сыщетъ онъ гребцовъ, сыщетъ перевозчиковъ. Переѣдетъ онъ къ красной дѣвицѣ и поѣдутъ они въ одну дорогу, дорогу дальную... Ну, баринъ, разсмотрѣла я твое дѣло: трудное! Кабы знала, не взяла бы съ тебя я рубля серебромъ.

Проговоривъ эти слова, Секлетея Дмитревна выпила всю чашку.

— Ну, а какъ тамъ-то, потомъ-то что́ же? спросилъ Степочка.

— Ты, Секлетея Дмитревна, о барышнѣ что нибудь скажи, проговорила Аксинья.

— Я, Аксиньюшка, все свое сказала, отвѣчала та: а тамъ, какъ знаете, такъ и дѣлайте.

— Нѣтъ, ужь ты скажи появственнѣе: ты вѣдь все знаешь, просила Аксинья.

— Знаю-то, конечно, что знаю, но за другое-то, милушка, и плата другая идетъ по нашему ремеслу, возразила Секлетея.

— Да что́ ты тутъ все о платѣ толкуешь! тебѣ видно денегъ только выманить хочется! замѣтилъ Степочка.

— Нѣтъ, баринъ, ты этого не говори: не обижай меня; приворотъ я тебѣ, пожалуй, дамъ, но только онъ тутъ недѣйствителенъ.

— Ты ужь тамъ какъ хочешь, Секлетея Дмитревна, а на вѣтеръ пусти, проговорила Аксинья.

— На вѣтеръ пустить—дѣло неважное, да невѣрно: вѣтеръ—вѣтеръ и есть! Я тутъ другое

сдѣлаю: вотъ тебѣ, баринъ, крючочекъ, сказала Секлетея Дмитревна и вынула изъ кармана косточку, которая очень походила на щучью челюсть. Зацѣпи ты этимъ крючкомъ свою голубушку и держи ты ее ровно часъ и все гляди на востокъ: продержишь—дѣло сдѣлается, не продержишь—самъ виноватъ; и достань ты послѣ этого изъ подъ ея слѣда земли и усыпли ты той землей отъ ея свѣтлицы до своихъ покоевъ всю дороженьку. Возгруститъ она о тебѣ пуще, чѣмъ по отцѣ и по матери, и придетъ она сама къ тебѣ вольной неволею. Ну, а больше говорить ничего не могу; какъ хотите, такъ и судите.

— А какже ты, Аксинья, говорила, что она меня съ камешка умоетъ! произнесъ Степанъ Гарасимычъ.

— Умой его, Секлетея Дмитревна, съ камешка: это помогаетъ, отнеслась Аксинья къ ворожеѣ.

— Помогать-то, конечно, оно помогаетъ, отвѣчала та:—да только дѣло это не такое: кабы съ чьей нибудь стороны оговоръ былъ, такъ такъ; а тутъ оговора никакого нѣтъ: въ деньгахъ тутъ сумнѣваются, прямо вамъ скажу.

— Полно, матушка, умой,—все лучше.

— Эхе, хе, хе, благодѣтели мои, не подъ стать бы мнѣ за этакую цѣну всего мастерства своего показывать... люди-то только вы хорошіе, дѣлать нечего... Давай воды.

Вода была подана въ той же чашкѣ. Секлетея Дмитревна вынула изъ кармана два дикіе кругляка, пошептала что-то надъ ними, и, положивъ ихъ въ воду, еще пошептала, а потомъ, поставивъ Степана Гарасимыча лицомъ къ западу, начала его умывать своею рукою, какъ обыкновенно умываютъ

маленькихъ дѣтей няньки; набрала за тѣмъ себѣ въ ротъ воды и спрыснула его три раза и крѣпко наказала, чтобы онъ не утирался и даже три дни не умывался никакой другой водой.

Между тѣмъ Вѣра Павловна была подъ вліяніемъ совершенно иныхъ чаръ. Она цѣлое утро думала о Шамиловѣ и въ полдень отправила къ нему письмо. «Вчера у дяди былъ князь Сецкій. Онъ прежде «былъ очень друженъ съ папенькой и распраши-«валъ меня объ васъ и потомъ сказалъ мнѣ, что «желалъ бы съ вами познакомиться. Поѣзжайте къ «нему сегодня же: онъ очень можетъ быть поле-«зенъ для насъ.»

Подобнаго рода вниманіе со стороны князя, кажется весьма польстило самолюбію Шамилова; онъ тотчасъ же одѣлся въ лучшій свой фракъ и отправился.

Князь былъ одинъ. Шамиловъ отрекомендовался; старикъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и, по видимому, остался доволенъ наружностью молодаго человѣка.

— Мнѣ очень пріятно, что вы посѣтили меня, сказалъ онъ, указывая гостю на ближайшій стулъ.

— Я слишкомъ высоко цѣню вниманіе вашего сіятельства, началъ Шамиловъ.

— Мое вниманіе, перебилъ князь: — проистекаетъ изъ тѣхъ причинъ, которыхъ вы, вѣроятно, въ настоящую минуту и не подозрѣваете... Вы служите гдѣ нибудь?

— Нѣтъ-съ, я еще учусь и готовлюсь на степень кандидата.

— А вы были въ Университетѣ?

— Былъ.

— Отчего же вы тамъ не получили этой степени?

Шамиловъ немного смѣшался.

— Вѣроятно, лѣнились, прибавилъ князь, съ улыбкою.

— Отчасти лѣнился, но главное: учился не тому, чему бы слѣдовало, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— На какомъ же вы были факультетѣ?

— На словесномъ, но на второмъ курсѣ увлекся энциклопедіей правовѣдѣнія и получилъ изъ статистики единицу: меня не перевели, а я, вмѣсто того, чтобы исправиться, пристрастился къ математикѣ, и въ одинъ годъ прошелъ весь курсъ; потомъ.... .

— Потомъ васъ опять не перевели и вы вышли: это не хорошо.

— Болѣе чѣмъ нехорошо, князь! я слишкомъ наказанъ за мои ошибки... что̀ дѣлать! Для меня всѣ науки были такъ увлекательны, что я никакъ не могъ сосредоточиться на исключительномъ занятіи опредѣлеными предметами. Спеціальность дается въ позднѣйшихъ лѣтахъ и достигается усиленнымъ трудомъ.

— На чѣмъ же вы теперь покрайней мѣрѣ сосредоточились?

— Теперь я занимаюсь своимъ факультетомъ и покуда готовлюсь къ экзамену.

— А дальнѣйшая ваша цѣль какая?

— Быть ученымъ!

Старикъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка внимательно.

— Не привязываетъ ли васъ здѣсь что нибудь? проговорилъ онъ.

Шамиловъ вспыхнулъ, но, впрочемъ отвѣчалъ довольно бойко:

— Во имя здѣшней привязанности, ваше сіятельство, я и желалъ бы трудиться. Личныя мои желанія умѣренны: сотня новыхъ книгъ въ годъ— и я буду счастливъ.

Старикъ опять посмотрѣлъ на него пристально.

— Вы мнѣ нравитесь, началъ онъ, нахмуривая брови, и совѣтую вамъ не чуждаться меня: я могу быть вамъ полезенъ и имѣю особыя причины, по которымъ желаю принять живое участіе въ вашей судьбѣ. Говорятъ, вы очень бѣдны?

— Бѣденъ, князь, отвѣчалъ Шамиловъ съ благородствомъ.

— Есть ли у васъ книги, всѣ, какія вамъ нужны по вашимъ занятіямъ?

— Книги у меня всѣ есть.

Князь задумался.

— Мнѣ все досадно, отчего вы не вышли кандидатомъ! началъ онъ:—теперь ужь вамъ немножко поздно на это готовиться; надобно бы что нибудь другое дѣлать. Вы, вѣроятно, прежде шалили, мотали? У васъ чрезвычайно подвижная натура.

— Мотать, князь, я не могъ, потому что мотать мнѣ было нечего; но я постоянно увлекался то тѣмъ, то другимъ. Я былъ меломаномъ, театраломъ, считалъ самого себя за великаго актера и потому изучалъ Шекспира.

Князь улыбнулся.

— Основательно ли вы учены; знаете ли вы языки, спросилъ онъ?

— Учености моей я опредѣлить не могу, но съ языками знакомъ. Я знаю латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій и англійскій.

— Хорошо, очень хорошо.

— Послѣднее время, началъ Шамиловъ:—я

много занимался греческимъ языкомъ, и меня теперь мучитъ желаніе написать греческую драму.

— Это что еще такое?

— Въ настоящее время, князь, я не могу вамъ сказать ничего, потому что самъ еще не убѣжденъ въ достоинствѣ моего труда.

— Ну нѣтъ, покуда вы всѣ эти драмы оставьте, а займитесь вашимъ факультетомъ и окончательно пристройтесь.

За тѣмъ слѣдовала бесѣда, некасающаяся непосредственно моего разсказа. Князь оставилъ Шамилова обѣдать.

Разговоръ переходилъ между ними съ предмета на предметъ. Старикъ, кажется, испытывалъ молодого человѣка: онъ то заговаривалъ съ нимъ по-англійски, то вдругъ останавливался на какомъ нибудь историческомъ событіи и просилъ ему напомнить подробности этого происшествія. Молодой человѣкъ отвѣчалъ довольно ловко и только въ англійскомъ языкѣ очень затруднился.

— У васъ по преимуществу развита діалектика, сказалъ князь: — но по-англійски вы говорите плохо, вы не знаете этого языка. Извините, что я говорю вамъ прямо.

— Я давно, князь, оставилъ этотъ языкъ, особенно въ послѣднее время...

Перехожу однако къ другимъ лицамъ моего романа.

Авдотья Егоровна предполагала было ѣхать къ князю съ Вѣрою черезъ два дни и думала, что Алексѣй Сергѣичъ тоже поѣдетъ съ ними, но только что заговорила ему объ этомъ, какъ онъ надулся, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— А ты, cher Alexis, поѣдешь? спросила добрая дама, нетвердымъ голосомъ.

*

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же, cher ami? князь былъ такъ внимателенъ къ намъ.

Алексѣй Сергѣичъ насмѣшливо улыбнулся.

— Поѣзжайте, а меня ужь онъ подождетъ: мнѣ самому пятьдесятъ лѣтъ! отвѣчалъ Ухмыревъ и ушелъ въ другую комнату.

Авдотья Егоровна поняла, что мужъ ея недоволенъ княземъ, и въ душѣ своей соглашалась, что тотъ велъ себя не совсѣмъ деликатно съ Алексѣемъ Сергѣичемъ.

— Тебѣ, Alexis, можетъ быть, непріятно, что и я поѣду?

— Это ваша воля.

— Я не поѣду!

— Кажется бы такъ слѣдовало.

— Но какже Вѣра?

— Пускай ѣдетъ одна: не съѣдятъ.

— Но она этимъ огорчится.

— Не безпокойтесь: не огорчится! мы-то желаемъ быть съ ней, а она думаетъ, какъ бы дальше отъ насъ.

— Я не поѣду, отвѣтила Авдотья Егоровна и дѣйствительно не поѣхала.

Сославшись на головную боль, она уговорила Вѣру ѣхать одну.

Князь встрѣтилъ молодую дѣвушку очень радушно.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть автора недавно полученнаго мною письма, проговорилъ онъ.

Вѣра очень сконфузилась и едва имѣла силы проговорить: да, князь!

— Я видѣлъ *его* вчера; продолжалъ онъ, неспуская съ нее пристальнаго взгляда, онъ мнѣ понравился, молодъ еще очень, но со способностями...

— Я рада, что онъ вамъ понравился... проговорила наконецъ Вѣра.

Лицо ея уже окончательно горѣло и голосъ дрожалъ.

— Отъ чего-же онъ вашимъ роднымъ не нравится? спрашивалъ князь.

— Дядя и тетка, начала Вѣра: — смотрятъ на жизнь иначе: они полагаютъ, что все счастіе женщины состоитъ въ деньгахъ.

— Ну, а вы какъ думаете, въ чемъ состоитъ счастіе?

— Въ любви и уваженіи мужа.

— А жить чѣмъ же?

— Трудами.

— А дѣти будутъ?

— Надобно трудиться больше.

— Стало быть, вы непремѣнно рѣшились выйти за этого молодаго человѣка?

— Непремѣнно, князь.

— Но у него еще званія никакого нѣтъ, онъ даже чина не имѣетъ.

— Пусть получитъ чинъ и званіе, я буду дожидаться.

— Этого онъ не скоро можетъ достигнуть.

— Хоть бы всю жизнь.

— И вы все будете его любить?

— Или его, или никого.

— Браво! сказалъ князь: — вы говорите смѣло, выдержите ли только?

Далѣе разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Вѣра разговорилась: подробно разсказала о своей жизни у дяди и тетки, разсказала также и о Степочкѣ, который князю очень не понравился. Она не скрыла даже и того, что Алексѣй Сергѣичъ,

не получившій отъ князя исключительнаго вниманія, очень обижается и огорчается этимъ...

— Онъ такой мелкой человѣкъ, заключила она, что ежели вы вотъ теперь... такъ какъ вы сенаторъ и князь, хоть слово ему скажете, онъ все сдѣлаетъ по вашему; поговорите ему князь обо мнѣ и объ Шамиловѣ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Извольте, для васъ приласкаюсь къ нему! Поѣдетъ ли только онъ теперь ко мнѣ?

— Не знаю, князь: онъ думаетъ, что не нравится вамъ.

— А если я ему напишу поласковѣе письмецо?

— Въ такомъ случаѣ сейчасъ пріѣдетъ.

— Вы думаете?

— Даже увѣрена.

— Я сейчасъ же напишу; вы ему и отдайте.

Проговоря эти слова, князь спросилъ себѣ бумаги и тутъ же написалъ къ Алексѣю Сергѣичу письмо, которое прочиталъ предварительно Вѣрѣ. «Почтеннѣйшій Алексѣй Сергѣичъ! писалъ онъ, я желаю и имѣю надобность съ вами видѣться и переговорить объ обоюдно для насъ интересномъ дѣлѣ. Будьте столь добры, посѣтите меня, и извините великодушно старика, что не ѣду самъ къ вамъ, а васъ безпокою. Мнѣ все не здоровится. Остаюсь въ ожиданіи пріятнаго свиданія съ вами.

К. Сецкій.»

«P. S. Я весьма сожалѣю, что вы и ваша супруга не пожаловали сегодня вмѣстѣ съ вашею племянницею.»

Записка эта произвела на Алексѣя Сергѣича сильное впечатлѣніе, и на этотъ разъ онъ ужь не

въ состояніи былъ скрыть овладѣвшаго имъ чувства удовольствія.

— Князь видно, что умный и добрый человѣкъ, но странный! по наружному обращенію никакъ нельзя этого догадаться, говорилъ онъ Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Я тебя увѣряла, что онъ добрѣйшій человѣкъ, возразила Авдотья Егоровна.

— Согласенъ; но зачѣмъ же маску носить? съ нимъ можно одурачиться! Не получи я этого письма, я былъ бы въ дуракахъ: я бы думалъ Богъ знаетъ что́; мнѣ и въ голову бы не пришло, что онъ будетъ жалѣть, что мы не пріѣдемъ.

— А я напротивъ: я прежде это знала, замѣтила Авдотья Егоровна.

— Я рѣшительно не зналъ; я думалъ, что пройдетъ это такъ: онъ и не замѣтитъ. Вотъ мое правило и хорошо: вездѣ дать свой тонъ... теперь онъ и видитъ, что я заискивать не люблю. По настоящему я сегодня же долженъ бы былъ ѣхать къ нему, да поздно, завтра ужь утромъ пораньше.

На другой день Ухмыревъ поѣхалъ къ князю въ полномъ смыслѣ бариномъ: цугомъ, въ щегольской коляскѣ на лежачихъ рессорахъ. У него вообще выѣздъ былъ отличный. На себя онъ надѣлъ ильковую шубу въ тысячу рублей серебромъ, купленную собственно для произведенія эффекта, и ужасно разбранилъ лакея, одѣвшагося въ старую ливрею. Усѣвшись въ экипажъ, онъ развалился.

— Извините меня, Алексѣй Сергѣичъ, заговорилъ князь, послѣ обычныхъ привѣтствій: что я васъ обезпокоилъ. Мы имѣемъ съ вами общее дѣло, которое близко моему и вѣроятно вашему сердцу.

— Я почту, ваше сіятельство, за счастіе... началъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Вы ужь знаете, продолжалъ старикъ, прерывая его: — что племянница ваша дочь моего друга: въ судьбѣ ея я бы желалъ принять самое живое участіе.

— По своимъ родственнымъ чувствамъ, сколько могу... началъ было опять Ухмыревъ, но хозяинъ снова перебилъ его.

— Обязанность родственника вы исполняете добросовѣстно; это я слышалъ отъ нея и отъ прочихъ, и это дѣлаетъ вамъ честь; но мнѣ кажется, что надобно подумать, какъ бы упрочить и дальнѣйшую судьбу ея. Она бѣдна, старикъ ей вѣрно ничего не оставилъ. Передъ смертью обстоятельства его были очень разстроены, это я вѣрно знаю.

— Если позволите сказать мнѣ съ моей стороны, то я имѣю состояніе, это все равно: она взята нами за дочь, проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ и остановился; но князь молчалъ. Она наслѣдница всего нашего состоянія, прибавилъ Алексѣй Сергѣичъ нѣсколько страннымъ голосомъ.

— Если это такъ, то вы, вѣроятно, не стѣснитесь, если бы выискался для нея женихъ, который бы ей нравился, но который былъ бы не богатъ.

Алексѣй Сергѣичъ замялся.

— По нашимъ чувствамъ, мы бы желали, чтобъ то и другое было... пробормоталъ онъ.

— Но если того и другого нѣтъ, такъ тутъ какъ?

Ухмыревъ пожалъ плечами.

— Будемте говорить откровенно, началъ князь.— Во первыхъ, Вѣру пора выдать замужъ: ей ужь 25 лѣтъ; и я слышалъ, что у нея теперь есть два жениха: одинъ богатый, который нравится вамъ,

а другой бѣдный, по-сердцу ей; и я полагаю, что послѣднему надобно отдать преимущество.

— Я не смѣю съ вами спорить, ваше сіятельство, но скажу, какъ дядя, что партія эта безвыгодна.

— Но если ужь ваша племянница полюбила его? если ужь она сама себѣ сказала, что хочетъ быть женой его, а не другаго, тутъ какъ дѣлать?

— Молодыя дѣвушки, по своей неопытности... Она сама, можетъ быть, на этотъ предметъ взглянетъ иначе. Любовь пройдетъ, и тогда...

— Нѣтъ-съ, это не такъ, перебилъ князь: — мнѣ кажется, что Вѣра Павловна одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не въ состояніи дешево промѣнять свои привязанности. Вы ошибаетесь въ ея сердцѣ. Она мнѣ здѣсь, на этомъ стулѣ, на которомъ сидите вы, говорила: «если мои родные будутъ противодѣйствовать этому браку, я ихъ не послушаюсь и выйду замужъ, хоть бы мнѣ въ этомъ случаѣ угрожала даже бѣдность.»

— Я дядя, а не отецъ: я могу только совѣтовать. Молодой человѣкъ— пустой.

— Это ужь вы слишкомъ сказали! онъ только молодъ. Я на вашемъ мѣстѣ не противился бы прямо этому браку, но посовѣтовалъ бы молодому человѣку получить предполагаемую имъ степень кандидата, вступить въ службу, а потомъ бы и обвѣнчалъ ихъ.

— Съ своей стороны, ваше сіятельство, я совершенно согласенъ. Для меня нужно только ея счастіе, отвѣчалъ, пожимая плечами Алексѣй Сергѣичъ. — Я самъ бѣднякомъ женился, и жена моя счастлива.

— Ну, вотъ видите! стало быть примѣръ подъ руками: что́ же васъ затрудняетъ?

— Я желалъ бы только партію болѣе выгодную.

— Ну, а если ея нѣтъ?

— Я согласенъ, и по душѣ своей говорю: дай Богъ ей счастія. Я даже, ваше сіятельство, свое состояніе готовъ съ ней раздѣлить. Мы съ женой бездѣтны: намъ немного надо, — мы съ собой въ могилу не возьмемъ. Намъ только теперь надо думать, чтобы тамъ, впереди, устроить себѣ мѣсто.

При послѣднихъ словахъ Алексѣй Сергѣичъ такъ расчувствовался, что на глазахъ его даже навернулись слезы.

Пробывъ у князя еще часа три, онъ уѣхалъ совершенно очарованный его вниманіемъ и ласкою, и только сѣвъ въ коляску и получивъ нѣсколько толчковъ, вспомнилъ одно обстоятельство, которое заставило его призадуматься и, можно сказать, отравило эту счастливую минуту жизни. Выдать Вѣру за Шамилова онъ былъ готовъ, хотя это и противорѣчило его убѣжденіямъ, но, умилившись въ разговорѣ съ княземъ, онъ проговорился, что готовъ отдать Вѣрѣ половину своего состоянія въ приданое. Исполнить же это на дѣлѣ, по многимъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы узнаемъ впослѣдствіи, было для него весьма затруднительно. Онъ, впрочемъ, заѣхалъ къ Шамилову, котораго не засталъ дома, и велѣлъ ему передать приглашеніе посѣтить его вечеромъ. Возвратясь домой, онъ передалъ весь разговоръ съ княземъ Авдотьѣ Егоровнѣ. Добрая дама первоначально очень обрадовалась, узнавъ, что Алексѣй Сергѣичъ перемѣнилъ свои намѣренія касательно замужства Вѣры, но статья о приданомъ и ее нѣсколько обезпокоила, и она посмотрѣла на мужа съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Но какъ же это, другъ мой, возможно ли намъ это сдѣлать? замѣтила она.

Алексѣй Сергѣичъ вздохнулъ.

— Проговорился, что́ дѣлать! Обольстилъ ужь очень, старая лисица. Придумать не могу, какъ бы отдѣлаться... Иваньково—нельзя! совсѣмъ безъ хлѣба будешь, да и закладная... произнесъ Ухмыревъ и опять вздохнулъ.

— Иваньково невозможно, душа моя.

— Да, вотъ оно роденька-то,—хлопочи съ ними, обрывай себя,—хуже собственныхъ дѣтей!

Авдотья Егоровна взглянула на мужа нѣжно.

— Мнѣ не жаль-съ, возразилъ Алексѣй Сергѣичъ: — мнѣ даже для себя было бы пріятно это сдѣлать... саратовскую деревню развѣ отдать: третій годъ ужь ничего не получаемъ.

— Конечно, саратовскую удобнѣе всего, подтвердила Авдотья Егоровна.

Переговоривъ такимъ образомъ съ женою, Ухмыревъ до самаго вечера сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и о чемъ-то размышлялъ.

Шамиловъ, несмотря на сильный дождикъ, явился вечеромъ. Хозяева, по обыкновенію, играли въ карты. Степанъ Гарасимычъ присылалъ было своего мальчишку просить Алексѣя Сергѣича прислать за нимъ экипажъ, потому что очень желаетъ быть у нихъ, но, по случаю дурной погоды, пѣшкомъ придти было невозможно, собственные же дрожки изломались. Дрожки не то, что сломались, а они, по просту, совершенно развалились, вслѣдствіе того, что Кузьма подъ сердитую минуту не пожалѣлъ рыжки, что есть духу проѣхалъ на нихъ по мостовой и сразу покончилъ ихъ существованіе. Призванный на другой день кузнецъ

не взялся даже починить экипажъ и совѣтовалъ отдать его въ ломъ.

Алексѣй Сергѣичъ поступилъ въ этотъ разъ съ Сальниковымъ совершенно неделикатно. Онъ велѣлъ ему сказать, что прислать за нимъ не можетъ, потому что у него лошади раскованы. Однимъ словомъ, ходъ моего романа съ этого дня измѣнился совершенно. Шамиловъ цѣлый вечеръ просидѣлъ съ Вѣрою въ наугольной комнатѣ, почти вдвоемъ; къ нимъ только по временамъ ходили Авдотья Егоровна и Алексѣй Сергѣичъ, и оба, особенно первая, смотрѣли на молодыхъ людей съ какою-то родительскою нѣжностью. Ухмыревъ простеръ свое вниманіе къ Шамилову до того, что выслушалъ съ любопытствомъ и съ довольно глубокомысленнымъ видомъ, когда тотъ разсказывалъ процессъ M-me Лафаржъ.

О чемъ говорили молодые люди, оставаясь наединѣ, передать трудно: рѣчи ихъ были совершенная безкладица, такъ что въ печати онѣ потеряли бы всякій смыслъ. Но при всемъ томъ они, право, были счастливы. Въ разговорахъ ихъ князь являлся какимъ-то добрымъ, могущественнымъ геніемъ, готовымъ и способнымъ сдѣлать все для ихъ счастія, а Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна—добрыми и идиллическими существами. Но впрочемъ, яснѣе и понятнѣе всякихъ словъ говорило задушевное выраженіе ихъ молодыхъ лицъ, Вѣра, кажется, была въ такой мѣрѣ преисполнена внутреннимъ счастіемъ, что у ней даже захватывало дываніе... Боже мой! сколько нѣжности, сколько чувства выражали ея прекрасные глаза! Что касается до Шамилова, то онъ не умолкалъ: перспектива будущаго счастія была имъ нарисована

съ величайшими подробностями: любовь, науки, искусства, труды, избранный кружокъ добрыхъ и умныхъ друзей и даже деньги, — ничто не было забыто, и все это какъ будто бы ужь было у него подъ руками.

VII.

На другой день Вѣра получила отъ князя письмо, въ которомъ онъ буквально передавалъ ей разговоръ съ Ухмыревымъ. Первымъ дѣломъ молодой дѣвушки было идти къ дядѣ, который въ это время сидѣлъ у себя въ кабинетѣ.

— Вы, дядя, вчера говорили съ княземъ? начала она,—но продолжать была не въ состояніи: слезы захватывали у нея дыханіе, и она бросилась ему на шею.

Алексѣй Сергѣичъ съ большимъ чувствомъ прижалъ ее къ своей старческой груди и самъ прослезился.

— Кто вамъ это сказалъ? говорилъ онъ, утирая слезы.

— Я отъ князя получила письмо.

— Что́жь онъ пишетъ?

— Онъ обо всемъ мнѣ пишетъ, отвѣчала Вѣра.—Я, дядя, предъ вами виновата: я не думала, что вы меня такъ любите! Простите меня! прибавила она и снова его обняла.

— Вы не такъ меня понимали: это отъ того-съ. Мнѣ нужно только ваше счастіе, а больше ничего. Мнѣ очень пріятно, что князь принимаетъ въ этомъ участіе. Теперь онъ понялъ меня,— доволенъ ли онъ мной? Замѣтно ли это изъ письма, что̀ онъ мной доволенъ?

— Доволенъ, дядя.

— Я это знаю. Сходите къ теткѣ и приласкайтесь къ ней, но только безъ слезъ, а то у нея, знаете, опять, пожалуй, истерика.

Вѣра повиновалась: вошла къ теткѣ съ веселымъ видомъ и обняла ее; но слезы невольно показались на глазахъ. Добрая M-me Ухмырева, конечно, была не въ состояніи перенести равнодушно этой сцены и тотчасъ же впала въ сильнѣйшую истерику; но это была, какъ она сама послѣ говорила, самая пріятная въ жизни ея истерика. Когда всѣ болѣе или менѣе успокоились, Алексѣй Сергѣичъ приступилъ къ дѣлу, и изъ послѣдующаго разговора мы увидимъ, что онъ рѣшился дѣйствовать совершенно согласно желаніямъ князя.

— Теперь-съ я буду говорить, началъ онъ:— вы, Вѣра Павловна, влюблены.... прекрасно! слово дать можно; но у него еще службы нѣтъ: ему надобно службу найти, а тамъ и обвѣнчаетесь,— я говорю прямо.... я не могу говорить пристрастно.

— Онъ получитъ службу, отвѣчала Вѣра.

— Какую же? спросила Авдотья Егоровна.

— Онъ сначала, ma tante, выдержитъ экзаменъ на кандидата, а тутъ и должность получитъ.

— Да вѣдь надобно, душа моя, чтобы онъ хорошую получилъ должность, замѣтила Авдотья Егоровна.

— Тутъ не то, перебилъ Алексѣй Сергѣичъ:— я тутъ другіе виды имѣю: тутъ князь важенъ.

— Конечно, князь много можетъ сдѣлать, подтвердила Авдотья Егоровна.

— Не много, а все: онъ въ недѣлю въ люди

выведетъ. Я теперь думаю не о томъ, а какъ намъ дѣйствовать.

— Теперь онъ покуда будетъ здѣсь готовиться къ экзамену, сказала Вѣра.

— Я не то говорю: онъ будетъ здѣсь жить.... такъ ли? Что́ же онъ: женихъ вашъ, или нѣтъ? Положимъ, между собой слово дадимъ, скажемъ объ этомъ князю; ну, а прочіе-то? можемъ ли мы прочимъ объявлять? У меня изъ головы вонъ вышло спросить объ этомъ старика. Я теперь рѣшительно не знаю, какъ онъ на это обстоятельство смотритъ. Такъ?

— Не знаю, дядя, какъ хотите, отвѣчала Вѣра.

— Я хочу какъ лучше и приличнѣе. Если скрывать, то можетъ произойти вопросъ: какъ, и что̀, и зачѣмъ?

— Зачѣмъ же, mon ange, скрывать? вмѣшалась Авдотья Егоровна.

— Затѣмъ, что я теперь не знаю, какъ князь объ этомъ думаетъ? Я бью на то, чтобы и предложеніе-то шло черезъ князя; мы бы дали слово, а потомъ я сдѣлаю балъ, — да на балѣ всѣмъ и объявить. Вотъ это было бы прилично и съ тономъ: тутъ бы всѣ увидѣли, какой человѣкъ принимаетъ въ этомъ участіе, и этихъ бы шиканьевъ и шептаньевъ не было.... Правильно ли я говорю, такъ ли?

— Да какже это сдѣлать, дядя?

— Сдѣлать легко-съ. Пусть онъ ѣдетъ къ князю, скажетъ такъ и такъ, всѣ свои намѣренія, а тотъ мнѣ письменно передастъ ихъ съ своимъ мнѣніемъ, которое необходимо и которое дастъ всему другой видъ.

— Конечно, участіе князя необходимо, подтвердила Авдотья Егоровна,

Такъ улаживалъ дѣло Алексѣй Сергѣичъ. Шамиловъ цѣлое утро былъ очень занятъ: онъ начиналъ переводить Тацита, вѣроятно, съ цѣлію перевести его всего и издать въ свѣтъ; по крайней мѣрѣ я вправѣ это заключить изъ того, что на первомъ листѣ было написано заглавіе, а на второмъ посвященіе, въ такомъ родѣ:

Князь!

Приношу вамъ трудъ мой. Онъ далеко, по своему исполненію, не соотвѣтствуетъ ни вашему ученому и образованному уму, ни личнымъ надеждамъ переводчика, желавшаго выразить въ немъ хоть сколько нибудь то глубокое уваженіе, которымъ онъ исполненъ къ вамъ.

Имѣю честь пребыть
вашего сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Петръ Шамиловъ.

На второй страницѣ своего вновь начатого труда Петръ Александрычъ остановился.

— Какъ мертва и трудна это латинщина, ужасъ! никакого терпѣнія нѣтъ, произнесъ онъ, вставая, съ досадою:—и вообще переводить утомительная работа. То ли дѣло самому создавать!

Соскучившись переводить Тацита, Шамиловъ нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, потомъ сбирался было къ Ухмыреву, но, вспомнивъ, что онъ Вѣрѣ Павловнѣ сказалъ, что все утро будетъ заниматься и придетъ вечеромъ, не поѣхалъ туда и снова рѣшился заниматься, избравъ на этотъ разъ статистику и давъ себѣ слово, во что бы ни

стало, выучить два отдѣла, и, можетъ быть, дѣйствительно выучилъ бы, но пріѣхалъ уланъ!

— Bon jour, сказалъ тотъ, входя.

Шамиловъ дружески протянулъ ему руку. Весьма было замѣтно, что онъ обрадовался пріѣзду гостя, оторвавшаго его отъ скучной статистики.

— Что́ новаго? спросилъ онъ.

— Ничего: все это время я умиралъ въ своемъ нумерѣ со скуки; вы тоже все дома: васъ нигдѣ не видать. Отчего вы не бываете у Ухмыревыхъ?

— Все это время я былъ очень занятъ; но теперь буду тамъ чаще: поотдѣлался немного.

— Что́ же это вы такое дѣлали?

— Многое читалъ, писалъ.

Разговоръ продолжался нѣсколько времени въ томъ же тонѣ. Карелину сдѣлалось скучно.

— Знаете ли что́? поѣдемте къ Степочкѣ: онъ сегодня именинникъ—и скрываетъ.

— Вы почему знаете?

— Мнѣ торговка сказывала — препочтеннѣйшая женщина—шляется ко мнѣ каждое утро и доставляетъ разныя развлеченія. Она ходила его поздравлять, и онъ ей далъ три гроша на водку. Поѣдемте!

— Что́жь мы станемъ у него дѣлать?

— Время превосходно проведемъ, за это я берусь; захватимъ, съ собою и доктора и заставимъ хозяина купить вина: онъ ужасно скупъ: будетъ сначала терзаться, а тутъ и его самого напоимъ и заставимъ буянить,—онъ отлично буянитъ: какъ-то разъ я столкнулъ его съ моимъ нумерщикомъ: такую драку подняли, хоть водой разливать. Partons!

— Нѣтъ, не хочется; что́ съ нимъ дурачиться!

Посидите у меня.... Лучше поговоримъ о чемъ нибудь.

— Да что́—поговоримъ! говорить не о чемъ.... сбирайтесь!

Шамиловъ еще отговаривался нѣкоторое время; но Карелинъ настоялъ на своемъ: онъ заставилъ его одѣться и, для спѣшности, самъ подавалъ ему умываться.

Степочка дѣйствительно былъ именинникъ; но этотъ знаменательный для каждаго день онъ проводилъ непріятно—по многимъ причинамъ: дѣло касательно сватовства къ Вѣрѣ Павловнѣ рѣшительно не подвигалось; онъ даже не имѣлъ случая, въ продолженіе цѣлой недѣли, употребить магическаго крючка, потому что, бывая у Алексѣя Сергѣича постоянно каждый день, онъ почти не видалъ Вѣру. Не смотря на свое простодушіе, онъ началъ догадываться, что Ухмыревъ и Авдотья Егоровна къ нему рѣшительно перемѣнились: они очень мало говорили съ нимъ, часто уходили въ дальнія комнаты и оставляли его одного. Возвращаясь домой, молодой человѣкъ до того впадалъ въ грусть и тоску, что даже плакалъ. На день именинъ своихъ Степанъ Гарасимычъ надѣялся получить отъ маменьки по крайней мѣрѣ рублей сто, на которые и хотѣлъ пріобрѣсти новую шубу, и уже ходилъ каждый день въ лавки и все разсматривалъ разные мѣха и прицѣнялся къ нимъ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ намекнулъ объ этомъ Аграфенѣ Кондратьевнѣ; но мечты его и тутъ не сбылись: скупая старуха прислала ему только десять рублей, объясняя, что она не пожалѣла бы прислать дорогому имениннику и больше, но теперь сама совершенно безъ

денегъ, потому что подрядила строить новый скотный дворъ и купила двухъ черкасскихъ быковъ.

Проснувшись по утру съ грустнымъ расположеніемъ, Степанъ Гарасимычъ очень опасался, чтобы въ городѣ не провѣдалъ кто нибудь, что онъ именинникъ. Опасенія его на этотъ счетъ еще болѣе увеличились, когда ни съ того, ни съ сего пришла его поздравить Секлетея Дмитревна, которая, вѣроятно, узнала это отъ Аксиньи. Давъ колдуньѣ три гроша, Сальниковъ позвалъ свою кухарку и началъ ее бранить за болтливость; но Аксинья запиралась и увѣряла, что Секлетея знаетъ объ именинахъ Степана Гарасимыча еще по деревнѣ. Чтобы спастись отъ новыхъ посѣщеній, молодой человѣкъ рѣшился идти къ Ухмыреву на цѣлый день, но только что одѣвшись, хотѣлъ выдти, какъ явились уланъ, Шамиловъ и весельчакъ-докторъ, за которымъ первые нарочно заѣзжали къ одной его паціенткѣ, гдѣ онъ, къ большому горю жены, проводилъ каждое утро. Степанъ Гарасимычъ сконфузился. У Карелина въ рукахъ былъ огромный кулекъ.

— Честь имѣемъ, Степанъ Гарасимычъ, поздравить васъ со днемъ вашего тезоименитства, и позвольте намъ, батюшка, этимъ вамъ поклониться— не побрезгуйте! проговорилъ повѣса и началъ вытаскивать изъ кулька: замороженую индюшку, кусокъ икры, два французскихъ хлѣба, фунта два мятныхъ пряниковъ, пузырекъ съ духами амбре:— это мы съ Петромъ Александрычемъ; а это вотъ отъ доктора, прибавилъ онъ и вытащилъ полъ-фунта магнезіи.

Степанъ Гарасимычъ разсмѣялся.

*

— Вы все шутите, господа! я сегодня не именинникъ.

— Охъ, молодые люди, молодые люди, произнесъ весельчакъ-докторъ своимъ іезуитскимъ тономъ: — какъ вы всѣ нынче скрытны. Я помню, какъ вы родились... что̀ вы таите?

— Нѣтъ-съ вы это неправду говорите: вы, вѣроятно, считаете меня за меньшого брата моего, который умеръ—ему бы теперь былъ еще тринадцатый годъ, — а я ужь давно родился.

— То есть вы дѣйствительно давно родились; но, впрочемъ, я въ Москвѣ видѣлъ во снѣ, какъ вы произошли на свѣтъ, съострилъ весельчакъ докторъ.

— Что́ вы, Степанъ Гарасимычъ, между пріятелями скрываетесь, началъ уланъ.

— Господа, сдѣлайте милость, извините, я, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ именинникъ, но теперь у меня маменька больна: я совсѣмъ не приготовился.

— Намъ не нужны ваши приготовленія, Степанъ Гарасимычъ: мы желаемъ васъ только поздравить, вмѣшался Шамиловъ.

— Вы поставьте намъ хорошей водки, мы выпьемъ по рюмкѣ, да потомъ полъ-дюжинки шампанскаго; закуску мы сами привезли: то есть икры и бѣлаго хлѣба, проговорилъ рѣшительно Карелинъ.

— Шампанское необходимѣе всего.... вы тоже согласны съ этимъ, господинъ Шамиловъ? заговорилъ докторъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ тотъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, подхватилъ Карелинъ и, посмотрѣвъ строго на Степочку, спросилъ

его: Степанъ Гарасимычъ! именинникъ вы сегодня или нѣтъ? скажите намъ рѣшительно.

— Да какже, господа, я, право, такой невѣжа, что не могу даже васъ принять прилично: я совершенно къ этому не готовъ.

— Это ничего: мы вамъ поможемъ. Гдѣ у васъ деньги? произнесъ уланъ.

Хозяинъ, конечно, растерялся.

— Деньги, должно быть, здѣсь, отозвался докторъ и подалъ улану завѣтный бумажникъ Степана Гарасимыча.

Что̀ почувствовалъ мой богатый женихъ, я даже понять и усвоить своимъ авторскимъ чувствомъ не въ состояніи. Онъ было бросился къ бумажнику и хотѣлъ вырвать его изъ рукъ злодѣевъ, но Карелинъ распорядился очень проворно: сразу отстегнулъ довольно затѣйливо придуманный замочекъ и вынулъ бумажку въ двадцать-пять цѣлковыхъ и, даже не посмотрѣвъ, что̀ тамъ есть еще, вышелъ изъ комнаты и послалъ своего кучера купить водки и шампанскаго. Не ограничиваясь виномъ, онъ послалъ Аркадія въ трактиръ и велѣлъ оттуда принести нѣсколько порцій кушанья, спрашивая, впрочемъ, Степана Гарасимыча, какое именно онъ любитъ: горячее, холодное, жаркое и проч.,— но тотъ только хлопалъ глазами и не въ состояніи былъ даже ничего говорить.

Когда водка и двѣ бутылки шампанскаго были привезены, Сальниковъ обратился съ умоляющимъ взоромъ къ пришедшему кучеру: «а что, братецъ, гдѣ же сдача? не все же ты издержалъ?» Кучеръ полѣзъ было въ карманъ, но Карелинъ его остановилъ.

— Погоди расчитываться: можетъ быть, еще

зачѣмъ нибудь пошлемъ: пошелъ на свое мѣсто, проговорилъ онъ.

Кучеръ повиновался.

Бѣдный Степочка, растерявшійся совершенно отъ ни съ чѣмъ несравнимой дерзости Карелина, выпилъ съ горя залпомъ три рюмки водки и съѣлъ почти всю икру и калачъ.

Незваные гости водки не пили, а налили себѣ шампанскаго по стакану и снова поздравили именника со днемъ тезоименитства, который ихъ даже не поблагодарилъ, потому что вино, по обыкновенію, измѣнило характеръ молодого человѣка, въ томъ отношеніи, что онъ тотчасъ же утратитъ свое мягкосердечіе.

— Господа, позвольте мнѣ сочинить имениннику стихи, заговорилъ Шамиловъ.

— Непремѣнно, непремѣнно! отозвался докторъ:—я еще давича думалъ, что у васъ, должно быть, приготовлена рѣчь.

Степанъ Гарасимычъ вспылилъ.

— Я не позволю вамъ писать на меня стиховъ, сказалъ онъ, обращаясь дерзко къ Шамилову.

— Я хочу писать не на васъ, а къ вамъ, возразилъ тотъ.

— Это все равно-съ... я не маленькій, чтобы вамъ смѣяться надо мной!

— Да ктожь, почтеннѣйшій, надъ вами смѣется? Да смѣемъ ли мы это и подумать! замѣтилъ докторъ.

— Петръ Александрычъ! что вы остановились? сказалъ уланъ:—пишите стихи.

Шамиловъ написалъ:

«Сколь радостенъ для насъ сей день,
«Твои пріятны именины!

— Дальше я напишу, проговорилъ Карелинъ и,

взявъ у Шамилова бумагу, написалъ и прочиталъ все вслухъ.

«Ты парень добрый, хоть и пень....

«Не хочешь ли покушать, братъ, мякины?»

Степанъ Гарасимычъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы и, вырвавъ у Карелина бумагу, первоначально изорвалъ ее, а потомъ, свернувъ въ комокъ, бросилъ: умышленно или случайно, но только этотъ комокъ задѣлъ Карелина по головѣ. Онъ тотчасъ же всталъ и грозно выпрямился передъ Степочкой, который въ свою очередь тоже всталъ и, казалось, былъ готовъ къ сильному отпору.

— Какъ вы смѣли бросить въ меня бумагой? сказалъ Карелинъ.

— А какъ вы сами смѣли смѣяться надо мной? возразилъ Степочка довольно храбро.

— Я васъ спрашиваю, какъ вы смѣли бросить въ меня бумагой? повторилъ Карелинъ.

— Я самъ васъ спрашиваю, какъ вы смѣли надо мной смѣяться? возразилъ Степочка.

— Знаете ли вы, милостивый государь, что такое дуэль?

— Конечно, знаю-съ! чтожь вы думаете: я не крестьянскій мальчишка, а такой же, какъ и вы дворянинъ.

— Я васъ вызываю на дуэль и напередъ вамъ говорю, что застрѣлю васъ.

— Сдѣлайте милость: не поддадимся! Благородные люди по чужимъ кошелькамъ не лазятъ.

— Ни слова больше! Словъ не нужно: мы будемъ драться на-смерть; деньги ваши возьмите! возразилъ Карелинъ и выкинулъ на столъ двадцати-пяти рублевую ассигнацію.

— Господинъ докторъ! потрудитесь съѣздить

на мою квартиру и привезите мои пистолеты; но главное — позвольте мнѣ шепнуть вамъ два-три слова, прибавилъ онъ, и сказалъ что-то доктору на ухо.

Тотъ отправился. Шамиловъ вышелъ за нимъ на крыльцо.

— Неужели между ними въ самомъ дѣлѣ будетъ дуэль? спросилъ онъ его.

— Непремѣнно-съ! и мы будемъ секундантами. Не знаю, какъ вы, а я этихъ шутокъ терпѣть не могу, но дѣлать нечего, отвѣтилъ докторъ и уѣхалъ.

Петръ Александрычъ возвратился въ комнату, и довольно встревоженный. Противники сидѣли молча. Степанъ Гарасимычъ безпрестанно пилъ водку. Карелинъ былъ задумчивъ и кусалъ усы.

— Послушайте, Карелинъ: шутите вы, или нѣтъ? съ вашей стороны смѣшно стрѣляться, отнесся Шамиловъ, по французски, къ Карелину.

Тотъ ему мигнулъ.

— Я не хочу на пистолетахъ: давайте на саблях! проговорилъ вдругъ Степочка.

— Этого нельзя: мы уже выбрали пистолеты, отвѣчалъ противникъ.

— А я не хочу на пистолетахъ.

— Въ такомъ случаѣ я васъ просто безъ дуэли застрѣлю.

— Нѣтъ ужь извините: высоко берете!

— Посмотримъ.

Докторъ возвратился съ парою пистолетовъ. Какъ ни былъ разсерженъ, какъ ни былъ пьянъ Степанъ Гарасимычъ, но при видѣ роковыхъ орудій поблѣднѣлъ какъ полотно, и лицо его вытянулось. Шамиловъ былъ тоже въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, хотя и подозрѣвалъ, что все это шутка. Карелинъ хладнокровно осмотрѣлъ пистолеты.

— Они заряжены? спросилъ онъ доктора.

— Заряжены, какъ слѣдуетъ.

— Мой секундантъ господинъ Шамиловъ, началъ Карелинъ: — а вы, докторъ, будете со стороны г. Сальникова; ваша помощь ему будетъ очень нужна: я намѣренъ его прострѣлить насквозь. Назначайте мѣсто.

— Сейчасъ, отвѣтилъ докторъ, и промѣрялъ шагами залу и спальню: въ нихъ оказалось двадцать-пять шаговъ.

— Вы станете здѣсь, сказалъ онъ улану, указывая на стѣну въ залѣ:—а вы, Степанъ Гарасимычъ, въ спальнѣ—тоже у стѣны.

Но Степанъ Гарасимычъ ничего ясно не понималъ; впрочемъ, онъ привсталъ — и покачнулся. Докторъ его взялъ подъ руки и поставилъ на назначенное мѣсто.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, оставьте: не сробѣемъ! болталъ онъ, опираясь на стѣну.

Докторъ поклонился и роздалъ бойцамъ по пистолету.

— Вамъ первому стрѣлять, сказалъ онъ Сальникову и сталъ около него.

Степанъ Гарасимычъ выстрѣлилъ: появилось цѣлое облако дыму, но и только: Карелинъ остался невредимъ и началъ цѣлиться. Шамиловъ схватилъ его за руку:

— Вы убьете его, сказалъ онъ.

— Не мѣшайте, отвѣчалъ Карелинъ и выстрѣлилъ.

Вмѣстѣ съ дымомъ вылетѣла какая-то масса и ударилась въ лицо Степочки; онъ вскрикнулъ: «ухъ!» присѣлъ и схватилъ себя за лицо — руки окрасились краснымъ цвѣтомъ.

— Ну, братъ, спасибо: все лицо изстрѣлялъ, проговорилъ онъ и покачнулся.

Докторъ бросился къ нему.

— Вы ранены въ лицо.... ничего: поможемъ, говорилъ онъ встревоженнымъ голосомъ, и, схвативъ полотенце, обернулъ имъ всю голову раненаго, который сидѣлъ на полу, качался и стоналъ.

— Подайте ему вашу помощь, докторъ, и пріѣзжайте ко мнѣ, проговорилъ Карелинъ и, взявъ Шамилова за руку, вышелъ.

— Чѣмъ это вы въ него выстрѣлили? спросилъ тотъ.

— Клюквой. Поѣдемте ко мнѣ.

Молодые люди отправились.

Докторъ между тѣмъ положилъ раненаго на постель, посовѣтовалъ ему цѣлый день не шевелиться и уѣхалъ. Совѣтъ этотъ былъ, впрочемъ почти лишній. Степанъ Гарасимычъ немного постоналъ, но потомъ закрылъ глаза и почти тотчасъ же захрапѣлъ.

Между тѣмъ Карелинъ и Шамиловъ пріѣхали въ нумеръ къ первому и очень смѣялись надъ съигранной ими такъ удачно шуткой. Поджидали было доктора, но тотъ, однако, не пріѣхалъ. Покончивъ хлопоты съ своимъ паціентомъ, онъ заѣхалъ къ той больной, отъ которой былъ увезенъ, и тутъ остался. Расшалившійся Карелинъ велѣлъ принести бутылку шампанскаго, которую молодые люди и выпили довольно скоро. Вино, какъ извѣстно, располагаетъ къ дружбѣ и къ откровеннымъ разговорамъ. Шамиловъ началъ первый.

— Бывали ли вы, Карелинъ, когда нибудь влюблены? спросилъ онъ.

— Разъ семнадцать, отвѣчалъ тотъ.

— Нѣтъ; я не то васъ хотѣлъ спросить; а вы мнѣ скажите, любили ли вы когда нибудь глубоко, истинно?

— Какъ глубоко и истинно.... я васъ не понимаю!

— Какже не понимаете?

— Да такъ: глубоко и истинно.... все это пустяки и глупости. Я самъ врѣзался однажды въ крестьянку — чудо какъ была хороша! — я еще былъ мальчишка, жениться даже хотѣлъ, да спасибо генералу: онъ узналъ, да три мѣсяца на гаубтвахтѣ и выдержалъ.

— Ну, а здѣсь: развѣ вы не влюблены въ Катерину Петровну?

— Нѣтъ, такъ.... дурачусь. Мнѣ ваша Вѣра Павловна больше нравится; если бы вы мнѣ не перебивали дороги, я бы.... умная дѣвушка; я самъ хоть не очень умный человѣкъ, а умныхъ люблю.

— Не говорите, Карелинъ, объ этой женщинѣ такъ легко.

— А что̀ же?

— А то, что она имѣетъ для меня огромное значеніе.

— Я это знаю: вы въ нее до-зарѣзу влюблены.

— Нѣтъ-съ, не то, что влюбленъ, а я предъ нею благоговѣю, какъ предъ моею спасительницею. Она меня спасла отъ нравственнаго отчаянія, я былъ близокъ почти къ самоубійству. Она одна оживила меня и вдохнула въ меня новыя силы. Теперь я знаю, что́ мнѣ дѣлать, и могу кое-что дѣлать.

— Стало быть вы женитесь на ней?

— Конечно.

— Ну, батинька, смотрите! О состояніи похло-

почите, а то этотъ дяденька Ухмыревъ навѣрнякъ надуетъ: онъ — говорятъ — мыльный пузырь: не сегодня, такъ завтра лопнетъ.

— Богъ съ вами, съ вашимъ состояніемъ, Карелинъ! я на эти вещи смотрю иначе: бракъ не торговая сдѣлка. Вы человѣкъ умный и практическій, но односторонній, или, какъ говорится, съ узкимъ кругозоромъ на этотъ предметъ. Въ наше время состояніе у человѣка въ головѣ и въ той обстановкѣ, посреди которой онъ дѣйствуетъ.

— Какъ бы не такъ! возразилъ Карелинъ: — чистаганъ вѣрнѣе всякой вашей головы и всякой обстановки.

— Заблуждаетесь, cher Карелинъ, страшно заблуждаетесь, возразилъ въ свою очередь Шамиловъ. Это все будетъ-съ, и все это пустяки; мнѣ нужно не то: мнѣ нужна служебная дорога. Жить въ деревнѣ байбакомъ я не могу. Мнѣ нужна умственная дѣятельность, тѣмъ болѣе, что для такой женщины, какъ Вѣра, стоитъ потрудиться; ее грѣшно оставить деревенской барыней. Хотите ли вы видѣть одно изъ ея писемъ ко мнѣ?

— Покажите.

Шамиловъ подалъ улану первое письмо Вѣры.

— Славный почеркъ! точно у мужчины, проговорилъ тотъ.— Вы въ нее очень влюблены?

— Да что́ влюбленъ... что́ это какъ вы говорите, Карелинъ! Вы просто профанируете ее, меня и наши чувства. Со мной въ отношеніи этой женщины совершилось чудо. Я осязательно испыталъ справедливость шекспировской мысли, «что есть многое на землѣ, чего не разрѣшаетъ разумъ человѣка.» Выслушайте меня, если вамъ это будетъ не скучно. Я ѣхалъ сюда изъ Москвы буквально

безо всего: безъ цѣли, безъ мысли о будущемъ, отказавшись отъ всѣхъ моихъ прежнихъ интересовъ, и, конечно, все это понималъ, но въ тоже время былъ спокоенъ. Мнѣ чувствовалось, что какъ будто бы помимо моей воли совершается роковой переворотъ въ моей судьбѣ. Надобно сказать, что уже лѣтъ пять живетъ во мнѣ предчувствіе, которое говоритъ, что благополучіе моей жизни создастъ женщина, какъ и гдѣ? прежде я этого не зналъ; но теперь задача эта рѣшена...

— Пейте шампанское! перебилъ уланъ.

Шамиловъ выпилъ и продолжалъ говорить. Уланъ наконецъ началъ зѣвать.

— Не хотите ли у меня соснуть? спросилъ онъ своего гостя.

Шамиловъ отказался, а просилъ только лошади довезти его до Ухмырева.

— Желаю вамъ успѣха, проговорилъ хозяинъ, прощаясь: впрочемъ, я бы не совѣтовалъ вамъ туда ѣхать.

— Отчего же?

— Такъ. Вы ужь немного пьяны.

— Ничего. Это даже хорошо. У грековъ не было вина безъ любви, и любви безъ вина.

— То у грековъ, можетъ быть, а у насъ не совсѣмъ ловко. Впрочемъ, какъ хотите.

Шамиловъ уѣхалъ.

Алексѣя Сергѣича и Авдотьи Егоровны не было дома. Они были у одного купца на крестинахъ, съ которымъ Ухмыревъ не былъ вовсе прежде знакомъ, ничего даже не покупалъ у него въ лавкѣ, хотя его лавка съ красными товарами и была первая въ городѣ, но въ послѣднее время вдругъ началъ превозносить его похвалами и магазинъ

его ставить вровень съ Англійскимъ магазиномъ въ Петербургѣ. Въ городѣ это объясняли тѣмъ, что, будто бы, Алексѣй Сергѣичъ занялъ у этого купца пять тысячъ рублей подъ вексель.

Вѣра была одна дома и сидѣла въ гостиной, слабо освѣщенной матовымъ свѣтомъ лампы. Ей было скучно и грустно: она въ этотъ день раза четыре посылала къ Шамилову и звала его придти къ нимъ, желая, во первыхъ, видѣть его, а во вторыхъ, передать ему послѣдній разговоръ съ дядею. Посланный каждый разъ возвращался безуспѣшно и докладывалъ, что Петръ Александрычъ еще по утру куда-то уѣхалъ съ улановъ. Вѣрѣ сдѣлалось досадно: куда и за чѣмъ онъ могъ уѣхать съ Карелинымъ? и что́ за дружба у него можетъ быть съ этимъ человѣкомъ? Она дала себѣ слово побранить его хорошенько и запретить ему даже быть знакомымъ съ этимъ повѣсой.

Вы, милыя дѣвицы-читательницы, вѣроятно, согласитесь, что Вѣра Павловна въ-правѣ была досадовать: вы сами, можетъ быть, страдали отъ странныхъ поступковъ мужчинъ. Вамъ на первыхъ порахъ и въ голову, конечно, не приходило, что молодые люди вѣтреники и эгоисты, и что чувство любви у нихъ какъ-то на второмъ планѣ. И я знаю, что къ досадѣ васъ руководствуетъ не самолюбивая ревность, не дурной характеръ женщинъ зрѣлыхъ и опытныхъ, но вы только еще не знаете и не привыкли къ слабостямъ мужчинъ. Я заранѣе убѣжденъ, что изъ васъ выйдутъ предобрыя жены, исполненныя самоотверженія, и что вы будете снисходить и извинять многое,—но въ началѣ это невозможно: въ началѣ вы очень стро-

ги и требовательны. По крайней мѣрѣ все это я могу безусловно отнести къ моей героинѣ.

Послышались шаги. Вѣра Павловна взглянула— передъ ней стоялъ Шамиловъ. Досады какъ будто не бывало: она весело улыбнулась ему и протянула руку; но Петръ Александрычъ схватилъ обѣ ея руки и началъ цаловать ихъ, а потомъ поцаловалъ и ее разъ... два... три... до десятка. Молодая дѣвушка первоначально не противилась, а потомъ вдругъ вся вспыхнула, оттолкнула тихонько Шамилова и пересѣла на другой конецъ дивана.

— Какой ты странный сегодня! проговорила она. Гдѣ ты былъ?

— Я былъ у дурака, дѣлалъ глупости и самъ былъ цѣлый день пошлымъ глупцомъ, какихъ когда либо создавалъ свѣтъ, отвѣчалъ Шамиловъ, схвативъ себя за голову.

Вѣра покачала головой.

— Гдѣ же это ты былъ? спросила она съ удивленіемъ, всматриваясь въ раскраснѣвшееся лицо молодого человѣка и въ странное выраженіе его глазъ.

— Во первыхъ, я проснулся сегодня съ неопредѣленнымъ желаніемъ видѣть тебя, Вѣра, но не такъ, какъ позволено мнѣ видѣть, но уже моей подругой; испытаніе, которое кладутъ на насъ, выше силъ моихъ; но ты этого сама хочешь, ты боишься довѣриться Шамилову, какъ человѣку.

— Кто жь тебѣ это сказалъ? спросила Вѣра.

— Ты, мое дивное существо, ты хочешь, чтобы я тебѣ житейскимъ образомъ доказалъ, что я достоинъ твоей любви,—и я тебѣ докажу, хоть бы задержанная страсть уничтожила меня!

— Я этого хочу не для себя, а для тебя.

— Для меня?... Боже мой! Для меня нужна только ты и ничего больше въ мірѣ... или нѣтъ, Вѣра, не вѣрь мнѣ: я говорю глупости, я лгу; я желаю полъ-міра, я хочу быть восточнымъ набобомъ, чтобы окружить тебя всѣми удобствами, всѣмъ комфортомъ.

Вѣра подала молодому человѣку снова руку, онъ ее поцаловалъ и продолжалъ:

— Милое существо мое! неужели мы для нашей любви должны выдержать годичное испытаніе? Я не перенесу этого: я умру.

— Чего же ты хочешь?

— Жениться на тебѣ какъ можно скорѣе.

— Это невозможно.

— Возможно, Вѣра, очень возможно. Что́ насъ останавливаетъ? деньги? Невинное созданіе! неужели это можетъ насъ остановить? Этихъ денегъ много у твоего дяди и еще болѣе у князя. Неужели этотъ старикъ пожалѣетъ дать намъ кусокъ хлѣба и женить насъ? У него два десятка помѣстьевъ пусть онъ отдѣлитъ намъ хоть одно, и мы будемъ благословлять его. Я это говорю, Вѣра, не свои мысли: это говорятъ всѣ въ городѣ,—мнѣ пересказалъ это Карелинъ, а онъ умный человѣкъ.

Весь этотъ монологъ Вѣрѣ Павловнѣ былъ видимо не по сердцу.

— Подите, Шамиловъ, я васъ не узнаю: вы говорите ужасныя вещи, проговорила она и пересѣла еще дальше. Я люблю васъ и хочу быть обязанною однимъ только вамъ...

— Что́жь я долженъ теперь дѣлать?

— Трудиться и работать.

. . . . . .

Не знаю, до чего бы достигнулъ этотъ рѣ-

шительный разговоръ между молодыми людьми, еслибъ онъ не былъ прерванъ пріѣздомъ старшихъ хозяевъ.

— Посидѣвъ немного, Алексѣй Сергѣичъ увелъ Шамилова въ кабинетъ и началъ, по своей тонкости, издалека: первоначально онъ объяснилъ, какой князь важный человѣкъ, и что онъ, Ухмыревъ, очень радъ, что онъ Петра Александрыча полюбилъ, а потомъ тоже слегка коснулся Вѣры Павловны, и наконецъ кое-какъ, почти въ намекахъ, посовѣтовалъ молодому человѣку ѣхать къ высокопочтенному старику и просить принять участіе въ обще-интересномъ дѣлѣ. Шамиловъ, конечно, все выслушалъ и безусловно во всемъ согласился съ Алексѣемъ Сергѣичемъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную, Вѣра сидѣла на прежнемъ мѣстѣ; Авдотья Егоровна зачѣмъ-то вышла въ свою спальню; Петръ Александрычъ сѣлъ около Вѣры.

— Вы сердитесь на меня? проговорилъ онъ.

— Вы странный человѣкъ! отвѣчала Вѣра.

— Я виноватъ! я говорилъ и самъ не знаю что́, отвѣчалъ Шамиловъ.

— Что́ вамъ говорилъ дядя?

— Онъ мнѣ совѣтовалъ, чтобы я ѣхалъ къ князю и просилъ его сдѣлать отъ меня предложеніе вамъ.

— Поѣзжайте и больше ни о чемъ не думайте.

— Я васъ послушаюсь и поѣду, но, можетъ быть, умру.

— Я скорѣе васъ умру, отвѣтила Вѣра и ушла.

Шамиловъ остался нѣкоторое время задумчивъ; но, впрочемъ, за ужиномъ онъ разговорился и въ этотъ разъ былъ такъ уменъ и любезенъ, что по-

нравился и хозяину и хозяйкѣ. Они, пришедши въ свою спальню, переговорили о немъ:

— Онъ умный малый, замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Очень умный, отвѣтила Авдотья Егоровна: я давно это видѣла, и даже характеромъ схожъ съ Вѣрой.

— Это все ничего: тутъ главное князь, возразилъ супругъ.

VIII.

На другой день Алексѣй Сергѣичъ, озабоченный исполненіемъ своего плана, чтобы сватовство произошло черезъ князя, пріѣхалъ самъ нарочно къ Шамилову утромъ.

— Скоро ѣдете? спросилъ онъ, какъ только вошелъ.

Шамиловъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: онъ едва наконецъ припомнилъ, куда и зачѣмъ ему надобно было ѣхать.

— Мнѣ что-то нездоровится, проговорилъ было онъ, но замѣтивъ, что Ухмыревъ насупился, прибавилъ: я впрочемъ думаю съѣздить.

— Надобно-съ, рѣшилъ Алексѣй Сергѣичъ. Я вамъ свой фаэтонъ привезъ: поѣзжайте въ фаэтонѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ молодой человѣкъ и ушелъ одѣваться.

Оставшись одинъ, Ухмыревъ осмотрѣлъ кабинетъ, или лучше сказать, гостиную своего будущаго родственника, и, вѣроятно, остался недоволенъ наружнымъ ея видомъ, потому что покачалъ грустно головой, тронулъ съ пренебреженіемъ пальцемъ запыленнаго и засыпаннаго табачными

окурками Шекспира, валявшагося уже на окошкѣ, и вздохнулъ. Но вышелъ Шамиловъ одѣтый франтомъ. Это понравилось Алексѣю Сергѣичу. Прощаясь съ нимъ, онъ крѣпко сжалъ ему руку.

— Говорите порѣшительнѣе.

Петръ Александрычъ только кивнулъ головой и усѣлся въ тотъ щегольскій фаэтонъ, въ которомъ ѣхалъ нѣкогда и Степочка, и даже подумалъ почти тоже, что́ подумалъ мой богатый, но простодушный юноша, съ такою, впрочемъ, варіаціею:

«Славный экипажъ,—думалъ Шамиловъ. Я, кажется, попалъ въ хорошую семью; комфортомъ они меня обставятъ. Досаднѣе всѣхъ Вѣра: она умна, но холодна... О, провинція, невинная провинція!» воскликнулъ онъ въ заключеніе и предался созерцанію прекрасныхъ видовъ провинціи, которые дѣйствительно были очень хороши.

Князь былъ болѣнъ и сидѣлъ окутанный въ горностаевый тулупъ.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ! проговорилъ онъ: прошу присѣсть; а я все хвораю: кровь не грѣетъ—все зябну... Что́ подѣлываете?

— Учусь, ваше сіятельство, отвѣчалъ Шамиловъ.

— А давно ли вы были у Ухмыревыхъ?... Давно ли вы видѣли мою милую Вѣрочку? Что́ это вы сконфузились, а?

— Вы, князь, вѣроятно, знаете... началъ было Шамиловъ.

— Все знаю-съ и говорилъ о васъ и за васъ съ ея дядей: онъ теперь на вашей сторонѣ.

— Я, ваше сіятельство, собственно по этому предмету пріѣхалъ съ просьбой къ вамъ...

— Что́ такое?

*

— Вѣра Павловна передала мнѣ, что вы были такъ добры—приняли участіе...

— Говорите со мной, Петръ Александрычъ... васъ такъ, кажется зовутъ?

— Такъ.

— Да... говорите со мной откровенно, напримѣръ, такимъ образомъ: я-де, князь, до безумія влюбленъ въ Вѣру Павловну, она же вамъ, какъ я слышалъ, сказала... то ли вы хотѣли мнѣ сказать?

— Именно то-съ.

— Ну, я на это скажу, что влюбиться простительно, но жениться еще рано; рукобитье, какъ говоритъ простой народъ, сдѣлаешь, а въ мужья вы еще, не годитесь: получите званіе и начните службу напередъ.

— Но чтобы получить слово, надобно сдѣлать мнѣ предложеніе; ея роднымъ хочется, чтобы это шло чрезъ посредство васъ.

— Хорошо, я готовъ; но какимъ же образомъ мнѣ это сдѣлать?

— Они говорятъ, чтобъ письмомъ...

— Пожалуй, хоть сейчасъ же. Но, впрочемъ, прежде погодите...

Князь позвонилъ. Вошелъ лакей.

— Подай мою шкатулку.

Человѣкъ поставилъ передъ княземъ огромную шкатулку и ушелъ.

— Вамъ, можетъ быть, придется подарить невѣсту, и здѣсь вы конечно ничего не найдете... Возьмите, вотъ у меня есть удобная для этого вещь, говорилъ князь, вынимая изъ шкатулки баульчикъ и подавая его Шамилову.

Тотъ принялъ его нерѣшительно.

— Откройте, посмотрите! сказалъ князь.

Шамиловъ открылъ: это были очень дорогія бриліянтовыя серьги.

— Подарите ей отъ себя, а я съ своей стороны пошлю...

— Князь! ваше великодушіе... началъ Шамиловъ.

— Безъ фразъ, мой милый, перебилъ его старикъ: Что́ же намъ писать-то? Сядьте тутъ, къ столу: я вамъ продиктую. Пишите!

Шамиловъ сѣлъ. Князь началъ диктовать.

«Милостивый государь,
Алексѣй Сергѣичъ!

Вашимъ родственнымъ попеченіемъ принята подъ кровъ племянница вашей жены и дочь моего друга, которой вы, въ настоящее время, вмѣстѣ съ вашею супругою, замѣнили родителей. Молодой человѣкъ, г. Шамиловъ, уже избранный ея сердцемъ, возложилъ на меня порученіе просить вашего и милой нашей невѣсты согласія на бракъ съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, того, чтобы ему дано было слово, получивъ которое, онъ первоначально изберетъ родъ службы. Свадьба должна быть отложена на столько времени, сколько ему потребно будетъ для приведенія въ порядокъ своего положенія. Передавая сіе, надѣюсь, что все это будетъ благосклонно принято вами и Вѣрою Павловною, которую я, впрочемъ, хочу закупить, съ каковою цѣлію и посылаю при семъ небольшой для нея подарочекъ, оставаясь въ пріятной надеждѣ, что она не стѣснится принять его отъ старика-свата и пріятеля ея отца. Прошу почтить меня отвѣтомъ для передачи его молодому человѣку.

Пребываю съ истиннымъ моимъ уваженіемъ.»

— Не складно, да, можетъ быть, выйдетъ ладно, проговорилъ старикъ. Дайте-ка, я прочитаю.

Шамиловъ подалъ.

— Какъ вы дурно пишете! проговорилъ князь, пробѣгая письмо: да и съ ошибочками.

— Торопился, ваше сіятельство! отвѣчалъ, смѣшавшись, Шамиловъ.

— Ну, ничего! Господи благослови! произнесъ старикъ и подписалъ: «князь Сецкой.»

— Теперь потрудитесь выйти въ тѣ комнаты и тамъ запечатать, я очень не люблю запаху сургуча. Шамиловъ раскланялся и вышелъ. Письмо было отправлено къ Ухмыреву съ особымъ человѣкомъ.

Получивъ его, Алексѣй Сергѣичъ сейчасъ усѣлся за свой письменный столъ. Онъ очень долго думалъ, теръ себѣ лобъ, кусалъ конецъ пера, но ничего не написалъ, кромѣ: «Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, Борисъ Николаевичъ!» Однимъ словомъ, онъ, кажется, не находилъ въ головѣ своей ни приличныхъ мыслей, ни приличныхъ выраженій. Потерявъ терпѣніе, онъ пошелъ къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Князь дѣлаетъ письменное отъ Шамилова предложеніе, сказалъ онъ:—и прислалъ какой-то подарокъ вамъ: на все это надобно написать отвѣтъ. Я хотѣлъ было самъ; но вамъ приличнѣе: для васъ ближе это дѣло.

Вѣра Павловна сначала прочитала иисьмо, а потомъ уже открыла ящичекъ. Алексѣй Сергѣичъ попятился назадъ отъ удивленія. Вѣра тоже удивилась: въ баулѣ лежало бриліантовое ожерелье тысячъ въ пять серебромъ.

— Княжескій подарокъ, проговорилъ Алексѣй

Сергѣичъ, разсматривая вещь: хорошъ... очень хорошъ... надобно показать женѣ: вы покуда приготовьте письмо, прибавилъ онъ и пошелъ къ Авдотьѣ Егоровнѣ.

Добрая дама тоже ахнула, увидѣвъ такую прелестную и дорогую вещь; она едва въ состояніи была понять, что это подарокъ князя, который онъ прислалъ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Comme c'est charmant, comme c'est magnifique! говорила она, любуясь ожерельемъ.

Алексѣй Сергѣичъ между тѣмъ началъ ходить по комнатѣ; на челѣ его, снова появилось облако серьёзной мысли.

— Eudoxie! началъ онъ: намъ тоже надобно сдѣлать подарокъ въ родѣ этого.

— Ты знаешь, душа моя, что теперь это невозможно.

— Перехватимъ гдѣ нибудь.

Авдотья Егоровна покачала головой и вздохнула.

— Я лучше могу передѣлать нѣкоторые изъ моихъ брильянтовъ, которые уже мнѣ понаскучили.

— Но что́ же все это будетъ: мелочь... дрянь....

— Вовсе нѣтъ: по нынѣшней работѣ ажуръ будетъ очень видная вещица.

— Такъ надобно посылать въ Ярославль: здѣсь не сдѣлаютъ.

— Я пошлю. Балъ будетъ у насъ?

— Непремѣнно.

— Пожалуйста, cher Alexis, меньше расходуйся, ты знаешь наши обстоятельства....

— Нельзя же, чтобъ было неприлично. Такъ ли?

Вѣра Павловна, по уходѣ дяди, расплакалась, потомъ начала молиться. Ей вдругъ сдѣлалась

страшна мысль быть женой Шамилова.—Любитъ ли онъ еще ее, не обманываетъ ли, и наконецъ, какъ и когда она сдѣлается его женой, не ошибается ли вмѣстѣ съ ней и добрый князь? Были ли эти мрачныя мысли результатомъ тревожнаго состоянія ея души, или было это темное предчувствіе грядущаго горя, мы увидимъ впослѣдствіи. Успокоившись, она написала отвѣтъ князю, въ которомъ благодарила его за участіе и за подарокъ.—«Я люблю Шамилова, писала она въ заключеніе—и желаю быть его женою, это знаетъ онъ, знаете и вы, князь.» Алексѣй Сергѣичъ поинтересовался прочесть это письмо и, прочитавъ его, остался имъ не совсѣмъ доволенъ: «надобно бы было написать попочтительнѣе; неловко, что вы называете его просто: князь! Я думаю, лучше бы вмѣсто этого слова употребить: ваше сіятельство.»

— Нѣтъ, дядя, ничего: я князя знаю.

— Какъ хотите; но по моему неловко; да кромѣ того вы ничего ни обо мнѣ, ни о теткѣ не сказали.

— Я пожалуй напишу. Что́ же вы хотите?

— Во первыхъ, что мы уважаемъ его мнѣніе, очень рады, что онъ взялъ на себя трудъ, и во всю жизнь останемся ему благодарны.

Вѣра Павловна приписала: «P. S. Добрый мой дядя и тетка, которые столько доказали мнѣ любви, согласны на предложеніе г. Шамилова и поручили принести мнѣ вамъ искреннюю благодарность за все, что́ вы сдѣлали для меня.»

Алексѣй Сергѣичъ и этой припиской остался недоволенъ, и потому онъ просилъ Вѣру написать къ князю другое письмо и о немъ только

сказать, что онъ лично пріѣдетъ и объяснится съ его сіятельствомъ. Вѣра исполнила его желаніе.

Вечеромъ къ Алексѣю Сергѣичу, по обыкновенію, пріѣхали картежные партнёры и составилось, конечно, нѣсколько партій; но хозяинъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и когда пріѣхалъ Шамиловъ, онъ увелъ его отъ Вѣры въ кабинетъ и говорилъ съ нимъ, или, лучше сказать, распросилъ подробно, что̀ онъ съ княземъ говорилъ и что̀ тотъ ему совѣтовалъ. Петръ Александрычъ разсказалъ ему подробно, хоть, можетъ быть, и не совсѣмъ справедливо. Вѣра Павловна была какъ-то печальна, она все еще была подъ вліяніемъ какихъ-то грустныхъ предчувствій. Написавъ письмо, она долгое время всматривалась въ портретъ отца... и странное дѣло! портретъ какъ будто измѣнился: ей казалось, что добрый старикъ, какимъ онъ былъ нарисованъ, началъ хмуриться и глядѣть сердито. Вѣра Павловна понимала, что это была одна только мечта, но при всемъ томъ, отъ дурного впечатлѣнія не избавилась.

На другой день Ухмыревъ былъ у князя, высказалъ ему конечно, въ намекахъ и отрывистыхъ фразахъ,—что̀ желалъ высказать, и получилъ отвѣтъ, что князь съ удовольствіемъ будетъ у него на балѣ и съ удовольствіемъ выслушаетъ объявленіе о помолвкѣ Вѣры Павловны съ Шамиловымъ.

Распространившаяся молва о балѣ у Ухмыревыхъ привела дамъ и дѣвицъ въ неимовѣрныя хлопоты. Большая часть изъ нихъ, безъ преувеличенія, приходила въ отчаяніе, что въ городѣ ничего нельзя достать порядочнаго; главный недостатокъ оказался въ атласныхъ башмакахъ, цвѣтахъ и перчаткахъ: башмаковъ совсѣмъ не было,

первый въ городѣ башмачникъ не брался шить матерчатыхъ, а предлагалъ сдѣлать изъ козла—потоньше, но козелъ, какъ извѣстно, для баловъ нейдетъ: цвѣты хотя и были, но явно, что они далеко отстали отъ послѣдней моды; перчатки были только мужскія, и то замшевыя.

Балъ начался и шелъ до ужина обыкновеннымъ порядкомъ. Съѣздъ былъ огромный: человѣкъ до семидесяти. Большая часть мужчинъ пріѣхали, по совѣту Алексѣя Сергѣича, въ бѣлыхъ галстухахъ и бѣлыхъ или легкихъ лѣтнихъ жилетахъ; но самъ князь, къ общему недоумѣнію, былъ въ черномъ галстухѣ; а болѣе всего поразило многихъ то, что почтенный старикъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ мальчишкой-Шамиловымъ, и только что не подъ руку вошелъ съ нимъ. Въ отношеніи же прекраснаго пола я не могу скрыть, что нѣкоторыя дамы и дѣвицы, желая явиться наряднѣе, немного переутрировали свой нарядъ; такъ, напримѣръ, одна дама все свое платье обвѣшала стеклярусомъ: у другой дѣвицы, были очень страннаго устройства и размѣщенія на головѣ пунцовые банты, которые очень походили на рога; третьи были ужь очень бѣдно одѣты: въ перекрашенныхъ платьяхъ, въ мѣдныхъ браслетахъ; но эти, впрочемъ, ничего: онѣ чувствовали свой недостатокъ и были очень застѣнчивы. Главныя лица моего разсказа на этомъ балѣ вели себя какъ слѣдуетъ. Алексѣй Сергѣичъ, какъ хозяинъ и виновникъ всего этого, важничалъ; добрая Авдотья Егоровна блистала брильянтами; милая Вѣра была очень интересна, но совсѣмъ не въ духѣ. Иринъ Шмакова и Софи Моросенко, послѣ Вѣры, между дѣвицами, были милѣе всѣхъ. Степанъ Гарасимычъ тоже былъ на балѣ.

Надобно сказать, что герой мой цѣлую недѣлю послѣ дуэли съ улаиомъ былъ боленъ; на него подѣйствовало отчасти нравственное потрясеніе, но болѣе того выпитое въ огромномъ количествѣ, при непривычкѣ, вино. Карелинъ чрезъ Секлетею Дмитревну первый узналъ, что Степочка болѣнъ, и на другой же день пріѣхалъ и попросилъ у него извиненія. Къ чести этого шалуна, я долженъ сказать, что онъ ѣздилъ къ больному каждый день и на настоящій балъ привезъ его въ своемъ экипажѣ,—но войдя въ залу, опять не утерпѣлъ и тутъ же разсказалъ всѣмъ попавшимся ему на глаза дѣвицамъ и молодымъ дамамъ, какъ онъ съ М-г Сальниковымъ стрѣлялся и какъ залѣпилъ ему цѣлый фунтъ клюквы въ лицо. Степану Гарасимычу это было очень непріятно. Послѣ вальса, до начала кадрили, была довольно продолжительная пауза, потому что подавали чай. Вѣра Павловна сидѣла и говорила въ это время съ княземъ. Степану Гарасимычу вдругъ пришла счастливая мысль: онъ усѣлся сзади нея, зацѣпилъ бахраму ея платья своимъ магическимъ крючкомъ и просидѣлъ въ этомъ положеніи около четверти часа, смотря постоянно на востокъ,—слѣдовательно для полнаго успѣха недоставало ему только земли изъ подъ слѣда обожаемой дѣвицы. Начались танцы, и онъ, по обыкновенію, увлекся этимъ удовольствіемъ, которое ему, преимущественно передъ всѣми, нравилось.

Ужинъ былъ великолѣпный. Первоначально всѣ болѣе или менѣе стѣснялись присутствіемъ князя, но подаваемое обильно вино одушевило общество: завязались разговоры, споры. Налиты были бо-

калы шампанскимъ, и хозяинъ провозгласилъ первоначально тостъ за здоровье князя, который, благодаря Алексѣя Сергѣича и всѣхъ прочихъ, немного насупился. — Налиты были еще бакалы. Ухмыревъ всталъ: «позвольте почтеннымъ гостямъ моимъ объявить, что на дняхъ наша племянница помолвлена за Петра Александрыча Шамилова— за здоровье жениха и невѣсты!...» Ура! вскрикнулъ первый уланъ, поднявъ бокалъ на воздухъ. Chère Véra, M-r Chamiloff, je vous félicite, говорила Катерина Петровна черезъ столъ, и такъ далѣе.

Поздравляли всѣ, кромѣ одного Степана Гарасимыча: онъ не сказалъ ни слова, не всталъ съ своего мѣста и не дотронулся даже до бокала. Лицо его приняло пресмѣшное выраженіе, вѣроятно, оттого, что онъ всѣми силами старался смигнуть слезы, которыми наполнились оба его глаза. Злодѣй Карелинъ первый замѣтилъ это.

— Степанъ Гарасимычъ! что́ такое съ вами? вы плачете?

— Помилуйте, ничего-съ, вы всегда на меня выдумываете, заговорилъ было Степочка, но остановился: у него начало подергивать щеки, а потомъ молодой человѣкъ не имѣлъ силъ владѣть собою: закрылъ лицо руками, зарыдалъ на всю залу, выскочилъ изъ-за стола, вышелъ сначала въ лакейскую, а тамъ въ сѣни, а тутъ ужь я и не знаю куда.

Уланъ тоже выскочилъ изъ-за стола.

— Извините меня, Алексѣй Сергѣичъ, отнесся онъ къ хозяину: — я не могу оставить друга въ этомъ положеніи. Вѣра Павловна! этотъ грѣхъ на вашей душѣ. Я приведу его сюда: пусть здѣсь рыдаетъ, шепнулъ онъ Катеринѣ Петровнѣ.

Всѣ почти гости хохотали. Князь тоже поинтересовался узнать, что́ такое, и ему объяснили, что Сальниковъ самъ сватался къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Уланъ возвратился одинъ.

— Гдѣ же Степочка? спрашивали его нѣкоторые.

— На лѣстницѣ стоитъ, никакъ не идетъ, проситъ послать ему шляпу и шубу.

Весь конецъ ужина и даже время послѣ ужина было посвящено смѣху надъ Степочкой: впрочемъ, менѣе другихъ смѣялись князь, Вѣра и Алексѣй Сергѣичъ. Послѣднему даже была очень непріятна вся эта сцена на балѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

О помолвкѣ Вѣры Павловны за Шамилова заговорилъ первоначально весь городъ, потомъ весь уѣздъ, а наконецъ и вся губернія. Настоящая причина, вслѣдствіе которой Алексѣй Сергѣичъ выдаетъ свою племянницу за того человѣка, котораго онъ прежде презиралъ, была почти открыта. Тутъ князь дѣйствуетъ, рѣшили всѣ единогласно; но почему и для чего? этотъ вопросъ былъ тоже гадательно рѣшенъ. Карелинъ, или, можетъ быть, самъ Шамиловъ кому-то и гдѣ-то проболтались, что врядъ ли Вѣра не побочная дочь князя.

Очень удивляло всѣхъ положительныхъ людей то, что свадьба отложена на цѣлый годъ и даже долѣе, и что женихъ зачѣмъ-то еще поѣдетъ въ Москву или въ Петербургъ, опредѣлится тамъ на какую-то должность, потомъ опять пріѣдетъ, и такъ далѣе. Неужели же онъ не можетъ опредѣлиться на службу женатый, также какъ и холостой, и для чего вся эта проволочка, которая въ свадьбахъ никогда къ добру не ведетъ; а гораздо бы лучше было, если ужь рѣшились, обвѣнчать, да и дѣлу конецъ.

Между тѣмъ женихъ и невѣста переживали то каждому извѣстное счастіе, которому предаются

почти всѣ влюбленные, и которое заставляетъ ихъ забывать прошедшее, смутно думать о будущемъ, а настоящее... о немъ нечего и говорить!... Любовь, какъ извѣстно, освѣщаетъ своимъ волшебнымъ свѣтомъ все: самые обыденные разговоры, самыя обыкновенныя развлеченія,—все это принимаетъ какой-то особый смыслъ. Даже наша сѣверная природа, со своими несносно-жаркими лѣтними днями, со своею осеннею слякотью, со своими прекрасными, но иногда ужъ черезчуръ сильными январскими морозами, со своею быстрою весною, и наконецъ блѣдные и незамысловатые ландшафты,—все это, я убѣжденъ, нравится безусловно женихамъ и невѣстамъ, соединяющимся по любви. Шамиловъ, послѣ помолвки, началъ бывать у Алексѣя Сергѣича въ продолженіе цѣлаго дня. Приходя по утру, онъ нѣкоторое время говорилъ съ будущимъ дядей. Бесѣда между ними была всегда направлена на что нибудь серьёзное: они трактовали о торговлѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, о картахъ, Алексѣй Сергѣичъ даже удивлялся, какъ Петръ Александрычъ имѣетъ объ этихъ предметахъ такъ много основательныхъ свѣдѣній, и особенно онъ его заинтересовалъ, разсказавъ ему пунктуально одно происшествіе, въ которомъ нѣкто, не имѣющій ничего, вдругъ въ одинъ годъ разбогатѣлъ до милліоновъ. Надобно сказать, что это была слабая струна Ухмырева: онъ искренно вѣрилъ въ безумное счастіе, которое, будто бы, иногда даетъ людямъ золотыя горы безъ предварительнаго съ ихъ стороны труда и знанія въ какомъ нибудь предпріятіи, а такъ, потому только, что имъ нужны деньги, и по этому предмету самъ зналъ нѣсколько

весьма интересныхъ случаевъ. Часу въ одиннадцатомъ выходила Вѣра, и утро у жениха съ невѣстой проходило незамѣтно: они разговаривали, но болѣе читали; ихъ очень заинтересовалъ «Жакъ», романъ Жоржа Санда, переведенный въ «Отечественныхъ Запискахъ»; Шамиловъ восхищался каждой строчкой. За столомъ Петръ Александрычъ обыкновенно разсказывалъ, собственно для развлеченія будущей тетушки, различные анекдоты, которые очень всѣхъ смѣшили. Вечеромъ, когда никого не было, устроивался домашній вистъ; играли: Алексѣй Сергѣичъ, Авдотья Егоровна, Вѣра и Шамиловъ. Ухмыревъ, какъ игрокъ, шалилъ, за что Авдотья Егоровна немного на него сердилась и играла съ обыкновеннымъ своимъ благородствомъ. Вѣра кидала карты кое-какъ; Шамиловъ рисковалъ; конечно, оба они не думали о картахъ. Петръ Александрычъ, обыкновенно, отъискивалъ хорошенькую ножку Вѣры Павловны и, наступивъ на нее, слегка жалъ,—а этого было и довольно для обоюднаго счастія. На этихъ интимныхъ вечерахъ съ нѣкотораго времени начала постоянно присутствовать Катерина Петровна. Ея, конечно, не чуждались, потому что, по хорошему знакомству, почти считали за свою родственницу; она, съ своей стороны, увѣряла, что родной сестрѣ своей не желала бы больше счастія, сколько желаетъ его Вѣрѣ.

Въ этомъ семейномъ кругу о главномъ моемъ героѣ, конечно, забыли и думать, и только иногда къ слову переговаривали о различныхъ его глупыхъ выходкахъ и простоватыхъ выраженіяхъ. Шамиловъ съ Катериною Петровною нападали на него безпощадно. Алексѣй Сергѣичъ и добродушная Авдотья Егоровна признавались, что онъ сво-

ей глупостью ставилъ ихъ, какъ хозяевъ, въ такое иногда положеніе, что изъ рукъ вонъ; одна только Вѣра за него нѣсколько заступалась и говорила, что онъ добрый; но ей возражалъ каждый разъ дядя:

— Я зналъ его отца, знаю его мать,—скупцы, глупцы, и больше ничего, а онъ ихъ всѣхъ перещеголялъ, говорилъ Ухмыревъ.

— Зачѣмъ же вы прежде не то говорили? замѣчала ему Вѣра.

Алексѣй Сергѣичъ перемѣнялъ разговоръ.

Степанъ Гарасимычъ во все это время не былъ въ городѣ. Мы видѣли, какъ онъ глупо поступилъ за ужиномъ, услышавъ о помолвкѣ Вѣры; но по пріѣздѣ его домой, съ нимъ сдѣлалось въ родѣ помѣшательства: онъ уронилъ свои любимые часы на полъ и разбилъ у нихъ стекло, даже укусилъ совершенно не понимая для чего, себѣ руку, и укусилъ больно, бросился потомъ на кровать и протосковалъ всю ночь. Когда на другой день Аксинья доложила ему, что запасъ ужь почти весь подошелъ, онъ разбранилъ ее и назвалъ воровкой. Та передъ бариномъ смолчала, но прійдя въ избу, разрыдалась въ такой степени, что возбудила нѣкоторое участіе въ сухосердномъ Кузьмѣ.

— Что печку-то не топишь? что нюни-то распустила? о чемъ? сказалъ онъ.

— По неволѣ распустишь, какъ разобидѣли на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Такъ васъ, дуръ-бабъ, и надо; затопить, что́ ли, печку-то?

— Затопи, голубчикъ, отвѣчала Аксинья, какимъ-то подозрительно-нѣжнымъ голосомъ.

И Кузьма затопилъ.

Въ тоже утро попалась на глаза Степану Гарасимычу ворожея Секлетея, пришедшая къ Аксиньѣ; онъ ее чуть не прибилъ, но та не струсила и сама отвѣчала ему такъ:

— Ты, баринъ, не кричи! я тебѣ никакого худа не сдѣлала.

— Не кричи и ты! кричалъ Степочка.

— Я не кричу; ты самъ кричишь! почище тебя господъ видала, проговорила Секлетея.

И поспѣшила уйти.

Сальниковъ бросился было за нею на улицу, но не нагналъ и удовольствовался только тѣмъ, что бросилъ ей вслѣдъ попавшійся ему подъ руку обносокъ лаптя; прійдя нѣсколько въ себя, онъ началъ было пить чай, но и этого любезнаго напитка употребилъ очень немного. Противъ Алексѣя Сергѣевича онъ чувствовалъ полное ожесточеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ разсердился на маменьку, къ которой написалъ такого рода письмо:

«Безцѣнная маменька, Аграфена Кондратьевна! цалую заочно ваши ручки; спѣшу васъ увѣдомить, что Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ низкой человѣкъ и все только обманывалъ меня: онъ теперь сговорилъ свою племянницу, о которой я писалъ вамъ, за Петра Александрыча Шамилова, а меня все проводилъ и не сдѣлалъ для меня ровно ничего, но еще при самомъ началѣ пріѣзжалъ выманивать у меня въ заемъ денегъ три-тысячи-пять-сотъ рублей, но я не далъ, потому что у меня нѣтъ столько денегъ. Онъ было подъѣзжалъ, чтобы я у васъ попросилъ, но я сказалъ, что и у маменьки нѣтъ. Всѣ, милая маменька, теперь сомнѣваются насчетъ состоянія, котораго вы мнѣ не отдѣляете, и всѣ

думаютъ, что вы мнѣ никогда ни копѣйки не дадите, а отъ этого и не уважаютъ меня....»

Но прежде чѣмъ онъ докончилъ свое посланіе, пріѣхалъ отъ маменьки нарочный и вручилъ ему отъ нея письмо.

«Милый другъ мой Степочка! Къ большому моему огорченію, услыхала я, что ты ведешь себя такъ, какъ я никогда не ожидала: въ именины твои ты напился съ твоими пріятелями пьянъ, и вы даже стрѣляли въ комнатѣ изъ ружья; понять не могу, что такое съ тобой сдѣлалось; я тебѣ всегда толковала, что на другихъ тебѣ смотрѣть нечего: ты еще до сихъ поръ не имѣешь настоящаго разсудка. А еще тебѣ скажу, что и при умѣ потеряться недолго отъ дурной компаніи. Представлю въ примѣръ сына Семена Петровича: то ли ужь отецъ не давалъ ему воспитанія! а что теперь вышло—живетъ въ деревнѣ, пьетъ да ѣздитъ по сосѣдкамъ; всѣ смѣются, а въ хорошемъ кругу ужь нигдѣ и не принятъ; и съ тобой тоже самое будетъ,—но я напередъ тебѣ, Степочка, какъ мать, говорю, что потакать не стану и при жизни лишу наслѣдства—живи какъ хочешь! Ты теперича, можетъ быть, еще ничего дурного и не сдѣлалъ, но въ хорошихъ домахъ, по одной компаніи, надъ тобой смѣются, и именно въ домѣ Алексѣя Сергѣича, которымъ ты такъ дорожилъ, и принятъ ли ты теперь тамъ, я даже не знаю: цѣлыя три недѣли ты мнѣ строчки не написалъ... видно, тебѣ мать нужна, когда денегъ или запасу нѣтъ! Ты бы хоть вспомнилъ, что ты у меня одинъ. Мнѣ сказывали вѣрные люди, что у Алексѣя Сергѣича говорили о тебѣ то, чего бы я никакъ не хотѣла слышать. Еще тебѣ разъ повторяю, что ты дол-

женъ дорожить поведеніемъ, пуще глаза: а у меня все это время, какъ нарочно, горе на горе: рана ужь разошлась до полъ-ноги, ни отъ чего никакой помощи нѣтъ—видно такъ угодно Богу. Наши новыя риги, Степочка, сгорѣли.... я чуть не помѣшалась. Тебѣ, другъ мой, стыднѣе всѣхъ огорчать меня при эдакихъ обстоятельствахъ. Богъ видитъ, что я никогда ничего не жалѣла для тебя; по теперешнему времени, я даже не желаю, чтобы ты жилъ въ городѣ: пріѣзжай ко мнѣ,— я теперь ничѣмъ для тебя по городу помогать не могу. Очень меня огорчило, другъ мой, когда услыхала, что къ вину ты подверженъ. Неужели ты забылъ, что твой папенька отъ этого померъ.... смотри: остерегайся! Запасу тебѣ съ этимъ человѣкомъ не посылаю, потому что я такъ огорчена, что мнѣ не до чего, просто въ гробъ гляжу. Посылаю тебѣ заочно мое родительское благословеніе, остаюсь любящая тебя мать,

Аграфена Сальникова.»

Степанъ Гарасимычъ понялъ, что маменька разсердилась не на шутку, а потому послать написанное имъ письмо не смѣлъ,—но рѣшился ѣхать самъ въ деревню, тѣмъ болѣе, что городъ его уже ничѣмъ не привлекалъ. Пріѣхавши, онъ разсказалъ маменькѣ все простодушно. Старуха въ началѣ очень сердилась, цѣлые два дни съ нимъ ни слова не говорила и строго запретила курить ему при себѣ табакъ. Спустя нѣсколько дней, молодому человѣку, искусившемуся сладостями городской жизни, сдѣлалось невыносимо скучно въ деревнѣ; по преимуществу, его начало въ уединеніи мучить желаніе жениться. Онъ заговорилъ объ этомъ съ

Аграфеной Кондратьевной, и она, по прежнему, была непрочь. Долго они придумывали, какую бы именно дѣвицу выбрать побогаче. Софи Моросенко оказалась удобнѣе всѣхъ: во первыхъ, она нравилась Степочкѣ; во вторыхъ, Аграфена Кондратьевна знала и любила это семейство и имѣла свѣдѣнія, что Соничка была любимая дочь, и что у родителей есть кое-что, и они, по всѣмъ соображеніямъ, наградятъ ее, особенно имѣя въ виду жениха съ такимъ состояніемъ, какъ Степочка. Такимъ образомъ мой герой снова возвратился въ К....., въ занимаемую имъ прежде квартиру. Пріѣхавъ по утру, онъ въ тотъ же день рѣшился сдѣлать первый визитъ Моросенкамъ, о которыхъ я и скажу здѣсь нѣсколько словъ. Самъ г. Моросенко былъ человѣкъ довольно странный—Богу одному извѣстно, что́ таилось у него на душѣ; и какого онъ даже былъ ума, въ городѣ этого никто не зналъ. Сама супруга его, Анна Михайловна, не скрывала этого и, говоря о мужѣ, часто выражалась такимъ образомъ: «вы знаете моего Ивана Иваныча и его глупую скрытность: его понять совершенно невозможно, что онъ за человѣкъ.» Наружность его была тоже какая-то таинственная; онъ почти никогда не говорилъ отъ себя никакой мысли, но всегда очень внимательно выслушивалъ отъ каждаго все, что ему говорили, хоть бы это былъ невыносимый вздоръ, и вообще до такой степени былъ молчаливъ, что острякъ-докторъ однажды сказалъ про него: «былъ у меня Моросенко: пришелъ, помолчалъ и ушелъ.» Супругѣ своей онъ во всемъ повиновался безусловно и былъ весьма благонравенъ: въ карты не игралъ, не курилъ и ничего не пилъ. Принимая

въ расчетъ его постоянное спокойствіе и цвѣтущее здоровьемъ лицо, можно было заключить, что онъ былъ вполнѣ доволенъ окружающею его средою, т. е. семействомъ, обществомъ и службой. Анна Михайловна имѣла совершенно другой характеръ: она была недовольна всѣми и всѣмъ, часто ссорилась съ знакомыми и постоянно говорила о томъ, какъ бы пристроить дѣтей, съ которыми, говорятъ, очень строго обращалась. Впрочемъ, ее безпокоили и предметы, совершенно для нея посторонніе. Случалась ли лѣтомъ засуха, или шли большіе дожди, она пророчила, что не будетъ ни хлѣба, ни корму. Покупалъ ли кто нибудь имѣніе, она непремѣнно ожидала, что купившій раззорится отъ этой покупки. Если умиралъ кто нибудь, то, по ея мнѣнію, оставшіеся сироты должны были безвозвратно погибнуть. Въ послѣднее время, она разсердилась на Ухмыревыхъ, которые дѣйствительно очень нехорошо поступили съ ней. Не говоря уже о томъ, что гордецъ Алексѣй Сергѣичъ, а также и супруга его не бывали у нихъ въ домѣ мѣсяца четыре; но на дняхъ были именины Анны Михайловны, она еще недѣли за три говорила объ этомъ въ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляла, что въ этотъ день намѣрена для Сонички дать вечерокъ. Несмотря на это, эти важные господа не только что не пріѣхали сами поздравить ее, но даже не прислали лакея, какъ будто забыли совсѣмъ. Оскорбленная до души, г-жа Моросенко поклялась во всю жизнь свою не бывать съ дочерью у Авдотьи Егоровны и строго запретила ѣздить къ нимъ мужу. Не ограничиваясь этимъ, она вздумала давать у себя вечера и всѣми силами отбивать у Ухмыревыхъ гостей. Сте-

панъ Гарасимычъ пріѣхалъ именно въ тотъ день, когда назначенъ былъ первый вечерокъ. Хозяйка встрѣтила молодого человѣка очень привѣтливо, надѣясь въ немъ видѣть гостя на своихъ вечерахъ, а можетъ быть даже и жениха для Сонички. Послѣднюю мою мысль подтверждаетъ нижеслѣдующая сцена.

— Вы не заняты сегодня вечеромъ? спросила она.

— Никакъ нѣтъ-съ. Мнѣ негдѣ быть теперь-съ, отвѣчалъ Степочка.

— Я думала, что не будете ли вы у Алексѣя Сергѣича; впрочемъ, я думаю, имъ теперь не до гостей, потому что они все любуются женихомъ и невѣстой.

Степана Гарасимыча подернуло.

— Какую прекрасную партію составляетъ Вѣра Павловна продолжала хозяйка.

Сальниковъ ничего не отвѣчалъ.

— Если вы не заняты, то могу я васъ просить пріѣхать къ намъ на вечерокъ?

— Очень пріятно. Я къ Алексѣю Сергѣичу ужь не буду больше ѣздить, отвѣчалъ гость.

— Право? отчего же? спросила Анна Михайловна самымъ простодушнымъ тономъ.

— Такъ-съ! они все меня обманывали.

— Будто! въ чемъ же это?

— Это моя тайна.

— Не смѣю спрашивать.

Приглашеніе на вечеръ очень развлекло Степана Гарасимыча. Вскорѣ вышла Софи, въ простенькомъ домашнемъ платьицѣ, которое къ ней очень шло, и присѣла къ молодому человѣку съ пріятной улыбкой.

— Софи, сказала мать: — что́жь ты не повторишь того романса, который ты разучила вчера?

Софи потупилась.

— Послѣ, maman.

— А я тебя прошу сейчасъ же, потому что послѣ некогда, сказала Анна Михайловна и взглянула на дочь какимъ-то особымъ взглядомъ, значеніе котораго та, вѣроятно, очень хорошо понимала, потому что тотчасъ же пошла къ фортепьяно.

— Вы поете? спросилъ Степочка, подходя къ дѣвушкѣ.

— Нѣтъ... такъ, отвѣчала Софи.

— Пропой, повторила мать.

Такъ какъ голосъ молодой дѣвицы оказался фальшивый сопрано, а фортепьяно было совершенно разстроено, то о музыкѣ пропѣтаго романса нельзя было сказать слишкомъ многаго, но за то слова его были весьма знаменательны:

«Ты видалъ ли ее,
«Ты знавалъ ли се,
«Какъ въ мечтаньяхъ она
«И робка и скромна?
«Ты знавалъ ли ее?
«Ты видалъ ли ее?

Выкрикивала M-lle Моросенко. Заключительный куплетъ романса былъ таковъ:

«Если видѣлъ все вдругъ,
«Если понялъ все вдругъ,
«И знавалъ ты ее,
«Знай — и я зналъ ее...

— Какія возвышенныя чувства! и какая прелестная музыка! произнесла Анна Михайловна.

Степану Гарасимычу тоже очень понравилось пѣніе Сонички. Онъ облокотился на фортепьяно, и лицо его приняло самое сладкое выраженіе.

— Вы, вѣроятно, учились пѣть у учителя, сказалъ онъ, по окончаніи романса.

— Нѣтъ, немного въ пансіонѣ, у madame. Вы сами поете, сказала Софи.

— Что́жь я пою? Я пою просто самоучкой. Спойте еще сами что нибудь и доставьте мнѣ это счастіе, проговорилъ Степочка, начиная входить въ экстазъ любезности.

— Merci: я что-то сегодня не расположена пѣть, отвѣчала дѣвушка.

Но я увѣренъ, что маменька заставила бы ее еще спѣть, если бы не пріѣхала знакомая намъ Катерина Петровна; и такъ какъ хозяйка знала, что эта дама очень дружна съ Ухмыревыми, то и рѣшилась хорошенько отдѣлать ихъ при ней, съ тѣмъ, чтобы она передала имъ.

— Давно были у Авдотьи Егоровны? спросила она гостью, усадивши ее на диванъ.

— Вчера была, отвѣчала Катерина Петровна.

— Скоро у нихъ будетъ свадьба?

— Право, не знаю; не думаю, чтобы скоро: у нихъ еще это не рѣшено.

— У меня всегда сердце надрывается, когда я слышу, какъ сироты выходятъ замужъ — просто очертя-голову. При отцѣ и матери этого никогда не бываетъ, произнесла хозяйка сострадательнымъ голосомъ.

— Этого нельзя сказать про Вѣру, возразила гостья.

— Я не про нее и говорю, а вообще; впрочемъ, и въ ея партіи ничего не вижу особеннаго.

— Особеннаго нѣтъ, но они любятъ другъ друга, и потому будутъ счастливы; ихъ пара—немного романическая, но что́жь такое? съ милымъ

человѣкомъ и въ хижинѣ бываетъ рай, отвѣчала Катерина Петровна. — M-r Salnikoff, давно ли вы здѣсь и гдѣ вы все это время пропадали? отнеслась она къ Степану Гарасимычу.

— Я былъ-съ болѣнъ, въ деревнѣ, у маменьки, отвѣчалъ онъ.

— Съ вами что-то такое случилось на помолвкѣ; отчего вы вдругъ вышли изъ-за стола?

Степанъ Гарасимычъ покраснѣлъ.

— У меня кровь пошла носомъ.

Катерина Петровна сдѣлала гримасу.

— А я думала, что у васъ кровь прилила къ сердцу.

— Вы всегда надо мной смѣетесь.

— Напротивъ, я сержусь на васъ: вы то говорите мнѣ любезности, то не замѣчаете меня.

— Я васъ всегда замѣчаю-съ.

— Какъ, напримѣръ, сегодня? вы даже не поклонились мнѣ.

— Я вамъ кланялся, но вы сами не видали: вы стояли ко мнѣ задомъ.

Катерина Петровна сдѣлала гримасу и начала разговаривать съ хозяйкой, которая опять свернула разговоръ на Ухмыревыхъ.

— Я у Авдотьи Егоровны теперь не бываю, начала она прямо: — и, конечно, уже болѣе съ ними знакома не буду, потому что на все есть свои границы.

— Я ничего не знаю и ничего не слыхала, замѣтила гостья.

— Можетъ быть, вы не слыхали и не знаете; но я знаю и рѣшилась говорить объ этомъ вездѣ. Вотъ ужь болѣе полу-года они не знаютъ, какъ двери въ моемъ домѣ отворяются. Можетъ быть,

имъ у насъ и скучно... я съ этимъ не спорю; но все-таки они должны бы были соблюсти приличіе и хоть бы побезпокоились поздравить меня, именинницу, худа ли, хороша ли я есть; но они и это забыли.

— Они васъ не поздравили? спросила съ удивленіемъ Катерина Петровна.

— Даже лакея не прислали, отвѣчала хозяйка.

Гостья покачала головой.

— Я ихъ знаю и понимаю давно, Катерина Петровна, продолжала Анна Михайловна.—Хоть, можетъ быть, вамъ это будетъ и непріятно, потому что вы такъ хорошо съ ними знакомы, но все-таки я буду говорить правду. Они очень невѣжливы, противъ всѣхъ невѣжливы. Ихняя племянница, я думаю, не проговорила ни съ вами, ни со мной, ни съ моей дочерью, ни съ другими дѣвицами слова. Это мы имъ прощали. Я съ перваго раза сказала, что эта дѣвушка жалкая, и мои слова теперь оправдываются. Она выходитъ, Богъ знаетъ, для чего и, Богъ знаетъ, за кого. Но Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна—другое дѣло. Мы ихъ давно знаемъ, мы ихъ всегда любили и уважали; знаемъ тоже, какое у нихъ и состояніе: гордиться имъ право передъ нами нечѣмъ...

— Они добрые, перебила гостья нерѣшительнымъ тономъ.

— Можетъ быть, отвѣчала хозяйка. Но вотъ я вамъ разскажу поступки ихъ со мною нынѣшней зимой: играла я съ Авдотьей Егоровной, у нея въ домѣ, въ вистъ; партія, конечно, была моя, маленькая. Пріѣзжаютъ другіе гости; вдругъ она, не кончивши нашей партіи, составляетъ другую, и за себя посадила играть ужь я и не знаю кого

— Она очень любитъ играть по большой, возразила опять Катерина Петровна нерѣшительно.

Анна Михайловна насмѣшливо улыбнулась.

— Я ей и не мѣшаю въ этомъ; отчего ей не играть по большой: денегъ у нихъ много, богатыхъ знакомыхъ тоже; но оскорбляюсь невѣжливостію... Про Алексѣя Сергѣича я не желала бы даже говорить: онъ рѣшительно необразованный мужикъ, онъ на своихъ вечерахъ дамамъ не кланяется, а моего Ивана Иваныча, который ужь никакъ не хуже его, разумѣетъ какъ пѣшку, потому только, что тотъ молчитъ и не возражаетъ ему, когда онъ что нибудь бормочетъ суконнымъ своимъ языкомъ.

— Я во многихъ отношеніяхъ не понимаю этого семейства, проговорила гостья.

— Прежде я сама считала ихъ—перебила хозяйка—за добрыхъ людей, а теперь вижу, что ошиблась.

Катерина Петровна нѣкоторое время еще отстаивала своихъ хорошихъ знакомыхъ, но потомъ и сама увлеклась. Не взирая на продолжительное и довольно тѣсное знакомство съ Ухмыревыми, она назвала Алексѣя Сергѣича человѣкомъ очень недальнымъ, а Авдотью Егоровну—смѣшною. Но болѣе всѣхъ, по ея отзывамъ, пострадала Вѣра Павловна: она прямо сказала, что эта дѣвушка будто бы на женщину не похожа, такъ какъ не имѣетъ никакихъ чувствъ, и годится только въ гувернантки, потому что кромѣ книгъ ничего не понимаетъ. Согласившись такимъ образомъ въ своихъ мнѣніяхъ объ Ухмыревыхъ и о невѣстѣ, двѣ дамы довольно долго спорили о женихѣ, котораго хозяйка въ грошъ не ставила, доказывая это тѣмъ,

что у него нѣтъ ни состоянія, ни чина, ни особой красивой наружности.

— Что́ же въ немъ остается? заключила она:— что волосы назадъ зачесываетъ да очки носитъ, такъ это еще не велика важность.

Катерина Петровна никакъ не хотѣла согласиться съ этимъ. Она клялась, что въ этой свадьбѣ жалѣетъ только молодаго человѣка, который одинъ тутъ теряетъ, потому что онъ съ большими достоинствами и далеко бы ушелъ, если бы не дѣлалъ глупости и не связывалъ бы себя этой женитьбой.

— Уменъ, добръ, благороденъ, образованъ, любимецъ теперь князя: чего же въ немъ недостаетъ и какого же Вѣрѣ Павловнѣ, по ея состоянію, по ея наружности, по ея болѣзнямъ и лѣтамъ, ожидать жениха? Ей бы я совсѣмъ запретила выходить замужъ: докторъ говоритъ рѣшительно, что у ней чахотка.

Весь этотъ разговоръ Степанъ Гарасимычъ слушалъ весьма внимательно и при послѣднихъ словахъ Катерины Петровны вмѣшался въ разговоръ.

— Вы, Катерина Петровна, не правду говорите, возразилъ онъ.—Вѣра Павловна не въ чахоткѣ-съ.

— Я, кажется, не имѣю причины выдумывать на нее, отвѣчала та.

— Вамъ, можетъ быть, завидно, что она замужъ выходитъ? бухнулъ спроста Степочка.

— Мнѣ завидовать нечему, потому что я замужемъ.

— Да что́ вы замужемъ-то-съ? У васъ у самихъ мужъ больной... вы, я думаю, сами года два его не видали?

Эта дерзость Степочки очень разсердила Катерину Петровну. Она посинѣла и едва имѣла духу сказать:

— Вы говорите глупо и дерзко.

— Я говорю-съ правду, пробормоталъ себѣ подъ носъ Сальниковъ и началъ раскланиваться съ хозяйкой, которая снова пригласила его быть у нихъ на вечерѣ.

Дамы еще нѣкоторое время говорили объ Ухмыревыхъ.

Вечеръ у Моросенки, назначенный въ-пику Ухмыревымъ, вышелъ очень недуренъ; но я бы о немъ не сталъ говорить, если бы герой мой не подпалъ новому увлеченію, которое имѣло вліяніе на его дѣйствія, и слѣдовательно на дальнѣйшій ходъ моего романа. Надобно сказать, что, не смотря на все стараніе хозяйки сдѣлать у себя общество помногочисленнѣе, съѣхалось очень немного, и то кое-кто. Люди позначительнѣе въ городѣ и играющіе въ карты, случайно, а можетъ быть и умышленно, были позваны къ Ухмыреву и, конечно, туда поѣхали. Изъ молодежи, кромѣ Степочки, никого не было. Уланъ недѣли двѣ какъ уѣхалъ къ своей сестрѣ, верстъ за четыреста; Мишель поступилъ ужь въ гусары. Изъ дѣвицъ, кромѣ Иринъ Шмаковой, состояло на-лицо три, изъ которыхъ только собственно была одна, дочь бухгалтера, нѣсколько замѣчательная тѣмъ, что очень походила на сумасшедшую Офелію. Но при всей малочисленности общества, хозяйка съумѣла одушевить его и послѣ всѣмъ говорила:

— У Ухмыревыхъ бываетъ гостей какъ сельдей въ боченкѣ, но все-таки зѣваютъ, а у меня и

двѣнадцать человѣкъ, да навеселились какъ нельзя лучше требовать.

Не имѣя возможности составить танцы, Анна Михайловна затѣяла разныя игры, или такъ называемыя petits jeux, за которыя кромѣ молодежи усадила двухъ дамъ и троихъ мужчинъ, между которыми былъ помѣщенъ и ея молчаливый супругъ. Есть пословица: на безрыбьи и ракъ рыба. Въ продолженіе цѣлаго вечера судьба пріятно ласкала самолюбіе моего Степочки: хозяйка безпрестанно къ нему адресовалась съ разными разговорами; изъ мужчинъ никто надъ нимъ не подшучивалъ; Софи была къ нему очень внимательна, пріятельница ея тоже,—про прочихъ дѣвицъ и говорить нечего. Сумасшедшая Офелія, когда молодой человѣкъ подалъ ей стулъ и попросилъ садиться, переконфузилась совершенно.

— Помилуйте, сдѣлайте милость, не безпокойтесь, проговорила она.

— Это наша обязанность, кавалеровъ, безпокоиться о дамахъ, отвѣчалъ Степочка, расшаркиваясь предъ ней.

Игры шли такимъ порядкомъ: начали *«охъ, болитъ»*. Читатель, можетъ быть, знаетъ, что въ этой игрѣ каждый изъ участвующихъ называетъ себя именемъ какого нибудь цвѣтка. Софи наименовала себя фіялкой, Иринъ — василькомъ, сумасшедшая Офелія — ераникомъ, и такъ далѣе. Степочка былъ всѣхъ изобрѣтательнѣе: онъ назвалъ себя чертополохомъ. Игру начала старшая хозяйка, которая назвала себя майскимъ розаномъ. Охъ, болитъ!... что́ болитъ?... сердце!... по комъ?... по чертополохѣ!... Чертополохъ: Охъ, болитъ!... что́ болитъ?... сердце!... по комъ?... по фіялкѣ!...

При этомъ случаѣ майская роза самодовольно улыбнулась, а фіялка сконфузилась и объявила, что сердце ея болитъ по василькѣ. Василекъ, съ своей стороны, открылся, что тоскуетъ по фіялкѣ, фіялка—по василькѣ, василекъ—опять по фіялкѣ, и такимъ образомъ разъ пятнадцать. Аннѣ Михайловнѣ это не понравилось.

— Софи! играть должны всѣ, сказала она, и скромная фіялка призналась, что сердце ея страдаетъ по чертополохѣ, котораго это очень утѣшило. Охъ, болитъ!... что́ болитъ?... сердце!... по комъ?... по фіялкѣ!... произнесъ Степочка во всеуслышаніе и шепнулъ Софи на ухо:

— Вы со мной также долго поговорите, какъ съ Ариной Васильевной.

— Маменька не приказываетъ, отвѣчала та.

«*Охъ болитъ*» перемѣнили на *почту*. Въ этой игрѣ Степанъ Гарасимычъ морилъ всѣхъ со смѣху своими шутками. Онъ говорилъ: «динь, динь, динь». Кто ѣдетъ?.... почта!... Съ чѣмъ?... Съ маменькой!...

— Съ чьей маменькой? спросилъ съ удивленіемъ одинъ изъ игравшихъ мужчинъ.

— Съ моей, отвѣчалъ Степочка и захохоталъ.

Прочіе тоже засмѣялись. Другой разъ онъ съострилъ такимъ образомъ: динь, динь, динь!... Кто ѣдетъ? никого-съ, — проѣхали мимо! Послѣдняя шутка его болѣе всѣхъ разсмѣшила одну изъ двухъ незначительныхъ дѣвицъ, которая обнаружила при этомъ довольно замѣчательное качество: она захохотала сиплымъ басомъ, какого у молодой дѣвицы нельзя было никакъ предполагать. Въ игрѣ, называемой: *Пантюшка, гдѣ ты?* случилось слѣдующее обстоятельство. Игра эта состоитъ въ

томъ, что всѣ становятся въ кругъ: одному завязываютъ глаза, а другому, также съ завязанными глазами, даютъ въ руки колокольчикъ. *Пантюшка, гдѣ ты?* спрашиваетъ первый, — второй звонитъ колокольчикомъ. Первый ловитъ. Степанъ Гарасимычъ ловилъ, Софи звонила въ колокольчикъ; и, чтобы спастись отъ его преслѣдованій, побѣжала въ гостиную, но онъ за ней, она—въ слѣдующую, потомъ — въ спальню и наконецъ — въ какую-то темную комнату. Сальниковъ не отставалъ.

— Вамъ тутъ нельзя, проговорила Софи, захлопнувъ дверь; но Степанъ Гарасимычъ не послушался: поймалъ ее и съ торжествомъ вывелъ въ залу.

Я боюсь утомить читателя описаніемъ дальнѣйшихъ подвиговъ, которые совершилъ на поприщѣ любезности мой богатый женихъ въ этотъ достопамятный для него вечеръ. Но скажу только то, что Софи, по приказанію ли маменьки, или по собственному желанію, съ нимъ явно любезничала. По окончаніи игръ, Степочка по крайней мѣрѣ съ полчаса ходилъ съ нею и съ Иринъ Шмаковой по залѣ.

— Если бы теперь было лѣто, мы бы въ горѣлки поиграли. Я очень шибко бѣгаю, говорилъ онъ между прочимъ.

— Я сама скоро бѣгаю, сказала Соничка.

— Я шибче васъ, возразилъ Степанъ Гарасимычъ.—Теперь я отвыкъ, но когда жилъ въ Петербургѣ, то тамъ ходилъ больше пѣшкомъ: отъ извощиковъ никогда не отставалъ: верстъ шесть въ часъ проходилъ.

— Вы долго жили въ Петербургѣ? спросила Иринъ.

— Годъ и два мѣсяца-съ.

— Мы, можетъ быть, съ папенькой нынѣшній годъ поѣдемъ въ Петербургъ, отнеслась Иринъ къ Софи.

— Ахъ, нѣтъ, ma chére, не ѣзди; я тебя не пущу: безъ тебя я умру съ тоски, проговорила Софи.

— Какъ я вамъ завидую, Арина Васильевна, вмѣшался Степочка.

— Въ чемъ?

— Софья Ивановна о васъ сожалѣютъ, а вотъ обо мнѣ никто не пожалѣетъ!

— И у васъ, можетъ быть, есть какой нибудь другъ? сказала Софи.

— Нѣтъ-съ, никого. Да и что́жь, другъ? онъ— мужчина; мнѣ бы гораздо было пріятнѣе, если бы меня пожалѣла какая нибудь дѣвица.

Съ Анной Михайловной Степанъ Гарасимычъ имѣлъ также весьма значительный разговоръ. Она подозвала его къ себѣ и посадила рядомъ съ собой на диванъ, въ угольной комнатѣ.

— Что вы не женитесь, молодой человѣкъ? сказала она.

— Судьбы нѣтъ-съ.

— Полноте. Что́ это за судьба! — У васъ, молодыхъ людей, это обыкновенная отговорка. Вамъ непремѣнно надобно жениться; маменька у васъ стара, больна. Нѣтъ лучше ея ногѣ?

— Нѣтъ-съ: все хуже день ото дня.

— Ахъ, бѣдная, бѣдная! я ее ужь года два не видала.... Утѣшьте ее: женитесь.

— Я готовъ, Анна Михайловна; но нынче дѣвицы очень разборчивы.

— Вы это напрасно, Степанъ Гарасимычъ, ду-

маете. Ныньче дѣвушкамъ не должно быть разборчивымъ. У меня хоть и своя теперь есть дочь на рукахъ, но я вамъ скажу откровенно, что здѣсь всякая дѣвица должна счесть за счастіе выйти за васъ.

При всемъ простодушіи, Стёпочка догадался, какой ему Анна Михайловна давала тонъ: и такъ какъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его вновь задуманнымъ планамъ, то онъ началъ на Софи смотрѣть, замѣтно, нѣжными глазами.

II.

Недѣли черезъ полторы по городу огласилась еще помолвка. Степанъ Гарасимычъ сдѣлалъ предложеніе Софьѣ Ивановнѣ и получилъ согласіе. Молодой человѣкъ еще прежде помолвки необыкновенно развернулся: нанялъ другую, гораздо лучшую квартиру; привелъ изъ деревни, вмѣсто рыжки, хотя не совсѣмъ откормленнаго, но съ хорошими статями гнѣдаго жеребца, купилъ поѣзженные чухонскіе сани и наконецъ собственно для своей особы пріобрѣлъ енотовую шубу въ полтораста рублей сер. и каждый день началъ кататься во всемъ этомъ нарядѣ по городу. Проѣзжая мимо дома Ухмыревыхъ, онъ всякій разъ насупливался и принималъ какую-то особенно важную позу. Получивъ слово, онъ задумалъ презентовать невѣстѣ нѣкоторыя изъ своихъ золотыхъ вещей. Нельзя сказать, чтобы это рѣшеніе не стоило ему, по его страстной любви къ цѣннымъ предметамъ, большого усилія надъ самимъ собою: въ первую минуту онъ было предназначилъ въ подарокъ свои

лучшіе брегетовскіе часы и брильянтовый перстень, но раздумалъ и подарилъ только старую золотую цѣпочку и, съ самымъ крошечнымъ брильянтикомъ, мужскую для галстуха булавку. Анна Михайловна только пожала плечами, увидѣвъ эти подарки, но, разсчитывая на будущее, ничего не дала замѣтить ни жениху, ни дочери. Такъ какъ обязанность автора открывать самыя отдаленныя причины дѣйствій своихъ героевъ, то я прямо объясню, что Сальниковъ все это дѣлалъ, имѣя въ виду досадить Вѣрѣ Павловнѣ: онъ нарочно ѣздилъ мимо ихъ дома, желая тѣмъ показать, что франтитъ, веселится и забылъ о ней, жестокой, думать: съ этою же собственно цѣлью, онъ поторопился даже присвататься къ М-lle Моросенко. До него дошло стороной, что Шамиловъ послѣ помолвки подарилъ невѣстѣ брильянтовыя серьги, — и онъ своей подарилъ. Невинная Софи, вслѣдствіе маменькиныхъ внушеній, которая съумѣла ей растолковать прелесть быть шестисотной барыней, была въ полномъ восторгѣ и цѣлые дни проговаривала съ своимъ другомъ Иринъ о томъ, какія у нея будутъ отличныя лошади, модные экипажи, каменный домъ, платья, брильянты, и та, съ своей стороны, пришла тоже въ такой восторгъ, что хотѣла оставить папеньку, у котораго ей было очень скучно, и переѣхать жить къ пріятельницѣ. Моросенки вмѣстѣ съ женихомъ сбирались ѣхать къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, чтобы принять отъ нея благословеніе и представить ей будущую невѣстку, но старуха, узнавъ объ этомъ, просила не безпокоиться и хотѣла пріѣхать сама денька на два въ городъ. Въ домѣ Алексѣя Сергѣича не было ничего новаго, кромѣ того, что Шамиловъ началъ болѣе зани-

маться. Въ послѣднее время между нимъ и нѣвѣстой какъ будто что-то произошло, потому что въ разговорахъ съ нею онъ сдѣлался насмѣшливъ и когда Вѣра ему говорила, что очень его любитъ, двусмысленно улыбался и постоянно называлъ ее: «сѣверная женщина!» Милая моя героиня при другихъ вела себя какъ и прежде, но въ своей комнатѣ каждое утро обливалась горькими слезами. Катерина Петровна, несмотря на то, что въ предъидущей главѣ позволила себѣ говорить у Анны Михайловны не совсѣмъ выгодно о семействѣ Ухмыревыхъ, ѣздила къ нимъ каждый вечеръ и очень подружилась съ Вѣрой, но болѣе того съ Шамиловымъ, который даже при невѣстѣ называлъ ее другомъ своимъ, и, ходя послѣ занятій гулять, завертывалъ къ ней, чтобы выпить чашку кофе и полюбоваться ея маленькой, но удивительно мило отдѣланной квартиркой. Квартира Катерины Петровны была дѣйствительно прелестная: она состояла всего изъ четырехъ комнатъ, но такихъ чистенькихъ, такихъ свѣтленькихъ, съ такимъ вкусомъ меблированныхъ, что столики, кушетки, ковры, лампочки, даже горничная и лакей,—все у ней было прекрасивое. Изъ того, что̀ я говорилъ объ этой дамѣ, читатель можетъ заключить, что она, кромѣ нѣкоторой наклонности къ злословію, была очень хорошаго тона, неглупа, весьма недурно образована и отчасти хитра. Но зная ея прошедшую жизнь, я къ этому прибавлю, что она была съ большимъ характеромъ. Будь на ея мѣстѣ, въ ея семейномъ положеніи другая женщина, то ей бы рѣшительно не пришло въ голову убирать съ такимъ вкусомъ квартиру, ѣздить разодѣтою на вечера, балы и обѣды. Она была очень несчастлива въ

замужествѣ; мужъ ея былъ помѣшанъ; она лѣтъ пять ѣздила по всевозможнымъ водамъ, жила въ Одессѣ, на Грязяхъ—ничто не помогало: сумашествіе усилилось до такой степени, что онъ началъ драться и ей нѣсколько разъ угрожала опасность лишиться жизни. Медики посовѣтовали помѣстить его въ сумашедшій домъ, что́ Катерина Петровна и исполнила; а теперь пріѣхала въ свою губернію, чтобы поустроить хоть сколько нибудь дѣла по имѣнію. Въ этихъ несчастіяхъ, какъ видитъ самъ читатель, она не потерялась и старалась по возможности, разсѣять себя. Однако, у ней каждый разъ навертывались на глазахъ слезы, когда ее спрашивали о несчастномъ страдальцѣ.

Въ одно утро, Катерина Петровна встала, по обыкновенію, въ одинадцать часовъ, въ продолженіе двѣнадцатаго одѣлась и начала пить кофе. Хорошенькая горничная доложила.

— Петръ Александрычъ!

И вслѣдъ за тѣмъ вошелъ Шамиловъ.

— Bon jour! сказала хозяйка.

Шамиловъ поклонился и сѣлъ.

— Что̀ Вѣра? я ее вчера не видала.

— Ничего, отвѣчалъ тотъ, закуривая сигару и наливая себѣ кофе.

— Я сейчасъ получила письмо отъ Карелина: вамъ кланяется и пишетъ, что умираетъ со скуки; только и разсѣянія, что возитъ въ телѣжкѣ по горницамъ сестриныхъ дѣтей, у которой ихъ цѣлая дюжина.

— А у васъ съ нимъ переписка?

— Нѣтъ. Это что̀ за вопросъ, и такимъ тономъ?

— Онъ васъ очень интересовалъ?

— Перестаньте, Богъ съ вами! Конечно, онъ очень милъ, не дуренъ собой....

— Онъ милъ, недуренъ собой и глупъ,—три качества, съ которыми весьма удобно нравиться женщинамъ.

— Вы сегодня злы, нельзя ли узнать только на кого?

— На всѣхъ и на все.

— Вѣрно опять съ Вѣрой поссорились.

— Если я поссорился и поссорился теперь окончательно, то конечно, не съ кѣмъ болѣе, какъ съ самимъ собой.

— Это что̀ за новость?

— Вовсе не новое, а напротивъ, очень старое. Можно ли себѣ вообразить человѣка, который былъ бы въ такомъ глупомъ положеніи, какъ я? что̀ я теперь дѣлаю? женюсь? нѣтъ! Свадьба будетъ Богъ знаетъ когда! учусь? нѣтъ! науки съ любовью не очень ладятъ! Князь вонъ теперь все хвораетъ, отъ этого дяденьки и тетеньки никакого конечно и толку ждать нечего. Но пусть бы все это вознаграждалось любовью и симпатіей со стороны Вѣры? Клянусь моей честью, люби она меня такъ, какъ я понимаю любовь, будь въ ней это женское самоотверженіе, которое одно и составляетъ счастіе въ любви, я забылъ бы все и жилъ бы этимъ чувствомъ. Но вы знаете Вѣру: она умна, хороша, образована, мечтательна, но и только. Она вѣритъ, какъ въ дважды два четыре, что можетъ на свѣтѣ существовать рыцарская любовь, и что, во имя избранной красавицы, можно терпѣть и ждать цѣлые годы, съ тою перспективою, чтобы быть осчастливлену и вознаграждену поцалуемъ ручки.

— Чегожь вы хотите?

— Ахъ, Боже мой, чего! къ чему откладывать свадьбу? Если нужно, бѣги со мной, но....

— Вы очень нетерпѣливы, Шамиловъ: надо ждать.

— Чего же ждать, позвольте васъ спросить?

— Это вы лучше должны знать.

— Никто этого не знаетъ, повѣрьте мнѣ. Мы ждемъ и сами не знаемъ чего, проговорилъ Шамиловъ, всталъ и большими шагами началъ ходить по комнатѣ.

— Если говорить откровенно, то мнѣ васъ жаль, Петръ Александрычъ, начала хозяйка: я не понимаю Вѣры; я не могла бы такъ любить, какъ любитъ она.

— Еще бы! вы и она есть маленькая разница; вы не сѣверная женщина: у васъ есть энергія; вы можете влюбить въ себя человѣка безумно и сами его также полюбите; вы не станете бояться того, чтобы не огорчить дяденьку, тетеньку и всю эту родственную обстановку,

— Я въ жизнь свою никогда ничего не расчитывала, а въ любви была просто сумасшедшая: доказательство—мое замужство. Я вышла за моего мужа, когда всѣ были противъ этого, потому что въ немъ уже и тогда были эти несчастные припадки.

— А послѣ развѣ вы не любили?

Катерина Петровна вздохнула.

— Нѣтъ, проговорила она.

— И не думаете полюбить?

— Не знаю; да и что пользы въ томъ! мы, влюбленныя старухи, бываемъ только смѣшны.

— Вы старуха?

— А какже? мнѣ двадцать-семь лѣтъ... И сколько я перенесла въ жизни! припоминая прошлое, я удивляюсь, какъ достало у меня столько силъ, что я жива до сихъ поръ.

— Не жалуйтесь на это, Катерина Петровна! Ничто такъ не развиваетъ и не возвышаетъ женщину, какъ жизнь и несчастіе. Вѣра намъ живой примѣръ оранжерейнаго, тепличнато воспитанія; въ ней все умно, логично, послѣдовательно, но сердца, —нѣтъ! оно убито,—убито наукой и абстрактнымъ германскимъ романтизмомъ. Страсти она понимаетъ въ идеѣ; она будетъ сочувствовать имъ въ книгѣ, но, встрѣтя ихъ въ жизни, испугается. По моему, пусть женщина будетъ суетна, вѣтрена, глупа, но только чтобы жила сердцемъ, а не мозгомъ.

— Я съ вами не согласна, Петръ Александрычъ, насчетъ Вѣры. Она холодна не столько по воспитанію, сколько по своему флегматическому характеру: она дѣвушка больная, еще теперь стала нѣсколько здоровѣе, а прежде почти черезъ день хворала.

— Послушайте, перебилъ Шамиловъ:—я хочу съ вами говорить откровенно, потому что, ей Богу, у меня силъ недостаетъ держать все на душѣ! На первыхъ порахъ она меня очаровала; но потомъ никакого развитія въ страсти ни въ ней, ни во мнѣ, и перваго сравненія, которое я сдѣлалъ ей съ женщиною, созданною непосредственно жизнію, она не выдержала.

— Съ кѣмъ же это вы ее сравнили? спросила хозяйка.

— А вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Съ вами. Чему же вы удивились?... Вы женщина въ глубокомъ значеніи этого слова,—женщина, а она—нѣтъ.

При этихъ льстивыхъ словахъ молодаго человѣка, Катерина Петровна растерялась.

— Я не ожидала, чтобы вы были такой повѣса, произнесла она, качая головой.

— А вы находите, что я только повѣса и больше ничего?

— Да, или покрайней мѣрѣ очень странный человѣкъ.

— Послушайте, Катерина Петровна, воскликнулъ Шамиловъ, останавливаясъ передъ ней: не удивляйтесь и не упрекайте меня! Знаете, есть одинъ герой романа, называемый Рене, про котораго говорятъ, что онъ подстрѣленый орелъ. Прочитайте этотъ романъ и вы тогда поймете меня. Во мнѣ много силъ и не такое-бы мнѣ поле разработывать.

Катерина Петровна пожала плечами.

— Но я все таки не понимаю, чего вы хотите и чѣмъ недовольны.

— Когда непонимаете, тѣмъ хуже для меня, проговорилъ молодой человѣкъ и взялся за шляпу.

— Куда-же вы, спросила она съ удивленіемъ и неудовольствіемъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ, не смѣю, не могу, волненіямъ любви безумно предаваться» проговорилъ ей вмѣсто отвѣта Шамиловъ и поцѣловавъ у ней руку, пошелъ. Катерина Петровна кричала было въ слѣдъ ему посидѣть хоть немного; но онъ не вернулся. По походкѣ и по выраженію лица, видно было, что дорогой его занимала какая-то безпокойная мысль. Прійдя домой, онъ, не снимая теплаго

пальто, схватился за перо и началъ писать на листѣ почтовой бумаги:

«Катерина Петровна!

«Знаю, что стыдно и неприлично мнѣ открыть вамъ то, что́ я хочу открыть, но «явенъ грѣхъ малу вину творитъ.» Мнѣ мало вашей дружбы: я хочу любви, той любви, къ какой вы способны, энергическая душа!...»

— Алексѣй Сергѣичъ заѣхали за вами, проговорилъ надъ самымъ его ухомъ ухмыревскій лакей въ ливреѣ, такъ что Шамиловъ вздрогнулъ, и первымъ его дѣломъ было изорвать начатое письмо на мелкіе куски.

— Кто? спросилъ онъ съ сердцемъ.

— Алексѣй Сергѣичъ, съ барыней и съ барышней, обновляютъ новые сани и васъ зовутъ.

— Хорошо, приду; ступай.

Лакей ушелъ.

Петръ Александрычъ, нехотя, надѣлъ шляпу и пошелъ за нимъ.

Сходя съ лѣстницы, онъ проговорилъ:

— Ахъ ты воля, моя волюшка, ты прошла, знать, миновалася.

Въ саняхъ ему было оставлено мѣсто напереди, рядомъ съ Алексѣемъ Сергѣичемъ.

Въ продолженіе всего катанья, Шамиловъ молчалъ; Вѣра была грустна и только по временамъ взглядывала робко на жениха. Алексѣй Сергѣичъ занятъ былъ, по преимуществу, тѣмъ, что наблюдалъ за впечатлѣніемъ, которое производятъ на всѣхъ встрѣчныхъ его новые сани. Авдотья Егоровна, боявшаяся очень холоду и выѣхавшая въ открытомъ экипажѣ изъ угожденія только мужу, куталась въ шаль, салопъ, муфту и т. п. Такимъ

образомъ, катающіеся, объѣхавъ раза два весь городъ, не проговорили почти ни слова. Ухмыревъ, завезя барынь и Петра Александрыча домой, самъ поѣхалъ дѣлать визиты. Озябнувшая Авдотья Егоровна ушла къ себѣ въ спальню, чтобы обтереться виномъ и напиться горячаго чаю.

Вѣра осталась съ Шамиловымъ вдвоемъ. Разговоръ у нихъ не начинался. Петръ Александрычъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вѣра какъ будто бы глядѣла въ окно. Прошло, по крайней мѣрѣ, четверть часа въ молчаніи.

— Ты не любишь меня больше, проговорила наконецъ Вѣра тихимъ голосомъ.

Шамиловъ горько улыбнулся.

— А вы меня любите?

— Ты, кажется, видишь.

— Вижу, Вѣра: это-то мое и несчастіе, что я очень хорошо все вижу.

— Что́ же ты видишь?

— А то, какъ вы осторожно и умѣренно любите. Такого рода спокойное чувство въ женѣ простительно, а въ невѣстѣ немного рано.

Вѣра заплакала.

— Вѣра! это невыносимо, началъ Шамиловъ: съ вами невозможно говорить. Послѣ перваго моего откровеннаго слова вы начинаете плакать.

— Вы сами заставляете меня плакать... ваше недовѣріе, вашъ насмѣшливый тонъ: за что́ все это? Если вы чѣмъ нибудь недовольны мной, скажите мнѣ прямо.

Шамиловъ ничего не отвѣчалъ, но, отойдя къ столу, сѣлъ, схватилъ себя обѣими руками за голову и задумался. Вѣра внимательно посмотрѣла на жениха, какъ бы желая узнать, что́ у него на

душѣ, и ей стало жаль его. Она встала съ веселой улыбкой, подошла къ нему потихоньку и поцаловала въ голову; но Петръ Александрычъ не замѣтилъ этого. Вѣра сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ и взяла его за руку, но онъ оставался въ прежнемъ положеніи.

— Пьеръ! за что́ ты на меня сердишься? проговорила добрая дѣвушка.

— Другъ мой! началъ онъ полу-трагическимъ голосомъ: намъ невозможно оставаться въ томъ двусмысленномъ положеніи, въ которомъ находимся теперь, потому что мы съ каждымъ днемъ утрачиваемъ вѣру въ взаимную любовь нашу.

— Что́жь намъ дѣлать?

— Три выхода изъ нашего положенія: первый, какъ я прежде тебѣ говорилъ, просить твоихъ родныхъ обезпечить насъ, и послѣ-завтра же обвѣнчаться.

— Это невозможно, Пьеръ: у дяди ничего нѣтъ, онъ весь въ долгахъ.

— А князь?

— Князь мнѣ посторонній человѣкъ; онъ и то много сдѣлалъ для меня. Больше я ничего не въ состояніи у него просить.

— Въ такомъ случаѣ, началъ Шамиловъ: рѣшись идти подъ вѣнецъ такъ, какъ ты сидишь теперь, въ одномъ этомъ платьѣ, и поѣдемъ въ Москву. Я откажусь отъ всѣхъ моихъ надеждъ и буду давать уроки.

— На это не согласятся родные.

— Убѣжимъ.

— Нѣтъ, Пьеръ... я не могу, я не должна на это согласиться... я скорѣе умру, чѣмъ позволю

себѣ обременить тебя, когда ты самъ еще не имѣешь ничего опредѣленнаго.

— Стало быть ни то, ни другое вамъ не нравится; но есть третій выходъ: я послѣ-завтра же ѣду въ Москву и буду пристроивать свою голову, какъ и гдѣ Богъ приведетъ.

— Зачѣмъ же послѣ-завтра? спросила Вѣра, поблѣднѣвъ.

— Затѣмъ, что здѣсь я только теряю безполезно время: вблизи васъ, Вѣра, я заниматься не могу, надѣяться ни на кого и ни на что не долженъ, потому что всѣ думаютъ только о самихъ себѣ и весьма расчетливо обставляютъ свою личность, такъ что проигрываю одинъ только я. Но во всякомъ случаѣ даю вамъ честное слово, что въ годъ или, можетъ быть, менѣе составлю себѣ карьеру, съ пріятною надеждою, что современемъ и вы рѣшитесь вытти за меня, если только въ продолженіе этого времени не представится вамъ болѣе выгодная партія, которую я не только не стѣсняю васъ принять, но даже совѣтую, потому что самое благоразуміе, а его у васъ такъ много, ясно говоритъ, какъ мало надобно надѣяться на мальчишку, который, можетъ быть, и нравился, но слишкомъ былъ...

— Не доканчивайте, Петръ Александрычъ! перебила Вѣра: вы слишкомъ ужъ много сказали. Время покажетъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ. Если вамъ нужно, поѣзжайте хоть сегодня же, а я васъ буду всю жизнь любить чѣмъ бы вы ни были и гдѣ бы вы ни были...

Далѣе Вѣра не въ состояніи была говорить: у нея захватило дыханье; она встала и ушла въ

свою комнату. Шамиловъ остался на прежнемъ мѣстѣ.

Къ обѣду Вѣра впрочемъ вышла, но у ней былъ такой дурной цвѣтъ лица, что Авдотья Егоровна испугалась.

— Что̀ съ тобой, ангелъ мой? ты на себя не похожа, спросила она.

— Ничего, ma tante; я давича озябла... до сихъ поръ не могу согрѣться.

— Какъ же быть такой неосторожной! одѣлась легко и, пріѣхавъ, не напилась ничего теплаго.

— Угодно вина? сказалъ Шамиловъ, наливая рюмку.

— Не хочу, отвѣчала Вѣра: такъ пройдетъ.

— Выпить надобно-съ, замѣтилъ дядя.

Но Вѣра не выпила и ничего почти не ѣла. Шамиловъ также почти не ѣлъ, но вина выпилъ нѣсколько рюмокъ.

— Я нѣкогда читалъ, началъ онъ: не помню въ какомъ журналѣ повѣсть, названную «Кокетка»... удивительно хороша!

— Что̀ такое? спросила Авдотья Егоровна: вѣрно опять что нибудь смѣшное разскажете?

— Нѣтъ-съ, напротивъ, очень печальное. Тутъ выводится одинъ молодой человѣкъ, живой, страстный, очень неглупый, но слишкомъ молодой. На первомъ же шагу въ большой свѣтъ онъ встрѣтилъ одну дѣвушку, красавицу, богатую и свѣтскую. Она была окружена толпою поклонниковъ, въ фалангу которыхъ и онъ попалъ.

— Врѣзался значитъ, объяснилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Именно врѣзался, и врѣзался до сумашествія: его замѣтили, или лучше сказать, предпоч-

ли. Ему позволили говорить о любви и даже съ своей стороны какъ будто бы что-то подобное высказывали. Два года слѣдилъ онъ за ней какъ тѣнь, потерялъ въ это время службу, здоровье, состояніе, блестящую партію, которую приготовляли было для него родные. Но вотъ въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ онъ къ нимъ въ домъ, и ему торжественно объявляютъ, что она выходитъ замужъ за старика-урода, но богача.

— Какъ часто въ свѣтѣ это бываетъ! произнесла Авдотья Егоровна.

— Бываетъ-съ. Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ, на первыхъ порахъ, молилъ не обманывать его, безпрестанно высказывалъ сомнѣніе въ ея чувствахъ, молилъ, чтобы она однимъ разомъ покончила его страданія, но она или сердилась на него, или отъигрывалась словами.

— Зачѣмъ же все это она дѣлала? спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Это объясняетъ заглавіе: «Кокетка», отвѣчалъ Шамиловъ.

Съ Вѣрой сдѣлался кашель, такъ что она принуждена была закрыть лицо платкомъ.

— Запей водой, душа моя... что̀ это сегодня съ тобой? отнеслась къ ней Авдотья Егоровна.— Чѣмъ же кончилось, Петръ Александрычъ?

— Кончилось драматически; она получила аналогическое наказаніе: въ одну ночь, которая у нея не занята была баломъ, онъ подкупилъ людей и вошелъ въ ея будуаръ, худой, блѣдный, и слѣдующую къ ней рѣчь повелъ: «вы умерщвляли меня нравственно два года и достигли этого; сердце и умъ мой убиты, теперь я пришелъ къ вамъ, чтобъ вы убили меня физически: вотъ ядъ,

отравите меня—это послѣдняя моя къ вамъ просьба», и съ этими словами подаетъ ей небольшой пузырекъ. Она испугалась, схватилась за стклянку, которая лопнула, и жидкость брызнула ей на лицо. Ядъ обезобразилъ ее, а онъ сошелъ съ ума.

— Ну врядъ ли это можетъ быть, это сказки, замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— За конецъ я не спорю; онъ придуманъ, и придуманъ несовсѣмъ удачно, но предъидущее все справедливо и часто повторяется въ жизни.

Мы легко можемъ догадаться, съ какой цѣлью Шамиловъ разсказывалъ эту интересную повѣсть, въ которой даже кое-что перемѣнилъ, сообразно съ своей задней мыслію. На чей счетъ все это было говорено, тоже поняли. Вѣра едва имѣла силы дойти до наугольной и, закутавшись въ мантилью, сѣла на диванъ; съ ней сдѣлался лихорадный припадокъ. Авдотья Егоровна совѣтовала ей идти лечь въ постель и напиться мяты, но она отказалась. Алексѣй Сергѣичъ велѣлъ Шамилову приготовить экипажъ. Когда лошади были готовы, Петръ Александрычъ пришелъ проститься съ невѣстой.

— Куда вы? спросила она.

— Домой: заниматься надо.

— Какую вы славную повѣсть разсказывали!

— Хороша-съ.

— Сегодня мы вѣрно съ вами не увидимся? Вы, можетъ быть, еще захотите припомнить или сочинить какую нибудь исторію въ родѣ давишней.

— Мнѣ не для чего сочинять: достаточно если я стану разсказывать, что́ со мною самимъ про-

исходитъ, произнесъ онъ, протягивая руку, которую Вѣра взяла и крѣпко сжала; но Шамиловъ не отвѣтилъ ей тѣмъ же.

Послѣ описаннаго мною дня, Вѣра Павловна сдѣлалась серьёзно больна, такъ что Шамиловъ перепугался: онъ цѣлый день сидѣлъ въ ея комнатѣ, самъ подавалъ ей лекарство и безпрестанно спрашивалъ, лучше ли ей. Авдотья Егоровна не менѣе Петра Александрыча встревожилась и почти не отходила отъ больной. Она съ ужасомъ разсказала всѣмъ своимъ знакомымъ о болѣзни Вѣрочки, слѣдующимъ образомъ; «мы были съ Алексѣемъ Сергѣичемъ на вечерѣ. Она не поѣхала съ нами и говорила, что не такъ хорошо себя чувствуетъ; но я думала, что просто полѣнилась и была тамъ покойна, но пріѣхавъ, обмерла, потому что нашла ее, бѣдненькую, въ такой истерикѣ, какой со мной никогда не случалось, хоть я и подвержена этой ужасной болѣзни выше всякихъ словъ». Алексѣй Сергѣичъ мало обращалъ вниманія на болѣзнь племянницы и все это время былъ въ полномъ самодовольствѣ: на дняхъ онъ цѣлое утро сидѣлъ у князя; вмѣстѣ съ нимъ были Шмаковъ и помѣщикъ-охотникъ, у котораго на той недѣлѣ должна была состояться свадьба дочери, и потому онъ униженно просилъ его сіятельство быть посаженымъ отцемъ. Но князь, ссылаясь на болѣзнь, рѣшительно отказался. Шмаковъ тоже былъ довольно сухо принятъ, несмотря на то, что онъ, по бойкости своего характера, завелъ было продолжительный разговоръ о своихъ значительныхъ петербургскихъ знакомыхъ; но хозяинъ не дослушалъ и обратился къ Алексѣю Сергѣичу: давно ли и чѣмъ именно больна

Вѣра? Кромѣ этого лестнаго предпочтенія отъ князя, Ухмыревъ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ игралъ у одного пріѣзжаго помѣщика, переѣзжавшаго обыкновенно изъ одного города въ другой и заводившаго вездѣ довольно серьёзную игру. Алексѣй Сергѣичъ въ душѣ уважалъ этого помѣщика, потому что постоянно видѣлъ его съ большими деньгами и постоянно играющимъ по большой суммѣ.

Съ самой болѣзни, Шамиловъ сдѣлался къ невѣстѣ, по прежнему ласковъ и нѣженъ: о произшедшей размолвкѣ ни она, ни онъ не говорили ни слова; поѣздку въ Москву Петръ Александрычъ или отложилъ, или по крайней мѣрѣ, не упоминалъ о ней. Катерина Петровна ѣздила къ Ухмыревымъ довольно часто и обнаруживала къ Вѣрѣ необыкновенное участіе и даже нѣкоторымъ образомъ лесть.

— Вы, Вѣра, еще похорошѣли; какъ идетъ къ вамъ эта блѣдность! говорила она.

Но къ Шамилову она перемѣнилась совершенно: очень мало говорила съ нимъ и если относилась иногда въ общемъ разговорѣ, то съ явнымъ желаніемъ уколоть. Петръ Александрычъ на всѣ ея насмѣшливыя замѣчанія или отшучивался, или молчалъ; но наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ они явно поссорились.

— Петръ Александрычъ, сказала Катерина Петровна: отчего вы, ѣздивъ каждый день мимо меня, такъ нынче недобры, что ни разу не хотите завернуть ко мнѣ: такъ друзьямъ не слѣдуетъ дѣлать. Вѣра Павловна, я вамъ жалуюсь на вашего жениха.

*

— Отчего же ты не хочешь заѣхать? спросила Вѣра.

— Очень просто: я тороплюсь видѣть тебя, отвѣчалъ, нахмурившись, Шамиловъ.

— Право? воскликнула Катерина Петровна.

И воскликнула такъ недовѣрчиво, что Вѣра и Авдотья Егоровна посмотрѣли на нее съ удивленіемъ и переглянулись между собой.

Шамиловъ еще болѣе нахмурился и молчалъ.

— Онъ со мной не хочетъ говорить, замѣтила Катерина Петровна.

— О чемъ же мнѣ прикажете съ вами говорить? возразилъ Шамиловъ.

— А, mon Dieu! я вамъ и не думаю приказывать: для меня, право, все равно.

— Видно, не все равно.

— Нѣтъ-съ все равно, ей Богу, все равно.

— Вы, кажется, не на шутку пикируетесь, замѣтила Авдотья Егоровна, желавшая прекратить эту сцену.

Но Катерина Петровна не унималась и продолжала:

— Какъ нынче друзья перемѣнчивы: нѣсколько дней назадъ, Петръ Александрычъ повѣрялъ мнѣ всѣ свои задушевныя тайны, а теперь даже говорить не хочетъ; чѣмъ я тутъ виновата?

— Какія же это ты тайны повѣрялъ? спросила Вѣра.

Шамиловъ поблѣднѣлъ.

— Не знаю: я никакой имъ не повѣрялъ, скорѣе выпытывалъ ихъ тайны.

— Никакой?... Ахъ, вы несправедливый человѣкъ! воскликнула Катерина Петровна, ну смотрите, я васъ выведу же на свѣжую воду.

— Сколько вамъ угодно! и на вся и все, что́ вы станете при мнѣ и обо мнѣ говорить, я не буду ни возражать, ни оправдываться.

— Это для васъ будетъ самое лучшее, сказала Катерина Петровна.

И, посидѣвъ немного, уѣхала. При прощаніи, она сказала со вздохомъ Вѣрѣ:

— Je souhaite, Véra, que vous soyez heureuse avec votre futur mari.

— Пьеръ, что́ такое у васъ? спросила та, съ безпокойствомъ Шамилова.

— Ничего особеннаго: эта женщина ниже словъ; я знаю про нее ужасныя вещи, она теперь боится меня и хочетъ запутать, отвѣчалъ онъ.

— Я сама нынче разлюбила ее: она никого не оставитъ въ покоѣ, всѣхъ пересмѣетъ и о каждомъ скажетъ что нибудь дурное, проговорила Авдотья Егоровна.

На другой день она подробно разсказала Алексѣю Сергѣичу весь разговоръ съ Шамиловымъ и просила его объяснить, что́ такое все это значитъ.

— Ничего не значитъ: болтаютъ, отвѣчалъ тотъ, ихъ обоихъ надобно княземъ пугнуть.

III.

Въ началѣ масляницы, на которую готовилось много удовольствій, разнеслась совершенно неожиданная вѣсть: князь въ ночь на 16 февраля, умеръ скоропостижно. Если вы, читатель, припомните, какое большое участіе принималъ онъ въ свадьбѣ и вообще

въ дѣлахъ Вѣры, Шамилова и Ухмыревыхъ, то можете себѣ представить, какъ всѣ они были поражены.

— Батюшки, что̀ это такое! что мнѣ теперь дѣлать? воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Что-же такое, cher Alexis, спросила его простодушно Авдотья Егоровна.

— Какъ что? воскликнулъ по обыкновенію съ азартомъ Ухмыревъ, для чего же мы свадьбу-то затѣвали!

— Какъ для чего?

— Такъ. Князь теперь померъ: жени, пожалуй, ихъ да и возьми на свои плечи.

— Можетъ быть, какъ нибудь и устроится.

— Чему тутъ устроиваться! я уступилъ тутъ только желанію князя.

— Но нельзя же, Alexis, намъ теперь что нибудь предпринимать противъ этого.

— Я ничего и не предпринимаю.... не безпокойтесь! а только говорю, что отступаюсь: дѣлайте какъ хотите, а на меня не надѣйтесь. По моимъ лѣтамъ, мнѣ въ-пору о себѣ да о тебѣ думать, проговорилъ Ухмыревъ и уѣхалъ играть въ карты къ уважаемому имъ помѣщику.

Шамиловъ, услышавъ о смерти князя, пришелъ въ странное и неприличное для мужчины отчаяніе и обнаружилъ, при этомъ случаѣ, какое-то чисто-женское малодушіе: вмѣсто того, чтобы успокоить полу-больную и огорченную Вѣру, онъ, въ присутствіи ея началъ просто бѣсноваться, ходилъ безпокойными шагами по комнатѣ, схватившись за голову, колотилъ себя въ грудь и только что не плакалъ.

— Я это предчувствовалъ, говорилъ онъ:—это новая шутка надо мной судьбы: князь полюбилъ меня, хотѣлъ и могъ упрочить мое благополучіе и,

конечно, не далъ бы задохнуться моимъ способностямъ и моей до сихъ поръ безполезной молодости. Но гдѣ и съ чѣмъ остался я теперь? что у меня впереди? бѣдность, неблагодарный трудъ и больше ничего.

— Къ чемужь, Пьеръ, такое отчаяніе! ты молодъ: надѣйся больше на себя; мало ли чѣмъ ты можешь быть.

— Нѣтъ, Вѣра, я не хочу обманывать пустыми надеждами ни себя, ни тебя: у насъ ни въ будущемъ, ни въ настоящемъ ничего нѣтъ.

— А любовь?

— Умоляю тебя, не говори этого слова: мнѣ страшно его слышать, и страшно не за себя: я знаю свой дальнѣйшій путь,—но за тебя, другъ мой. Я готовъ просить тебя: разлюби и презри меня, употреби на это всю силу твоей воли; я не стою твоей любви: я—ничтожный человѣкъ и безъ помощи князя не буду ничѣмъ. Зачѣмъ же тебѣ свою судьбу связывать съ моей? Оттолкни меня.

Вѣра пристально посмотрѣла на жениха.

— Будемъ, Пьеръ, говорить о чемъ нибудь другомъ. Ты встревоженъ сегодня, я—тоже: пощади и меня, проговорила она.

Шамиловъ сѣлъ на отдаленное кресло и задумался. Вѣра начала было распрашивать, какъ идутъ его занятія, не задумалъ ли онъ писать чего нибудь, просила его почитать ей что нибудь—Петръ Александрычъ отвѣчалъ односложно и читать рѣшительно отказался.

На другой день былъ назначенъ парадный вывозъ тѣла князя. За катафалкомъ его слѣдовали: все городское духовенство, всѣ чиновники, состоявшіе при немъ и погруженные въ искреннюю печаль и

всѣ наконецъ уѣздные чиновники, погребавшіе его съ притворнымъ чувствомъ, какъ мыши кота. Всѣ они были, разумѣется, въ полныхъ мундирныхъ формахъ. Сзади тянулись экипажи почти всѣхъ городскихъ жителей. Впереди всѣхъ ѣхалъ Алексѣй Сергѣичъ съ Авдотьей Егоровной въ каретѣ обитой снаружи чернымъ сукномъ и съ кучеромъ и лакеемъ, тоже облеченными въ глубокій трауръ. Вѣра по случаю болѣзни была дома. Шамиловъ остался при ней и оба они смотрѣли въ окно на печальную процессію. Сначала она разрыдалась, а потомъ опять занемогла сильнѣе прежняго: у нея открылось, по словамъ доктора, въ родѣ горячки. Несмотря на тяжкую болѣзнь невѣсты, Шамиловъ приходилъ къ ней очень не на долго: съ самой смерти князя положеніе его въ домѣ Ухмыревыхъ сдѣлалось странное и непріятное. Алексѣй Сергѣичъ едва удостоивалъ его двухъ-трехъ словъ въ день, и то съ явнымъ пренебреженіемъ. Авдотья Егоровна, какъ и всегда, подражала мужу. Просиживая цѣлые дни дома, Петръ Александрычъ ничѣмъ не занимался и только ходилъ по комнатѣ и вздыхалъ. Такъ прошло двѣ недѣли. Вѣра оправлялась очень медленно.

Возвратился отъ сестры уланъ Карелинъ и, объѣхавъ весь городъ, завернулъ къ Шамилову, который очень обрадовался пріѣзду пріятеля.

— Какъ я радъ, что вы вернулись, говорилъ онъ, обнимая Карелина и зная, что тотъ любилъ завтракать съ виномъ, тотчасъ же распорядился по этому предмету.

— Когда ваша свадьба, Петръ Александрычъ? спросилъ уланъ.

— Самъ не знаю.

— Ужь не расклеилась ли?

— Это съ чего вамъ пришло въ голову?

— Здѣсь какъ въ трубу трубятъ. Ухмыревъ самъ на дняхъ говорилъ, что свадьба врядъ ли состоится, и что они думаютъ отказать вамъ.

— Кому же это онъ говорилъ? спросилъ Шамиловъ довольно равнодушно.

— Не знаю, кому именно, но я думаю, всѣмъ, кто тутъ былъ; мнѣ въ каждомъ домѣ объ этомъ разсказывали.

— Его воля: какъ хотятъ такъ и дѣлаютъ.

— Вотъ какъ поговаривать начали; ну а невѣста что же.... она васъ любитъ?

— Я думаю.

— Такъ какъ-же? я бы на мѣстѣ вашемъ этому господину зажалъ ротъ.

— Семейныя дѣла судить трудно; и я вамъ скажу только одно, что я люблю Вѣру, далъ себѣ слово посвятить ей всю жизнь; она будетъ моя, хоть бы цѣлый міръ былъ мнѣ препятствіемъ.

— А здѣсь говорятъ другое, возразилъ уланъ.— Катерина Петровна сказывала мнѣ, что вы и за ней ухаживали, признавались ей, что не любите Вѣру Павловну, а женитесь на ней по видамъ, чтобы угодить князю.

— Чтó Катерина Петровна есть мой лютѣйшій врагъ—это я знаю давно, а какого рода были мои съ ней отношенія, объ этомъ я, какъ благородный человѣкъ, считаю за лучшее молчать и предоставляю ей полное право говорить обо мнѣ все, чтó ей вздумается.

— Зачѣмъ же вы ей меня бранили... чтó я вамъ сдѣлалъ?

— Если вы ей вѣрите больше, чѣмъ мнѣ, то

мнѣ остается только сожалѣть, но оправдываться я не хочу.

Такъ разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Уланъ хотѣлъ было ѣхать, но Шамиловъ просилъ его посидѣть.

— Останьтесъ: мы выпьемъ съ вами. Мнѣ такъ грустно, такъ тяжело, что я готовъ сдѣлаться пьяницей; но еще покуда одному пить совѣстно—составьте компанію.

— Можно.

— Что вы любите по преимуществу?

— Все люблю.

Подали вино и закуску. Молодые люди чокнулись и выпили по стакану вина; хозяинъ тотчасъ же предложилъ повторить.

— Да вы, однако славно напрактиковались въ это время.... а то помните, какой были нѣженка.

— Мало ли чѣмъ я когда-то былъ; теперь я не тотъ... судьба надо мной удивительно тѣшится.

— Что такое?

— Я теперь въ ужасномъ положеніи... не знаю, какъ вы понимаете меня, Карелинъ; но видитъ Богъ, что натура моя не пошлая.... я не дюжинный человѣкъ и могъ быть чѣмъ нибудь выше жалкой посредственности, или, по другому выраженію, благоразумной средины,—но теперь во мнѣ многое уже убито или убьется современемъ окончательно, потому что, женившись, я изъ-за куска хлѣба долженъ буду взять на себя трудную обязанность домашняго учителя.

— Насчетъ состоянія я вамъ говорилъ еще прежде....

Шамиловъ задумался и вздохнулъ.

— Вы, Карелинъ, человѣкъ практическій и въ тоже время благородный; я сдѣлаю вамъ одинъ вопросъ: хорошо ли мужчинѣ и свою энергію, и данныя ему Богомъ способности принести въ жертву любви, которой, конечно, каждый изъ насъ готовъ предаться всякій годъ, и всякій годъ утратить ее и замѣнить новою привязанностію? Вотъ мой вопросъ; разрѣшайте его.

— Очень легко: вамъ просто не хочется жениться.

— Тутъ дѣло не въ желаніи.... мало ли мы чего желаемъ подъ вліяніемъ страсти! но я спрашиваю: долженъ ли я рисковать на безразсудный бракъ и губить себя во имя любви къ чудной и прекрасной дѣвушкѣ, которой, напередъ знаю, что не принесу никакихъ радостей?

— Зачѣмъ же вы ухаживали за ней? Это нечестно.... Будь я ея братъ, я бы за одни слухи, которые ходятъ по городу, вытянулъ васъ на барьеръ.

— Вы не понимаете меня: я не ухаживалъ за ней, но я полюбилъ и люблю ее.... Насъ свела судьба на взаимное несчастіе, возразилъ Шамиловъ.

— Да васъ и понять невозможно: вы какой-то удивительный фантазеръ: то говорите, что любите эту дѣвушку, и что всю жизнь хотите посвятить для нея, то идете на гибель. Я бы за васъ не рискнулъ отдать ни сестры, ни дочери.

— Понять вы меня можете, но не хотите.... впрочемъ, прекратимъ этотъ разговоръ, который мнѣ очень тяжелъ, проговорилъ Петръ Александрычъ съ неудовольствіемъ.

— За что̀жъ вы сердитесь? я сказалъ вамъ по дружбѣ.

Шамиловъ насмѣшливо улыбнулся.

— Съ нѣкотораго времени я очень сталъ бояться друзей: бо́льшая часть изъ нихъ доказывали мнѣ это чувство тѣмъ, что брали себѣ право перетолковывать всѣ мои поступки и слова въ дурную сторону; а это для меня не совсѣмъ пріятно.

— Прощайте, произнесъ уланъ, вставая: — вы сегодня не въ духѣ, вѣрно лѣвой ногой съ постели встали.

— Я не всталъ лѣвой ногой съ постели, но въ жизнь шагнулъ неудачно.

— Ну, меланхолія.

— Погодите, Карелинъ, не обижайтесь моими словами: я не могу быть не раздражителенъ: въ это время меня все терзало; положите вашу фуражку. Я люблю Вѣру безумно; вы превосходный человѣкъ по одному уже тому, что отстаиваете ея права. Выслушайте меня: на дняхъ я долженъ ѣхать въ Москву; она теперь больна и около нея почти никого нѣтъ. Наблюдайте за ней, навѣщайте ее и увѣдомляйте меня... будьте столько обязательны, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ.

— Это что̀ еще за идея пришла вамъ въ голову! нашли какого наблюдателя! Я въ этихъ дѣлахъ бывалъ обыкновенно дѣйствующимъ лицомъ, а въ посредники врядъ ли гожусь.

— Не шутите, Карелинъ, а лучше возьмитесь за доброе дѣло и дайте мнѣ слово увѣдомлять меня, здорова ли она, жива ли. А то мнѣ и этого не напишутъ.

— Хорошо. Вы, однако, ужасный чудакъ. Когдажь думаете ѣхать?

— Дня черезъ два.

— Еще увидимся?

— Непремѣнно.

Простившись съ уланомъ, Шамиловъ по крайней мѣрѣ часа два ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то обдумывалъ; потомъ отправился къ невѣстѣ.

— Вѣра Павловна? спросилъ онъ, попавшагося ему въ залѣ Алексѣя Сергѣича.

— У себя-съ въ комнатѣ, едва отвѣтилъ Ухмыревъ.

Вѣра сидѣла въ креслахъ и была очень еще слаба; передъ ней стояла Авдотья Егоровна и терла ей виски о-де-колономъ.

Шамиловъ поцаловалъ руку у невѣсты и церемонно поклонился теткѣ, которая ему отвѣчала тѣмъ же.

— Гдѣ ты былъ утро? спросила Вѣра.

— Дома; меня задержалъ Карелинъ: часа два сидѣлъ, отвѣчалъ Шамиловъ и, усѣвшись на отдаленное кресло, взялъ близь-лежащую книгу и будто бы углубился въ чтеніе.

Авдотья Егоровна, постоявъ немного, вышла.

— Какъ ты чувствуешь себя, Вѣра? сказалъ Шамиловъ, тотчасъ же вставая и подходя къ невѣстѣ.

— Сегодня мнѣ лучше; голова только дурна.

— Ты рѣшительно себя не бережешь, другъ мой.

— Какже мнѣ беречь себя?

— Очень просто: не тревожить и не волновать себя всякими пустяками.

Вѣра вздохнула.

— Развѣ ты самъ не былъ встревоженъ... помнишь, передъ моей болѣзнію! сказала она.

— Ахъ, Боже мой! Въ первую минуту я, конечно, поддался безполезному отчаянію: но у че-

ловѣка, кромѣ сердца, есть еще умъ, который охлаждаетъ и наши радости и наши горести, возразилъ Шамиловъ.—Мы съ тобой, Вѣра, въ такомъ положеніи, продолжалъ онъ: — что одна только сила воли съ нашей стороны можетъ спасти насъ. Можешь ли ты, другъ мой, выслушать меня, что̀ я хочу сказать тебѣ?

— Говори.

— Мнѣ надобно ѣхать въ Москву.

— Когда же?

— Послѣ-завтра.

— Послѣ-завтра пятница—не ѣзди: это тяжелый день!

— Въ такомъ случаѣ въ субботу.

— Поѣзжай.... проговорила Вѣра.

— Если ты будешь плакать и будешь разстраивать еще больше свое здоровье, я не въ состояніи буду ѣхать: останусь здѣсь и буду до конца губить мою карьеру. Другъ мой! пожалѣй и меня: я близокъ къ сумашествію, я готовъ сдѣлаться пьяницей.... Согласись только съ тѣмъ, что ни у тебя, ни у меня ни на кого теперь нѣтъ надежды, кромѣ какъ на свои собственные усиленные труды, которые возможны для меня только въ Москвѣ.

— Что̀ же ты будешь дѣлать въ Москвѣ? спросила Вѣра.

— Планъ мой вотъ каковъ: я, тотчасъ же по пріѣздѣ, выдержу на кандидата; потомъ, такъ какъ для насъ всего нужнѣе деньги, наберу частныхъ уроковъ: у меня много знакомыхъ профессоровъ, старыхъ товарищей, и всѣ они, я увѣренъ, не откажутся пособить мнѣ въ этомъ. Я буду имѣть, положимъ семь уроковъ въ недѣлю, по два рубля серебромъ — четырнадцать рублей; въ мѣсяцъ — почти

шестьдесятъ, въ годъ—семьсотъ, да съ имѣнія триста и того около тысячи рублей серебромъ; сверхъ того я буду работать въ журналы; если не успѣю приготовить чего нибудь своего серьезнаго, займусь переводами, за которые любой журналъ мнѣ дастъ двадцать рублей серебромъ. Вотъ тебѣ мои доходы, которыхъ, право, очень достаточно для нашего существованія: я знаю семейныхъ людей, которые на двѣ тысячи живутъ превосходно; мы наймемъ хорошенькую, около Сухаревой башни, квартирку, которыя тамъ дешевы, будемъ держать двоихъ людей.

— А служба какъ же?

— Службу я возьму какую нибудь легкую; но, собственно говоря, мнѣ нуженъ только свободный вечеръ, который я посвящу урокамъ, а ночь—литературнымъ занятіямъ. Здѣсь же я, покуда все это устроится, имѣю въ виду одного человѣчка, который будетъ доставлять мнѣ о васъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

— Кто такой?

— Карелинъ.

— Это зачѣмъ? что у тебя за дружба съ нимъ?

— Ты несправедливо предубѣждена противъ него: онъ человѣкъ неглупый и въ высшей степени благородный и искренно тебѣ преданный.

— Ты почемъ знаешь?

— Я его сегодня немного испыталъ: онъ мнѣ передалъ, что твой дядя гдѣ-то тамъ говорилъ, что свадьба наша не состоится: я притворился и нарочно сказалъ ему, что это очень возможно. Представь себѣ, онъ вышелъ изъ себя и объявилъ мнѣ пренаивно, что если бы былъ твоимъ братомъ, то вызвалъ бы меня на дуэль.

— Для чего ты такъ говорилъ съ нимъ? сказала Вѣра, качая головой: — онъ хорошенько не пойметъ твоихъ словъ и будетъ ихъ разсказывать всему городу.

— Заблуждаетесь, Вѣра, рѣшительно заблуждаетесь въ отношеніи этого человѣка; вы его узнаете и оцѣните впослѣдствіи.

Вѣра Павловна болѣе не возражала.

Странное было ея душевное состояніе. Она была умна и давно уже поняла своего жениха и очень хорошо видѣла, что онъ ее разлюбилъ. Гордость въ ней заговорила. Она видѣла, что это человѣкъ— фразы, котораго ни любить ни уважать не стоитъ. «Что-жь такое, ошиблась...» говорила она сама съ собой, утѣшая себя мысленно, а между тѣмъ въ головѣ ея зрѣлъ новый планъ, полный самоотверженія и душевной муки.

Шамиловъ обрадованный возможностью уѣхать въ Москву, забывъ всякую деликатность, веселился, какъ малый ребенокъ. —

— Опять туда, въ мою родную Москву!... восклицалъ онъ, опять сойдусь съ моими добрыми, образованными друзьями, потому что здѣсь, видитъ Богъ, я постоянно страдалъ: одна только ты мнѣ и сочувствовала.

— А Карелинъ и Катерина Петровна? спросила его Вѣра.

— Не укоряй меня, Вѣра, этими людьми: Карелинъ прекрасный малый; а Катерина Петровна, твой дядя, тетка,—однимъ словомъ, всѣ мои недоброжелатели,—Богъ съ ними, я имъ прощаю.

Часу во второмъ Шамиловъ поѣхалъ проститься съ городскими жителями и на этихъ прощальныхъ визитахъ велъ себя вовсе не такъ, какъ слѣдовало

бы жениху, разлучающемуся, на долго, съ невѣстой: онъ былъ веселъ, любезничалъ съ дамами и дѣвицами и у всѣхъ просилъ дать ему въ Москву какое нибудь порученіе, которое обѣщался исполнить тотчасъ же. Между прочими онъ былъ у Анны Михайловны Моросенко и у Катерины Петровны, изъ которыхъ первая двусмысленно спросила его, на долго ли онъ ѣдетъ въ Москву, и пожелала ему тамъ веселиться, на томъ основаніи, что молодымъ людямъ въ столицѣ всегда бываетъ веселѣе, чѣмъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ; о невѣстѣ она не сказала ни полъ-слова. Катерина Петровна не приняла Шамилова. Веселость жениха была замѣчена всѣмъ обществомъ: «помилуйте, онъ уѣзжаетъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто бы его изъ тюрьмы выпустили, а невѣста, говорятъ, умираетъ и страдаетъ... глупая, глупая! впрочемъ ей по-дѣломъ: наказывается за свою гордость; теперь лучше узнаетъ себѣ цѣну», говорили многіе.

Алексѣй Сергѣичъ, услыхавъ объ отъѣздѣ Шамилова, обрадовался.

— Ну, слава Богу, какъ гора съ плечъ сваливаетъ, сказалъ онъ Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Но что́ же, душа моя, послѣ будетъ?

— Я ничего не знаю и знать не хочу; по крайней мѣрѣ шляться ко мнѣ въ домъ не будетъ.

Въ субботу, назначенную для отъѣзда, Шамиловъ, часовъ въ десять утра, явился къ невѣстѣ, совсѣмъ одѣтымъ по дорожному. Вѣра уже давно встала.

Онъ прошелъ, по обыкновенію, въ ея комнату.

— Ты ужь совсѣмъ? спросила она сухо.

— Нѣтъ, я такъ одѣлся; тамъ еще сбираются, отвѣчалъ онъ, не глядя на невѣсту.

Жаль ли ему было ее или совѣстно, я не знаю, но только его, кажется, очень тяготила предстоящая сцена разлуки.

— Встали ваши? спросилъ онъ.

— Я думаю.

— Какъ бы мнѣ съ ними проститься?

— Мы выйдемъ въ гостиную.

— Если ты слаба, такъ зачѣмъ тебѣ выходить въ гостиную! Я могу сходить къ нимъ одинъ.

— Они сами придутъ сюда.

— Въ такомъ случаѣ позволь войти и Карелину; онъ пріѣхалъ проводить меня.

— Зачѣмъ же это — посторонній человѣкъ!

— Нельзя же было отказать, когда онъ самъ напросился.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы онъ сюда входилъ; я выйду въ гостиную.

— Но ты слаба.

— Ничего.

Вошла Авдотья Егоровна.

— Вы совсѣмъ? сказала она Шамилову.

— Почти.

— Ваши лошади пріѣхали.

— Какъ скоро! я имъ велѣлъ часа черезъ два.

Вѣра посмотрѣла на жениха.

— Вы позавтракайте. Я велѣла приготовить. Сейчасъ подадутъ, проговорила Авдотья Егоровна.

— Велите, ma tante, подать въ гостиную; мы выйдемъ сказала Вѣра.

— Тамъ Карелинъ сидитъ у Алексѣя Сергѣича, замѣтила тетка.

— Онъ пріѣхалъ меня провóдить, подхватилъ Шамиловъ.

Авдотья Егоровна ушла.

— У меня къ тебѣ одна просьба, Вѣра, началъ Шамиловъ:—проводи меня равнодушно и спокойно; иначе я утрачу небольшой остатокъ моей рѣшительности.

— Ты видишь, я спокойна.

— Но ты это только говоришь, а чувствуешь другое.

— Чувствовать не въ моей волѣ.

— Все въ нашей волѣ,—надѣйся на Бога.

— Я на одного Его и надѣюсь.

— Въ такомъ случаѣ, сейчасъ же извольте развеселиться, дайте мнѣ вашу ручку и поцалуйте меня: вообразите, что я ѣду въ Москву на двѣ недѣли—дѣлать приданое, сказалъ Шамиловъ, взявъ невѣсту за руку и цалуя ея.

— Пойдемъ, однако, въ гостиную: въ настоящую минуту намъ тяжело оставаться вдвоемъ, прибавилъ онъ.

Вѣра повиновалась; слабымъ шагомъ она вышла въ гостиную, въ которой сидѣли Авдотья Егоровна, Алексѣй Сергѣичъ и Карелинъ, и, съ большимъ усиліемъ дойдя во дивана, сѣла. Шамиловъ помѣстился около нея.

— Вы ѣдите на перекладныхъ или на почтовыхъ? спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Самъ не знаю: велѣлъ себѣ привести извощика, но какой онъ — вольный или почтовой, не справлялся.

— Покушайте чего нибудь, сказала Авдотья Егоровна Шамилову.

Уланъ сидѣлъ молча и кусалъ усы.

— Аппетиту нѣтъ, отвѣчалъ Петръ Александрычъ. — Но, впрочемъ, чтобы не измѣнить русскому обычаю... Карелинъ, хотите вина?

*

— Наливайте, отвѣчалъ тотъ. Шамиловъ налилъ себѣ и ему по рюмкѣ. — А вамъ угодно? отнесся онъ къ Алексѣю Сергѣичу.

— Нѣтъ, мнѣ еще рано, отвѣчалъ тотъ.

Шамиловъ, выпивъ вина, съѣлъ кусокъ сыру и всталъ.

— Пора, проговорилъ онъ.

Алексѣй Сергѣичъ и уланъ тоже поднялись съ своихъ мѣстъ, но Авдотья Егоровна просила всѣхъ, какъ водится, присѣсть, и всѣ сѣли, потомъ встали, помолились, и началось прощанье. Шамиловъ, первоначально, поцаловалъ съ нѣкотораго рода чувствомъ руку тетки, и она его поцаловала въ голову, тоже съ чувствомъ. Алексѣю Сергѣичу онъ только пожалъ руки, а съ Карелинымъ поцаловался и взглянулъ, при этомъ случаѣ, на Вѣру. Съ нею Петръ Александрычъ очень торопился проститься. Глаза у Вѣры были сухи; но за то обливалась горькими слезами Авдотья Егоровна.

— Поѣзжайте скорѣе! проговорила она.

Шамиловъ какъ-то неловко еще разъ всѣмъ поклонился и вышелъ.

— Она меня не любитъ совсѣмъ, это впрочемъ и лучше! проговорилъ онъ, садясь въ тарантасъ.

IV.

Въ то время, какъ у Ухмыревыхъ слѣдовали непріятность за непріятностью, въ домѣ Моросенки съ утра до поздней ночи раздавались пѣніе, смѣхи, происходили танцы и различныя игры. Соничка вмѣстѣ съ женихомъ разучили «ты коса, моя коса...» и пѣли эту пѣсню по нѣскольку разъ въ

день; смѣялись они тоже безпрестанно, такъ что маменька начала замѣчать молодымъ людямъ: «Что́ это вы смѣетесь, Соничка, точно дѣти?» Вечера Анна Михайловна начала повторять въ недѣлю не одинъ, а три раза, и успѣла составить танцы, нанявъ для этого, за небольшую цѣну, жида, прибывшаго въ городъ съ золотыми вещами и умѣвшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно искусно играть на цимбалахъ. Она переманила на свои вечера самыхъ постоянныхъ посѣтителей дома Ухмыревыхъ, у которыхъ стали гораздо рѣже собираться, такъ какъ, по ихъ дурнымъ финансовымъ обстоятельствамъ, боялись ихъ, стѣснить, хотя о своихъ обстоятельствахъ ни Алексѣй Сергѣичъ, ни Авдотья Егоровна никому не давали замѣтить, всегда были очень рады, когда кто нибудь къ нимъ пріѣзжалъ, и тотчасъ же устроивали партію. Но объ этомъ всюду разглашали Катерина Петровна и Анна Михайловна; послѣдняя, передъ цѣлымъ обществомъ, говорила: «я не ѣзжу къ нашимъ несчастнымъ аристократамъ не столько по непріятностямъ, сколько потому, что мнѣ видѣть ихъ жалко: племянницу они погубили, сами раззорились, люди ихъ каждое утро въ ноги кланяются лавочникамъ, чтобы на полтинникъ въ долгъ повѣрили.» Катерина Петровна подтверждала это и всѣмъ, по секрету, разсказывала, что Авдотья Егоровна, на дняхъ, заложила свои брильянты. По случаю смерти князя, въ обществѣ была общая радость: во первыхъ ревизія прекратилась, а во вторыхъ у этихъ гордецовъ Ухмыревыхъ много спѣси посбавилось.

Степочка, не смотря на то, что очень любезничалъ съ невѣстой и былъ, по видимому, веселъ,

кажется, не совсѣмъ еще освободился отъ своей прежней страсти. Всякій разъ, когда будущая теща, или кто нибудь изъ гостей начинали говорить о Вѣрѣ Павловнѣ что нибудь дурное — а это случалось каждый день, и даже по нѣскольку разъ, — онъ тотчасъ же уходилъ въ другую комнату. Въ одно утро — это было на другой день послѣ проводовъ тѣла князя — докторъ пріѣхалъ къ Аннѣ Михайловнѣ и сказалъ, что у Вѣры Павловны воспаленіе въ груди, и что если ей не будетъ лучше сегодня, то онъ опасается за ея жизнь. Степанъ Гарасимычъ очень внимательно прислушивался къ этому разговору и, не дождавшись обѣда, ушелъ домой, гдѣ и пролежалъ около двухъ часовъ на постели и все что-то самъ съ собою потихоньку разговаривалъ; потомъ велѣлъ заложить лошадь и нѣсколько разъ проѣхалъ мимо дома Алексѣя Сергѣича и на этотъ разъ не принималъ никакой особенной осанки, но только смотрѣлъ на окна. Возвратясь домой, онъ принялся немилосердно курить, забывъ свою расчетливость, — потому что не только набивалъ трубку безъ всякой осторожности, но даже разсыпалъ табакъ по окну и по полу. Пришла зачѣмъ-то въ комнату Аксинья и, взявъ что́ ей было нужно, хотѣла уйти, но баринъ остановилъ ее.

— Аксинья, сходи-ка къ Алексѣю Сергѣичу, сказалъ онъ.

— Батюшка, я тамъ николи не бывала!

— Ничего, сходи.

— Не знаю; нѣтъ-съ, я больно не смѣла! А вамъ что́ нужно?

— Такъ, ничего... тамъ прежняя невѣста моя очень больна, говорятъ, умираетъ.

— Сохрани ее Господи! барышня молодая... А вамъ батюшка все еще видно ее жалко.

— Да... ты сходи и узнай; лучше ли ей.

— Нѣтъ, Степанъ Гарасимычъ, ваша воля, я не посмѣю, Кузьмѣ сталѣе сходить: онъ съ ихъ кучеромъ большую дружбу имѣетъ; тотъ еще вчера заходилъ и говорилъ, какъ у насъ какая лошадь занеможетъ, никого, кромѣ тебя, Куземинка, не возьму,—такъ и господамъ доложилъ.

— Ну что́ Кузьма!

— Отчего же, сходитъ, узнаетъ: языкъ-то есть.

— Нѣтъ, не хочу.

— Какъ угодно-съ; а мнѣ гдѣ дурѣ-бабѣ въ этакіе дома ходить? Я вотъ что здѣсь ни живу, на базарѣ не бывала.

Поѣхавъ вечеромъ къ невѣстѣ, Степанъ Гарасимычъ опять проѣхалъ мимо дома Алексѣя Сергѣича.

На первой недѣлѣ поста должна была пріѣхать Аграфена Кондратьевна прямо къ Аннѣ Михайловнѣ, которая объ этомъ будущую свекровь покорнѣйше просила, такъ какъ считала себя не въ правѣ допустить почтенную старушку остановиться въ квартирѣ холостаго сына, котораго она бы тоже давно перетащила къ себѣ, если бы не боялась городскихъ толковъ въ отношеніи большого сближенія жениха съ невѣстой. Аграфена Кондратьевна изъявила письменно на приглашеніе будущей тещи полное согласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просила, чтобы лошади и люди тоже были при ней, потому что на квартирѣ Степочки, будто бы, вовсе негдѣ было ихъ помѣстить. На это письмо Анна Михайловна словесно приказала посланному, что очень рада, и что, приглашая Аграфену Кондратьевну, полагаетъ ей доставить всякое спокой-

ствіе. Вотъ какъ хорошо шло между двумя будущими свекровями, которыя, обыкновенно, на бо́льшей части свадебъ составляютъ на первыхъ порахъ два непримиримые, если не по наружности, то въ душѣ, лагеря.

Въ день, назначенный для пріѣзда Аграфены Кондратьевны, Степочка еще съ ранняго утра явился къ невѣстѣ. Какъ онъ, такъ и всѣ Моросенки поджидали старуху довольно нетерпѣливо и не совсѣмъ спокойно; еще съ девятаго часа они уже не отходили отъ окна. Степанъ Гарасимычъ увидѣлъ маменьку первый.

— Ѣдетъ-съ, сказалъ онъ нѣсколько робкимъ голосомъ.

— Соничка, самоваръ скорѣе! старушка, я думаю, перезябла съ дороги, воскликнула Анна Михайловна.

Экипажъ, или, лучше, сказать, большая кибитка, имѣющая нѣкоторое сходство съ крытыми санями, везомая тройкою, гусемъ — огромными, но поджаристыми лошадьми, медленно и печально приближалась, по дорогѣ, къ дому Моросенки, стоявшему на самомъ въѣздѣ въ городъ. Передъ воротами лошади замялись: передняя изъ нихъ, вѣроятно, соблазняясь случайно ѣхавшимъ впереди возомъ сѣна, никакъ не хотѣла заворотить на дворъ: она то мялась на одномъ мѣстѣ, то сворачивала въ суметъ. Изъ кибитки послышалось нѣсколько сильныхъ бранныхъ словъ, относившихся къ кучеру, который наконецъ кое-какъ попалъ въ ворота и остановился у крыльца, гдѣ дожидался, въ почтительномъ положеніи, Степанъ Гарасимычъ. Кучеръ, съ помощію молодой и краснощекой, въ понизовой шубенкѣ, горничной, выскочившей тотчасъ же

изъ саней, съ большимъ трудомъ вытащилъ изъ оныхъ небольшаго роста, приземистую старуху, совсѣмъ закутанную въ салопъ, пуховые платки, валенки, шерстяныя перчатки и такъ далѣе. Степочка торопливо поцаловалъ руку у матери.

— Веди... куда идти?... Олимпіадка, дай же руку?... Экъ ихъ угораздило въ двѣ версты лѣстницу выстроить! говорила старуха, медленно поднимаясь по лѣстницѣ и опираясь на руку горничной и сына.

И за тѣмъ, въ лакейской, началосъ раздѣваніе, которое продолжалось по крайней мѣрѣ четверть часа. Когда Аграфена Кондратьевна сняла съ себя дорожныя принадлежности, то осталась въ ваточномъ, холстинковомъ капотѣ, въ какой-то плисовой шапочкѣ на головѣ и съ бисернымъ шнуркомъ на шеѣ, который поддерживалъ огромные часы, весьма замѣтно обозначавшіеся въ особо пришитомъ на груди кармашкѣ. Анна Михайловна, давно уже поджидавшая, съ мужемъ и дочерью, въ залѣ гостью, при появленіи ея, сдѣлала видъ, какъ будто бы только узнала о ея пріѣздѣ, и быстро подошла къ ней.

— Наконецъ-то мы васъ дождались! начала она, взявъ Аграфену Кондратьевну за обѣ руки и цалуясь съ ней. Это моя Соничка: ее бы вы, вѣрно, не узнали. А это мой мужъ: съ нимъ, кажется, знакомы, говорила она, указывая по принадлежности.

— Здравствуйте-съ, отвѣчала Аграфена Кондратьевна, цалуя Анну Михайловну и Соничку. Мое почтеніе-съ, прибавила она самому Моросенко, который ей, молча, поклонился: извините, что пріѣхала не парадно, а по деревенски.

— Намъ грѣхъ съ вами, Аграфена Кондратьевна, наблюдать парады, возразила хозяйка: мы люди не нынѣшняго свѣта, живемъ по старинѣ... Прошу въ гостиную... Готовъ ли чай, Соничка?

— Сейчасъ, маменька, отвѣчала та и убѣжала.

Анна Михайловна ввела гостью въ гостиную и усадила на диванъ.

— Не прикажете ли вамъ скамеечку подъ больную ногу? вамъ будетъ покойнѣе, говорила она, подвигая къ ней собственноручно скамейку.

— Ахъ, прошу васъ, не безпокойтесь! Премного вамъ благодарна, говорила Аграфена Кондратьевна, замѣтно довольная этою почтительностію.

— Какъ ваше здоровье, маменька? спросилъ Степочка.

— Все тоже; а ты здоровъ ли?

— Здоровъ-съ.

Подали чай, съ обильнымъ приложеніемъ булокъ, сухарей и кренделей. Аграфена Кондратьевна начала пить и ѣсть съ большимъ аппетитомъ: съ первой чашкой она съѣла нѣсколько булокъ, а съ другой цѣлый крендель, и такъ далѣе.

— Прекрасное-съ печенье, безподобное!

— Домашнее: здѣсь булочники очень нехороши, отвѣчала Анна Михайловна.

— Булки отличныя въ Петербургѣ, замѣтилъ Степочка.

— Чтó про твой Петербургъ и говорить! возразила Аграфена Кондратьевна: а по моему лучше деревни ничего нѣтъ: все свое.

— Конечно, я съ вами согласна, Аграфена Кондратьевна, сказала Анна Михайловна: свое и маленькое, но лучше чужаго большого.

— Прикажете еще чаю? спросила Соничка, принимая отъ Аграфены Кондратьевны чашку и передавая ее человѣку.

— Не будетъ ли ужь? я и то три выпила.

— Выкушайте еще, просила Анна Михайловна.

— Пожалуй, только въ прикуску; я небольшая до чаю любительница... вотъ онъ у меня такъ охотникъ.

— Ахъ, Степанъ Гарасимычъ, какъ же вамъ не совѣстно не спросить себѣ чаю! сказала Анна Михайловна. Соничка, какъ же ты забыла жениха?

— Хотите? спросила Соничка.

— Прошу васъ, отвѣчалъ женихъ.

Соничка пошла, налила и сама принесла обѣ чашки, изъ коихъ одну подала Аграфенѣ Кондратьевнѣ, а другую жениху.

— Позвольте у васъ, за ваше безпокойство, поцаловать ручку, сказалъ тотъ и поцаловалъ ручку.

— Каковы у васъ ныньче хлѣба? отнесся наконецъ самъ Моросенко, упорно молчавшій до того времени.

— Какіе-съ хлѣба! ныньче о хлѣбахъ говорить нечего, только что кормимся! отвѣчала печально Аграфена Кондратьевна.

— Стало быть нехороши? спросилъ Иванъ Андреичъ.

— Соломой туда и сюда; умолотъ малъ, особенно противъ прежнихъ годовъ.

— Вамъ, я думаю, Аграфена Кондратьевна, нечего объ этомъ безпокоиться: у васъ отъ старинки еще анбары полны, сказала Анна Михайловна, желавшая, конечно, польстить этимъ старой хозяйкѣ; но та взглянула на нее сердито и спросила:

— А вы почему знаете-съ?

Анна Михайловна, никакъ не ожидавшая подобнаго вопроса, покраснѣла.

— Конечно, я сама не знаю, но объ отличномъ вашемъ хозяйствѣ общая молва, отвѣчала она.

— Нѣтъ, сударыня, пустяки эта молва: по болѣзни моей, я давно запустила хозяйство, и, по нынѣшнимъ временамъ, у меня зерна лишняго въ анбарахъ нѣтъ... Въ народѣ мало ли что́ болтаютъ! проговорила Аграфена Кондратьевна.

Сонечка, покончивъ хлопоты съ чаемъ, сѣла рядомъ съ будущей свекровью, желая съ ней поговорить и приласкаться, но та, или спроста, или съ умысломъ, какъ будто бы не замѣтила этого. Пробило двѣнадцать часовъ. Аграфена Кондратьевна начала зѣвать.

— Не прикажете ли на столъ накрывать? Вамъ, послѣ дороги, отдохнуть надобно, сказала Анна Михайловна.

— Да, пора, отвѣчала Аграфена Кондратьевна и за столомъ обнаружила не только значительный аппетитъ, но нѣкоторую даже жадность, въ особенности къ сахару и варенью и вообще къ сладкимъ блюдамъ; послѣ обѣда, отъ полноты желудка, по преклоннымъ своимъ лѣтамъ, она едва могла дышать. Для отдохновенія ея была заранѣе приготовлена особая комната, въ которую она тотчасъ отправилась, улеглась и велѣла своей краснощекой Олимпіадѣ гладить себѣ ноги, а черезъ нѣсколько минутъ заснула, среди безмолвной тишины, потому что Анна Михайловна строго приказала людямъ ходить на цыпочкахъ, изъ гостей никого не принимать, и сама, со всей своей семьей, усѣлась въ гостиной.

Послѣ трехъ-часоваго отдохновенія, Аграфена Кондратьевна наконецъ проснулась и прямо вышла въ гостиную, съ лицомъ измятымъ и сердитымъ. Бо́льшая часть людей, любящихъ, плотно пообѣдавъ, заснуть, просыпаются обыкновенно сердитыми. Въ этомъ случаѣ причина чисто физическая. Старуха усѣлась на диванѣ и не обращая ни на кого вниманія, громко крикнула: «малый!», и когда малый явился, то велѣла подать себѣ квасу, и квасу непремѣнно холоднаго. Удовлетворивъ жажду, она обратилась къ сыну.

— Поди-ка, съѣзди въ городъ: надобно для деревни запасовъ купить; а то тутъ будетъ распутица и не продерешься изъ нашихъ мѣстъ.

— Чего же-съ? спросилъ Степочка.

— Да чего! отвѣчала Аграфена Кондратьевна: обыкновенно чего! купи ты мнѣ пудъ сухихъ судаковъ... больше осьми копеекъ за фунтъ не давай... а потомъ спросишь, есть ли ловъ на щуки... Какъ ныньче ловятся щуки? отнеслась она къ хозяйкѣ.

— Не знаю, отвѣчала та.

— Должно быть есть, вмѣшался господинъ Моросенко.

— Ты почему знаешь? мы очень рѣдко ѣдимъ эту рыбу, перебила его Анна Михайловна.

— Если есть, продолжала Аграфена Кондратьевна къ сыну: ты купи полъ-пуда... больше полтинника не давай; а если будутъ дорожиться, такъ и не торгуй, прахъ ихъ побери! Соли еще надобно для людей взять: сколько у меня на эту соль выходитъ, счету не могу свести! Возьми два пуда разомъ и скажи, чтобы уступили: маменька, молъ, скажи, беретъ у васъ не по фунтикамъ.

— А деньги пожалуете? спросилъ Степанъ Гарасимычъ.

— Я здѣсь сама раздѣлаюсь... что о деньгахъ безпокоишься! твоихъ не захвачу, возразила Аграфена Кондратьевна.

Степанъ Гарасимычъ ушелъ. Хотя Анна Михайловна и прежде еще знала, что Аграфена Кондратьевна скупа и необразованна, но при всемъ томъ, рѣшительно не полагала, что она, при первомъ свиданіи, не съумѣетъ себя вести поприличнѣе. Однако, затаивъ непріятное чувство, она рѣшилась снова приласкаться къ ней.

— Мнѣ было всего пріятнѣе видѣть, какъ почтителенъ къ вамъ и какъ любитъ васъ Степанъ Гарасимычъ, сказала она.

— А еще какже бы-съ! я ему не чужая... Я его съ малыхъ лѣтъ не баловала, да и теперь большой воли не даю: онъ ужь давно пристаетъ ко мнѣ, отдѣлите, да отдѣлите, маменька. Подождетъ еще! Знаемъ мы, каковы отдѣленные сынки.

Анна Михайловна взглянула на мужа и на дочь.

— Степанъ Гарасимычъ еще не отдѣленъ вами? спросила она.

— Нѣтъ-съ. Словесно дала ему тридцать душъ.

— Только тридцать душъ?

— А сколько же? поживетъ покуда и этимъ! Я сама вышла за покойника: у него десять да у меня тридцать только и было.

— Нынѣшнее время, Аграфена Кондратьевна, по прежнему мѣрять нельзя, возразила Анна Михайловна: нынче требованій больше, нынче молодые люди, по необходимости, должны бываютъ издерживать лишнее, потому что такъ принято въ свѣтѣ.

— Я Степочку и не обвиняю: онъ у меня, благодаря Бога, не мотоватъ; а насчетъ хозяйства и бережливости, такъ и очень имъ довольна: примѣрный, по его лѣтамъ. Теперь, вотъ, мы съ вами-съ сходимся по родственному: я вамъ напередъ говорю, чѣмъ вы тамъ вашу дочь ни наградите, онъ ничего изъ этого не истратитъ, а еще сбережетъ и прибавитъ.

Анна Михайловна закусила губы: послѣднія слова Аграфены Кондратьевны превышали всѣ границы деликатности, и, будучи сама отъ природы довольно раздражительнаго характера, она едва удержалась отъ прямой дерзости. Надобно сказать, что свою Сонячку она считала, по красотѣ и по другимъ достоинствамъ, безприданницею, тѣмъ болѣе въ отношеніи Степочки; но на повѣрку выходило это не совсѣмъ такъ.

— Если бы я знала Степана Гарасимыча съ дурной стороны, сказала она: — то, конечно бы, не рѣшилась выдать за него своей дочери; и меня болѣе, въ этомъ случаѣ, безпокоитъ то, будетъ ли онъ любить ее и будетъ ли она нравиться вамъ.

— Я тутъ себя выгораживаю-съ: ему люба, а мнѣ лучше и не надобно. Когда онъ сказалъ мнѣ о своемъ намѣреніи насчетъ вашей дочери, я прямо сказала, что, по моему, для тебя лучше не надобно: семейство хорошее, состояніемъ, вѣроятно, не обидятъ; у тебя теперь тридцать душъ; владѣй ими, какъ и прежде владѣлъ; а умру, такъ и все тебѣ останется: на тотъ свѣтъ ничего съ собой не возьму.

— Если вы ужь начали говорить, Аграфена Кондратьевна, такъ прямо, сказала Анна Михайловна, начавшая терять окончательно терпѣніе:—

то я тоже, какъ мать вашей будущей невѣстки, скажу вамъ: тридцатью душами нечѣмъ жить молодымъ людямъ. Степанъ Гарасимычъ вашъ не служитъ; да и какая же у него можетъ быть служба по его чину, котораго онъ, говорятъ, совсѣмъ никакого не имѣетъ!

— Отчего же мало тридцати душъ?... А ваше приданое-съ?

— Мое приданое будетъ маленькое.

— А сколько-съ?

— Я, право, затрудняюсь отвѣчать на вашъ вопросъ, котораго никакъ не ожидала и который для меня очень щекотливъ и обиденъ.

— Ахъ, сударыня, я вамъ ничего особеннаго не сказала! обижаться вамъ тутъ нечѣмъ.

— Я и не обижаюсь.

— Такъ въ чемъ же мы споримъ! Я сказала и говорю, что покуда жива, болѣе тридцати душъ сыну не дамъ; а вы вашей дочери покуда еще ничего не назначили.

— О, въ такомъ случаѣ, если ужь вамъ угодно такъ пунктуально знать, чего между благородными не принято, то извольте: я могу дочери дать тысячу-пятьтотъ рублей серебромъ, и то для меня очень трудно; я въ этомъ случаѣ поступаю не такъ, какъ другія матери, которыя отъ милліоновъ даютъ гроши: я отдаю послѣднее, обрываю себя и другихъ дѣтей моихъ... Кажется, мы теперь можемъ понять другъ друга.

— Ну, немного же вы обѣщаете! я думала больше. Неужели же къ этому приданаго никакого не дадите? Хоть платьевъ-то понашейте.

— Я реестра платьямъ моей дочери не состав-

ляла,—извините меня: она всегда была и будетъ одѣта у меня прилично.

— Ваше дѣло-съ,—не знаю. Если Степочка доволенъ вашей наградой, святой часъ — дай Богъ ему жить да богатѣть. Онъ, я думаю, переговаривалъ съ вами объ этомъ: я ему еще въ деревнѣ наказывала, чтобы узналъ поаккуратнѣе.

— Нѣтъ, мы съ Степаномъ Гарасимычемъ до сегодняшняго дня держали себя такъ благородно, что совѣстились даже о подобныхъ вещахъ говорить. Я до этого нашего разговора даже не знала, какое у него есть состояніе. Я своей дочери, Аграфена Кондратьевна, желаю счастія, а не богатства; но вы открываете мнѣ глаза, и я вижу, что ошиблась... У Сонички будутъ женихи: ей еще всего девятнадцать лѣтъ; а вашему Степану Гарасимычу здѣсь всѣ очень хорошо знаютъ цѣну.

— Вамъ этакъ со мной о Степанѣ Гарасимычѣ не слѣдуетъ говорить: вы сами его сейчасъ хвалили, сами его ласкали, принимали да завлекали.

— Я завлекала?! я?! спросила Анна Михайловна, позеленѣвъ отъ досады.

— А кто же?

— Аграфена Кондратьевна, вы хоть и въ моемъ домѣ, но я прошу васъ, удержитесь.

— Мнѣ удерживаться нечего: я женщина простая, не модная и говорю правду. Чтобы Степочка женился, я желаю; сколько назначила ему отдать, того не откажу. Дочку вашу награждайте какъ хотите,—это его дѣло.. Я ему совѣтовала быть осмотрительнѣе, но онъ этого не сдѣлалъ,—пеняй на себя: и если онъ и ваша дочь будутъ

ко мнѣ почтительны, все имъ оставлю, а нѣтъ, такъ и того не увидятъ.

— Однимъ словомъ, вы о благополучіи сына не думаете, но я о дочери моей думаю, — и потому, хоть мнѣ и жаль Степана Гарасимыча, но опасаюсь принять его въ свое семейство.

— Зачѣмъ же вы меня, старуху, сюда выписывали? Этими дѣлами не шутятъ! Степочку вамъ жалѣть нечего: вы его не погубите вашимъ отказомъ; захочетъ, такъ найдетъ невѣсту и лучше вашей дочери, потому что у него есть вѣрное состояніе, котораго у васъ нѣтъ.

— А, состояніе, да... конечно; но есть пословица: инымъ не въ помощь и богатство; при вашемъ огромномъ состояніи, вы же ко мнѣ пріѣхали, а не я къ вамъ; вамъ даже некуда было принять меня съ дочерью.

— Ахъ, государыня моя, чѣмъ укорила! не объѣла васъ въ два часа... Не безпокойтесь: уѣду, возразила Аграфена Кондратьевна.—Эй, велите закладывать моихъ лошадей! крикнула она.— Эй!... повторила еще.

Но никто не являлся.

— Иванъ Андреичъ, прикажи закладывать лошадей Аграфены Кондратьевны, сказала Анна Михайловна.

Иванъ Андреичъ ушелъ и распорядился по приказанію супруги.

— Грѣхъ вамъ, сударыня, такъ поступать со мной! я постарше васъ, начала Аграфена Кондратьевна:—васъ всѣ осудятъ!

— За что́ же меня осудятъ?

— За обманъ вашъ. Въ деревняхъ между мужиками этого не дѣлается. Чѣмъ вы очень важ-

ничаете? Я сама дворянка: вамъ изъ меня силой не выжать ничего. Вы на состояніе мое мѣтили, такъ вотъ вамъ!!!. заключила старуха и показала Аннѣ Михайловнѣ кукишъ.

— Соничка, уйди, сказала та дочери.—Вы мужичка; убирайтесь вонъ изъ моего дома, прибавила она и ушла вслѣдъ за дочерью.

Оставшись въ гостиной одна, Аграфена Кондратьевна продолжала браниться и употребляла въ отношеніи Анны Михайловны и всего ея семейства такія фразы, которыя вовсе неприлично бы было говорить дамѣ, и тѣмъ болѣе про даму; но наконецъ къ большому удовольствію хозяевъ, ушедшихъ отъ нея въ самую отдаленную комнату, уѣхала. Степанъ Гарасимычъ, ничего подобнаго неожидавшій, исполнивъ аккуратно возложенныя на него порученія и даже купивъ на свои собственные три четвертака въ подарокъ для маменьки полъ-пуда щукъ, пріѣхалъ было къ невѣстѣ, но его не приняли, увѣдомивъ чрезъ человѣка, что маменька уѣхала къ нему на квартиру и требуетъ его къ себѣ.

Между тѣмъ Аграфена Кондратьевна продолжала шумѣть и на квартирѣ сына: она кричала на Аксинью, за то, что будто бы у той много выходитъ запасу, хотя въ душѣ и была убѣждена въ противномъ. Она издавна имѣла свойственное многимъ людямъ обыкновеніе, разсердившись на одного, нападать и бранить всѣхъ, кто ей ни попадется.

— Я тебя не затѣмъ сюда послала, чтобы ты въ сорокъ лѣтъ плутовать научилась! Вы только здѣсь съ вашимъ бариномъ свадьбы думали затѣвать да меня обирать.

*

— Матушка, Аграфена Кондратьевна, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, ни въ чемъ я не повинна!

— Молчать! воскликнула барыня.

Вошелъ Степочка.

— А, дѣтище мое ненаглядное, пожаловалъ! Откудова это? заѣзжалъ ли къ тещинькѣ-то своей?... Что́ ты, Степанъ, задумалъ о своей головѣ, а? Долго ли ты будешь меня мучить?

— Маменька, что́ такое?

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, долго ли ты надо мной будешь тѣшиться? а мнѣ съ тобой дѣлать нечего. Я тебя и учила, и лаской хотѣла образовать—ничто не помогаетъ!

— Что́ такое сдѣлалось? чѣмъ я виноватъ?

— Ничего не сдѣлалось! хорошо! меня только что въ-зашей не вытолкали! Ты бы имъ съ перваго разу долженъ былъ внушить, что съ маменькой игрушки играть нечего, а надо почитать да уважать! А вы только вмѣстѣ обобрать меня собирались. Я знаю, что ты готовъ меня на первую юбку промѣнять: на хорошее-то ума нѣтъ, а на это хватитъ...

— Я ничего, маменька, противъ васъ не сдѣлалъ... Богъ съ вами! Мнѣ когда что̀ ни прикажете, я все дѣлаю!... Запасу купилъ-съ.

— Да, дѣлаешь ты... купилъ! знаю я, какъ ты покупаешь! Вели сбираться: я сейчасъ ѣду... Передай тамъ кучеру всѣ покупки.

— Развѣ вы не ночуете? Темно будетъ ѣхать: пожалуй опрокинетесь.

— Благодарю за безпокойство.... Какой нѣжный сталъ!... Спасибо, хорошо приняли да употчивали!

Степочка ушелъ и передалъ весь запасъ, по

приказанію матери, кучеру, а о деньгахъ ужь не смѣлъ и заикнуться. Возвратясь въ комнату, онъ засталъ ее сидящую на диванѣ и какъ будто бы нѣсколько поутихнувшую.

— За что̀ вы, маменька, на меня изволите сердиться? сказалъ онъ, подходя къ ней и цалуя ея руку.—Я ничего не знаю, что̀ у васъ тамъ было-съ.

— Сбѣгай, узнай, коли очень любопытенъ!

— Что̀ мнѣ бѣгать! я, пожалуй, совсѣмъ перестану ходить туда, если вамъ угодно.

— Мнѣ ничего отъ тебя не угодно; какъ хочешь, такъ и живи: дурака не научишь на каждомъ шагу! проговорила Аграфена Кондратьевна и начала сбираться въ дорогу.

Напрасно Степанъ Гарасимычъ прислуживалъ ей, подавая то ту, то другую вещь: старуха продолжала сердиться.

— Когда мнѣ прикажите пріѣзжать домой-съ? спросилъ онъ.

— А хоть совсѣмъ не ѣзди,—мнѣ все равно!... Ну, Олимпіада, пойдемъ, проговорила Аграфена Кондратьевна и, почти не простясь съ сыномъ, вышла, усѣлась въ сани, перекрестилась и велѣла ѣхать.

Степочка, Аксинья и Кузьма, провожавшіе ее, стояли нѣкоторое время на улицѣ въ раздумьѣ.

— Не знаешь ли, Аксинья, за что̀ маменька тамъ разсердилась? спросилъ Степочка.

— Богъ ихъ вѣдаетъ, не знаю. Олимпіада только сказывала, что они побранились съ той барыней: надо полагать въ деньгахъ у нихъ что нибудь вышло.

— Ну, такъ и есть! вотъ тебѣ и женитьба!...

Ахъ, ты жизнь моя! проговорилъ Степанъ Гарасимычъ, вздохнувъ, и ушелъ въ комнату.

Полученное имъ вскорѣ отъ Анны Михайловны письмо разрѣшило всѣ его сомнѣнія.

«Милостивый государь,

Степанъ Гарасимычъ!

Возвращаю вамъ сдѣланные вами моей дочери подарки и беру назадъ мое слово, которое дала я вамъ, по своей неосмотрительности, насчетъ принятія васъ въ мое семейство. Соничка моя не можетъ имѣть свекровью такую женщину: мать ваша мнѣ и всему моему семейству наговорила столько дерзостей, что мы еще до сихъ поръ не можемъ опомниться. Очень сожалѣю, что была такъ глупа и позволила вамъ себя дурачить. Сколько я понимаю, вамъ приличнѣе сдѣлать партію съ какой нибудь мѣщанкой, а дѣвушка благороднаго званія за васъ, скажу вамъ прямо, не пойдетъ.»

Далѣе Степанъ Гарасимычъ не въ состояніи былъ читать письмо и бросилъ. Всякій, поставивъ себя въ положеніе молодого человѣка, согласится, что оно было очень непріятно: во первыхъ ему было очень совѣстно передъ знакомыми, которые, вѣроятно, надъ нимъ будутъ смѣяться, тѣмъ болѣе, что пріѣхалъ въ городъ уланъ, котораго онъ, послѣ всѣхъ его продѣлокъ, боялся пуще огня: во вторыхъ, маменька очень разсердилась; и въ третьихъ, потеря невѣсты. Впрочемъ, въ отношеніи послѣдняго, онъ какъ-то мало жалѣлъ, а это и могло служить доказательствомъ, что собственно любви въ немъ къ Соничкѣ не было, но женился бы онъ на ней такъ, по стеченію обстоятельствъ и потому, что его завлекали. Сообразивъ все хорошенько, на сколько стало у него умѣнья

соображать, онъ рѣшился на другой же день уѣхать изъ города совсѣмъ, пожить нѣкоторое время съ маменькою, помириться съ ней, а на весну поселиться въ своей усадьбѣ. Но при этомъ рѣшеніи онъ хотѣлъ еще разъ пройти мимо Алексѣя Сергѣича посмотрѣть на тотъ домъ, гдѣ жила она, жестокая. Начало смеркаться. Молодой человѣкъ прошелъ мимо завѣтнаго жилища разъ—никого не видалъ, другой—тоже никого не видалъ, и хотѣлъ было ужь пройти третій, но его нагналъ ѣхавшій въ саняхъ Моросенки, Василій Николаичъ Шмаковъ, который былъ въ городѣ и возвращался отъ Анны Михайловны, присылавшей за нимъ, по случаю вышедшихъ семейныхъ непріятностей, для совѣщанія.

— Степанъ Гарасимычъ! крикнулъ онъ, наѣзжая на молодого человѣка.

Тотъ подошелъ.

— Что̀ это у васъ, разошлась женитьба?

— Разошлась-съ.

— Слышалъ. Старухи перебранились.... Что вы тутъ ходите—поѣдемте ко мнѣ.

— Очень пріятно, сказалъ Степанъ Гарасимычъ и сѣлъ въ сани.

Шмаковъ, несмотря на то, что имѣлъ дочь, жилъ совершенно на холостую ногу и былъ, какъ говорится, человѣкъ совсѣмъ походный. Пріѣзжая въ городъ, онъ, обыкновенно, останавливался въ гостинницѣ и привозилъ съ собою все, что̀ нужно было для его потребностей, то есть шкатулку, въ которой хранились карты и деньги, погребчикъ съ водкой и чайнымъ приборомъ, пару дорожныхъ пистолетовъ, кисетъ съ табакомъ, ящикъ съ сигарами и больше ничего. Когда же онъ бралъ

съ собою дочь, то, обыкновенно, отправлялъ ее къ Аннѣ Михайловнѣ, съ которою издавна былъ очень друженъ. Привезя въ свой нумеръ Степана Гарасимыча, Шмаковъ тотчасъ же предложилъ ему курить.

— Въ чемъ старухи разбранились? спросилъ онъ.

— Не знаю-съ: меня не было.

— А вамъ хочется жениться?

— Желалъ бы.

— Да и пора. Отчего это только вамъ все неудача?

— Такой, стало быть, ужь я несчастный человѣкъ.

— Ничего, все пройдетъ. Женитесь на моей дочери... хотите? сейчасъ отдамъ: я слажу со старухой, не разбранюсь. Что̀ же вы сконфузились? не нравится, что ли?

— Нѣтъ нравится, да какъ же-съ?

— Такъ же, какъ обыкновенно женятся. Растерялся, молодой человѣкъ! ничего, подумайте: мы подождемъ.

Степанъ Гарасимычъ дѣйствительно растерялся: Шмаковъ далъ ему совершенно новую мысль. Ободренный вниманіемъ хозяина, онъ признался откровенно, какъ разсердилась на него маменька и какъ обидѣла его своимъ письмомъ Анна Михайловна. Василій Николаичъ совѣтовалъ ему на все плюнуть. За тѣмъ разговоръ зашелъ объ имѣньи Аграфены Кондратьевны. Объ этомъ предметѣ Степочка зналъ малѣйшія подробности: онъ перечислилъ всѣ деревни, разсказалъ, сколько въ каждой изъ нихъ тяголъ, по скольку платятъ оброку и даже высказалъ свое предположеніе насчетъ того, что у маменьки должно быть, кромѣ того, тысячъ сто денегъ.

— А умѣете ли вы играть въ карты? спросилъ вдругъ Шмаковъ.

— Нѣтъ-съ, не умѣю, отвѣчалъ Сальниковъ.

— Давайте, я васъ поучу въ самую простую— въ палки.

— Въ палки?! спросилъ Сальниковъ съ удивленіемъ.

— Да, въ палки, только не въ такія, которыми по бокамъ колотятъ... игра такъ называется. Смотрите, проговорилъ Василій Николаичъ и началъ показывать какъ играютъ въ названную игру, которую Степанъ Гарасимычъ, при всей своей неопытности, скоро понялъ.

— Ну-съ, мы играемъ съ вами по три копѣйки серебромъ, сказалъ хозяинъ и началъ играть. Въ четыре удара онъ проигралъ Степочкѣ золотой и тотчасъ же его отдалъ: въ слѣдующіе два удара еще золотой и отдалъ; возвысилъ цѣну и уже въ одинъ ударъ проигралъ два червонца и расплатился. Странное и удивительное впечатлѣніе произвело на молодого человѣка это случайное пріобрѣтеніе четырехъ золотыхъ. Сначала онъ не вѣрилъ, что это деньги его, но потомъ убѣдился въ этомъ и, возгорѣвъ желаніемъ выиграть еще, самъ предложилъ Шмакову играть, который согласился и назначилъ фишку по десяти копѣекъ серебромъ. Счастіе повернулось на его сторону: въ нѣсколько ударовъ онъ выигралъ до шестидесяти цѣлковыхъ и, спросивъ Степана Гарасимыча, хочетъ ли онъ еще играть, и получивъ отвѣтъ, что тотъ хочетъ, записалъ эти деньги на сторонкѣ и продолжалъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ игры, Степочка былъ уже въ проигрышѣ триста рублей серебромъ.

— Будетъ, отвѣчалъ Шмаковъ: вы и то много проиграли.

— А сколько? спросилъ тотъ.

— Триста серебромъ, отвѣчалъ хладнокровно Шмаковъ.

У Сальникова вытянулось лицо.

— Теперь расчитаетесь или послѣ? спросилъ Василій Николаичъ.

— Чего-съ? отозвался Степочка, безсмысленно глядя на хозяина.

— Я спрашиваю, есть ли съ вами деньги? Если есть, хорошо, а нѣтъ, такъ росписку дайте: сумма пустяшная, сочтемся.

— Я вамъ, стало быть, проигралъ тысячу рублей?

— То есть какъ тысячу? На ассигнаціи еще слишкомъ, а на серебро всего триста.

— У меня теперь нѣтъ денегъ-съ.

— Ну нѣтъ, такъ и нѣтъ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Послѣ заплатите, дайте только росписку.

Съ Степана Гарасимыча въ три ручья капалъ потъ; онъ вдругъ всталъ и пошелъ вонъ изъ комнаты: Шмаковъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Выйдя на свѣжій воздухъ, молодой человѣкъ постоялъ нѣсколько времени въ раздумьѣ, потомъ вдругъ бросился бѣжать безъ шапки, въ одномъ только сюртукѣ, въ которомъ сидѣлъ, къ себѣ на квартиру, гдѣ, собравшись на скорую руку, въ городскихъ саняхъ и въ одну лошадь уѣхалъ въ свою усадебку. Чтобы оправдать хоть сколько нибудь Степочку я долженъ сказать, что онъ во всю свою жизнь даже и въ воображеніи не представлялъ себѣ возможности проиграть, не шутя, тысячу рублей, и мнѣ думается, что еслибъ онъ самъ выигралъ такую огромную сумму, то не сталъ бы настоятельно требовать уплаты ея.

V.

Раззореніе Ухмыревыхъ не подлежало никакому сомнѣнію. Городской ихъ домъ, въ которомъ, по прежнему, было все очень хорошо убрано, продался съ аукціона. Всѣ знакомые, услышавъ объ этомъ, тотчасъ же пріѣхали навѣстить ихъ, но сдѣлали это не столько изъ участія, сколько изъ любопытства. Алексѣя Сергѣича вообще не любили за его гордость. При этихъ визитахъ, онъ самъ, а также и Авдотья Егоровна, надѣли на себя маску притворнаго равнодушія и всѣмъ говорили, что они давно имѣли намѣреніе переѣхать въ деревню и рады, что купецъ согласился взять у нихъ въ уплату долга домъ; но этому, конечно, никто не вѣрилъ. Хуже всего поступали съ Ухмыревымъ мѣстные купцы, у которыхъ прежде былъ ему открытъ кредитъ на сколько угодно. Они почти на дорогѣ остановили его вещи, которыя онъ началъ было перевозить въ усадьбу, настоятельно требуя уплаты по счетамъ, и поставили его наконецъ въ такое положеніе, что онъ отдалъ имъ эти вещи, которыя они и приняли, но на самыхъ тяжкихъ условіяхъ. Орѣховую, московской работы, мебель изъ гостиной взялъ за себя торговецъ красныхъ товаровъ; въ мускательную лавку пошли бронзовые часы и два канделябра; каретникъ увезъ къ себѣ обратно, за половинную цѣну, новые четверомѣстныя сани. Весельчакъ-докторъ поступилъ съ Ухмыревыми, въ этомъ случаѣ, хуже купцовъ, тогда какъ слишкомъ многимъ былъ имъ обязанъ. Лѣтъ десять тому назадъ, онъ пріѣхалъ въ К.... въ одномъ что̀ называется, фракѣ. Алексѣй Сергѣичъ первый

пригласилъ его лечить къ себѣ, назначивъ ему въ годъ двѣсти рублей серебромъ, твердилъ вездѣ о его добротѣ и безкорыстіи и прямо можно сказать, своимъ вліяніемъ на общество составилъ ему практику. Кромѣ того, они женили его на одной своей знакомой вдовѣ, женщинѣ необразованной, но съ очень хорошимъ состояніемъ; и когда онъ поразжился, то съ терпѣніемъ переносили его капризы и лѣнь, которой онъ день ото дня предавался замѣтнѣе, и гораздо болѣе думалъ объ одной своей, кажется, довольно здоровой паціенткѣ, чѣмъ о всѣхъ другихъ больныхъ. Въ послѣднее время онъ пріѣзжалъ къ Ухмыревымъ обыкновенно послѣ пятаго и шестого посла, и потомъ, когда домъ былъ проданъ и когда съ Авдотьею Егоровною, послѣ этого извѣстія, сдѣлалось дурно, окончательно обличилъ себя:

— У твоей барыни одна болѣзнь! я не поѣду, сказалъ онъ посланному: меня ждутъ больные серьёзнѣе ея.

Послѣ тысячи непріятностей, Алексѣй Сергѣичъ кое-какъ уладилъ свой переѣздъ въ деревню; но и тутъ явилось новое препятствіе. Усадьба, въ которую онъ намѣревался ѣхать, за неплатежъ въ Совѣтъ, подпала опекунскому управленію. Ухмыревъ упалъ духомъ и лежалъ цѣлый день въ кабинетѣ. Авдотья Егоровна была въ отчаяніи и плакала навзрыдъ, такъ что горничная ея пошла къ Вѣрѣ Павловнѣ, которая едва начала переходить комнату.

— Вѣра Павловна! выйдите къ тетенькѣ, сказала она: хоть немножко успокойте ее.

— Что́ такое? спросила Вѣра съ безпокойствомъ.

— Онѣ очень плачутъ-съ; въ усадьбу намъ ѣхать нельзя: опекунъ опредѣленъ.

Вѣра встала и пошла къ теткѣ.

— О чемъ вы, ma tante, плачете? сказала она, садясь около нея.

— Такъ, ни о чемъ, отвѣчала та: обыкновенная моя болѣзнь.

— Намъ, говорятъ, нельзя ѣхать въ усадьбу? тамъ опекунъ опредѣленъ.

— Кажется.

— Гдѣ же мы будемъ жить?

Авдотья Егоровна разрыдалась еще сильнѣе.

— Ma tante, я хочу васъ попросить: возьмите у меня ожерелье, которое мнѣ князь подарилъ, и продайте его: оно дорого стóитъ.

Авдотья Егоровна съ удивленіемъ посмотрѣла на племянницу. Надобно сказать, что у ней у самой были еще кой-какіе брилльянты; но она рѣшительно не имѣла великодушія разстаться съ этими страстно ею любимыми украшеніями. А Вѣра, молоденькая дѣвушка, сама предлагаетъ взять у нея такую прелестную, цѣнную и единственную вещь, и предлагаетъ такъ равнодушно, какъ будто бы старое, изношенное платье.

— Нѣтъ, мой другъ, это невозможно, отвѣчала она.—Тебѣ самой оно будетъ нужно.

— Нѣтъ, ma tante, оно мнѣ совершенно не нужно; я его ни разу не надѣвала и никогда не надѣну. Умоляю васъ, возьмите! мнѣ, право, оно не нравится; позвольте хоть этими пустяками заплатить вамъ за всѣ ваши благодѣянія.

— Душечка моя! милочка моя! мнѣ совѣстно и дядя не согласится.

— Согласится; я упрошу, я сейчасъ къ нему схожу.... Онъ въ кабинетѣ?

Авдотья Егоровна болѣе не противорѣчила и обняла великодушную племянницу, которая прошла въ кабинетъ.

— Вы нездоровы, дядя? спросила она.

— Да-съ, голова болитъ, отвѣчалъ сухо Ухмыревъ.

— Я къ вамъ пришла за совѣтомъ.

— Что́ такое? спросилъ отрывисто Алексѣй Сергѣичъ.

— Я хочу продать свое ожерелье. Вы не знаете, сколько за него дадутъ?

— Это зачѣмъ?

— Такъ, мнѣ хочется имѣть деньги. Купитъ ли у меня здѣсь кто нибудь его?

— Нашла здѣсь покупщиковъ! Здѣсь умѣютъ только на чужой счетъ обѣдать: я думаю, объищи весь городъ, такъ ни у кого ста цѣлковыхъ не найдешь въ карманѣ.

— Гдѣжь я могу его продать?

— Не знаю-съ.

— Ну, вотъ, дядя, научите, пожалуйста: я право хочу имѣть деньги.

— Право, не знаю-съ. Въ Ярославлѣ есть ювелиръ, а здѣсь никого нѣтъ.

— Я вотъ что̀ хочу, дядя, сдѣлать, начала Вѣра, послѣ непродолжительнаго молчанія: теперь я это ожерелье продамъ, а деньги вы возьмите у меня на сохраненье. Чѣмъ вамъ занимать у постороннихъ, такъ вы лучше возьмите у меня; а вамъ теперь, я знаю, деньги нужны.

Алексѣй Сергѣичъ наконецъ понялъ, къ чему племянница вела весь этотъ разговоръ. Въ лицѣ

его появились какія-то гримасы, на глазахъ показались слезы. Во все это время Ухмыревъ, отчасти разстроенный труднымъ положеніемъ своихъ дѣлъ, отчасти сердившійся на Вѣру за любовь ея къ Шамилову, былъ очень холоденъ къ ней и въ продолженіе всей ея тяжкой болѣзни почти не видалъ ее. Великодушіе Вѣры, котораго онъ никакъ не ожидалъ, пристыдило его.

— Вы хотите мнѣ сдѣлать благодѣяніе, котораго никто въ мірѣ для меня не сдѣлаетъ теперь, потому что я глупъ и не стою этого. За ваше намѣреніе Богъ вамъ заплатитъ: больше я ничего не могу сказать. Меня стоитъ наказать.... Я оплакиваю только несчастную жену мою и васъ! Вотъ въ какомъ я теперь положеніи: такъ могу ли я отъ васъ что нибудь принять! У васъ это послѣднее.

— Вы, дядя, несправедливо говорите: вы должны у меня эту бездѣлицу взять. Если вы сами забыли, что́ дѣлали для меня, то я помню. Что́ бы было со мной, если бы вы не приняли меня послѣ смерти батюшки? Я должна была бы умереть съ голоду; но вы меня пріютили, вы замѣнили мнѣ отца, вы доставили мнѣ всѣ удовольствія. Позвольте же мнѣ считать себя вашей дочерью. Если бы у васъ была дочь и у нея бы были лишнія вещи, и она попросила бы васъ взять и продать ихъ, вы вѣрно бы не отказали ей въ этомъ. За чтожь вы меня хотите обидѣть?

— Нѣтъ-съ, я недостоинъ называться вашимъ отцомъ: я противъ васъ виноватъ, много виноватъ; за васъ и за жену мою меня Богъ наказываетъ теперь.

— Послушайте, дядя, если вы не возьмете у

меня денегъ, имѣніе ваше продадутъ: намъ негдѣ будетъ жить. Вы должны спасти ваше состояніе и для этого продайте и мое и тетино, и все, что́ есть лишнее.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, не то бы я долженъ дѣлать, старый дуракъ; я бы долженъ въ карты не играть, дармоѣдовъ бы не кормить десять лѣтъ на заемныя деньги; тогда бы я не обиралъ моихъ родныхъ.

— Прошедшаго, дядя, не воротишь; возьмите у меня ожерелье, не огорчайте тетушку; вы знаете, какъ она слаба; она цѣлый день сегодня плачетъ.

— Для нея извольте; если она только хочетъ, я согласенъ.

— Она согласна; только вы возьмите его поскорѣе у меня, и продайте; я сейчасъ вамъ пришлю его.

Алексѣй Сергѣичъ, вмѣсто отвѣта, поцаловалъ у племянницы руку.

Успокоить Авдотью Егоровну Вѣрѣ было очень нетрудно: она пришла и сказала ей, что дядя согласенъ, и добрая тетка, по возможности, утѣшилась. Вѣра не обѣдала; утомленная утренними подвигами, она ослабѣла и легла въ постель. Дядя и тетка сидѣли въ ея комнатѣ попеременно. О Шамиловѣ она во все послѣднее время ни слова не говорила, не получала отъ него никакого извѣстія и сама къ нему не писала.

Алексѣй Сергѣичъ сбылъ ожерелье; но кому именно, въ какую сумму и на какихъ условіяхъ— не сказалъ ни женѣ, ни племянницѣ, а только написалъ на имя послѣдней вексель въ пять тысячъ рублей серебромъ и заставилъ жену подписаться

поручительницей. Вѣра не хотѣла было брать, но Ухмыревъ настоялъ, говоря, что это необходимо сдѣлать на случай смерти. Опека была снята. По самому послѣднему пути, Ухмыревы переѣхали наконецъ въ деревню. Авдотья Егоровна и Вѣра были очень удивлены, по пріѣздѣ въ усадьбу: онѣ рѣшительно не узнали стараго деревяннаго дома: онъ былъ оклеенъ обоями, въ немъ была прехорошенькая мебель, драпировка замѣнила прежнія неуклюжія деревянныя двери. Алексѣй Сергѣичъ приготовилъ имъ сюрпризъ. Во все это время онъ говорилъ: «какъ намъ будетъ жить въ нашихъ развалинахъ? Надобно бы поправить, а не хочется.»

— Зачѣмъ, mon cher, поправлять! онъ довольно тепелъ, возражала Авдотья Егоровна.

— Не поправляйте, дядя, замѣчала Вѣра. — Я очень люблю старые дома.

— Не стану-съ: только не соскучьтесь сами, отвѣчалъ Алексѣй Сергѣичъ и улыбался.

На дѣлѣ вышло не то: онъ его совсѣмъ поправилъ.

— Вотъ твой, Eudoxie, кабинетъ; хорошъ? спрашивалъ онъ жену.

Та качала головой.

— Гостиная немного темна, продолжалъ Алексѣй Сергѣичъ, не глядя на Авдотью Егоровну.— Лѣтомъ надобно будетъ перемѣнить рамы: сдѣлаю въ три стекла; терпѣть не могу этихъ клѣтокъ.

— Зачѣмъ, ma tante, дядя столько денегъ издержалъ на поправку дома? сказала Вѣра теткѣ, оставшись съ нею вдвоемъ.

— Что́, ангелъ мой, съ нимъ дѣлать! онъ не можетъ иначе; это его слабость.

Жизнь Ухмыревыхъ въ деревнѣ пошла однообразно и спокойно. Алексѣй Сергѣичъ, въ первое время, началъ сильно хозяйничать: ходилъ по полямъ, смотрѣлъ самъ за рабочими и составилъ планъ какого-то огромнаго кирпичнаго завода, и вычислялъ, сколько онъ долженъ будетъ давать ему дохода. Выходило, что очень порядочно—тысячъ до трехъ серебромъ; но оказалось препятствіе, въ томъ отношеніи, что во всей дачѣ не могли отъискать достаточнаго слоя глины. Хозяйство и проекты занимали Ухмырева недолго: онъ снова сдѣлался скученъ и всякій разъ сердился, когда надобно было посылать въ городъ за покупками и выдать для этого денегъ; а потомъ началъ потихоньку совѣтоваться съ прикащикомъ о томъ, нельзя ли чего нибудь продать изъ хозяйственныхъ вещей, и прикащикъ, стараясь угодить барину, предложилъ отдать на срубъ лѣсную дачу, по дешевымъ, конечно, цѣнамъ, но больше никто не давалъ. Баринъ изъявилъ согласіе и опять успокоился.

На Ѳоминой къ Ухмыревымъ пріѣхалъ совершенно нечаянный гость—Степанъ Гарасимычъ, который былъ имъ сосѣдъ, по одной изъ маменькиныхъ усадебъ. Но прежде я долженъ сказать, что съ молодымъ человѣкомъ, послѣ его постыднаго бѣгства изъ гостинницы, случилась большая перемѣна. По пріѣздѣ въ свою усадьбу, онъ дня три былъ въ величайшемъ страхѣ, безпрестанно ожидая, что явится Шмаковъ и будетъ отъ него требовать трехсотъ рублей серебромъ. Василій Николаичъ, однако, не ѣхалъ, но прислала нарочнаго Аграфена Кондратьевна и требовала, чтобы Степочка, не медля ни минуты, явился къ ней.

«Вотъ тебѣ и разъ—подумалъ онъ — маменька вѣрно узнала, что я въ карты проигралъ; она безъ того ужь была сердита на меня, а тутъ, пожалуй, такую штуку сдѣлаетъ, что и своихъ не узнаешь.»

Предположеніе это оказалось совершенно несправедливо. Аграфена Кондратьевна встрѣтила сына со слезами и съ распростертыми объятіями и съ перваго же раза объявила, что хочетъ отдѣлить ему всѣ четыреста душъ, которыя были въ той губерніи, а сама намѣревалась переѣхать на весну въ городъ, а лѣтомъ отправиться на богомолье въ Кіевъ и въ Воронежъ. Къ бо́льшему еще удивленію, Степанъ Гарасимычъ замѣтилъ, что маменька, которую онъ не видалъ всего четыре дня, такъ похудѣла, какъ бы послѣ мѣсячной лихорадки, была какая-то разстроенная и говорила сама не понимая что́. О свадьбѣ его не упомянула она ни слова; въ церковь свою вдругъ сдѣлала вкладъ въ пятьсотъ рублей серебромъ, чего прежде никогда не бывало, хоть и была всегда довольно богомольна. Со старухой случилось странное происшествіе: суета ея съ Моросенками ужасно ее разстроила: все таки она была мать, хоть и грубо, но горячо любившая сына; на дорогѣ съ ней сдѣлалась этакая тоска, что она и раскрывалась, и пила холодную воду — ничто не помогаетъ; такъ тошно, хоть руки на себя наложить. Первая пришла ей мысль, не отравили ли ее Моросенки, и это, по ея соображенію, было возможно. Степочка у нея одинъ наслѣдникъ: послѣ смерти ея имѣніе ни къ кому не можетъ перейти, кромѣ его. Замѣтивъ, что она не хочетъ его отдѣлить, всего лучше было спровадить ее на

тотъ свѣтъ. При этомъ тоска, конечно, еще больше усилилась.

— Батюшки мои, начала она говорить людямъ:— везите меня поскорѣе: смерть моя приходитъ; дайте мнѣ причаститься и исповѣдаться.

Кучеръ, видя, что съ барыней плохо, погналъ во всю прыть. Отъ воздуха или отчего другого, ей начало становиться легче, легче, и когда въѣхала въ усадьбу, то какъ будто бы началъ сонъ клонить. Она, конечно, тотчасъ же улеглась, однако заснуть не могла; полежавъ съ четверть часа и вспомнивъ, что не молилась, она встала, засвѣтила восковую свѣчку и пошла въ залу, гдѣ стоялъ большой образъ, но только что ступила ногой въ гостиную, чрезъ которую надобно было проходить, вдругъ идетъ ей на встрѣчу другая Аграфена Кондратьевна, въ такомъ же копотѣ, въ такихъ же валенкахъ: сердце у ней замерло и едва достало силы вскрикнуть, и она тутъ же упала. Прибѣжали дѣвки и нашли ее совершенно безъ чувствъ. Можете себѣ представить, что́ она чувствовала, опомнившись. День еще промаяла коекакъ; но съ закатомъ солнца съ ней сдѣлался такой страхъ, что она легла въ свою спальню, зажмурилась, положила около себя всѣхъ своихъ дѣвокъ, а въ залѣ и лакейской велѣла ночевать двумъ даже мужикамъ, и только такимъ образомъ могла провести ночь. Въ отношеніи Степочки она почувствовала полнѣйшее раскаяніе. Ей представилось, что она этого несчастнаго ребенка, сама не зная за что, мучитъ и терзаетъ. Она сейчасъ же послала за нимъ и до самого пріѣзда его не пила, не ѣла и не спала. Все это она разсказала впослѣдствіи, но въ то время скрыла отъ всѣхъ.

— Вотъ, мой другъ, сказала она, отдавая Степочкѣ дарственную на четыреста душъ:—живи и хозяйничай, а мнѣ ужь ничего не нужно.

И черезъ два дня выѣхала изъ своего пепелища, гдѣ прожила она почти сорокъ лѣтъ безвыѣздно, съ удивительнымъ равнодушіемъ, какъ будто бы ей все надоѣло и ничто ужь не занимало. Къ Степану Гарасимычу была она чрезвычайно нѣжна.

— Не забывай меня, покуда еще жива, навѣдывайся ко мнѣ, говорила она:— жить я тебя съ собою не зову: со мной тебѣ дѣлать нечего; присматривай здѣсь за хозяйствомъ, женись, если Моросенкиныхъ дочь нравится; я ужь имъ простила, простили бы и они меня.

— Нѣтъ, маменька, я не желаю-съ, отвѣчалъ Степочка.—

Впрочемъ, ему и желать этого было невозможно, особенно послѣ недавней исторіи съ Шмаковымъ.

Прощаясь съ людьми, старуха всѣмъ кланялась въ поясъ и говорила: «простите, Христа-ради, меня грѣшную: многимъ я виновата противъ васъ.» Степанъ Гарасимычъ, проводивъ мать въ городъ, тотчасъ же вступилъ въ управленіе имѣніемъ, и, услышавъ, что Алексѣй Сергѣичъ переѣхалъ въ свою деревню, онъ, для своего пребыванія, избралъ одну изъ усадебъ, которая отъ Ухмыревыхъ была всего въ пяти верстахъ, и сдѣлалъ имъ визитъ. Хозяева удивились, сконфузились и не успѣли еще придти въ себя, какъ Степанъ Гарасимычъ влетѣлъ и расшаркался.

— Мы теперь ужь не городскіе, а деревенскіе

сосѣди, говорилъ онъ:—я никакъ не думалъ, что буду здѣсь жить.

— Вы теперь въ Тыркинѣ? спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Да-съ, въ Тыркинѣ.

— Оно давно ваше?

— О, нѣтъ-съ: оно было маменькино, а теперь мое.

— Какже такъ ваше?

— Маменька мнѣ на бумагѣ отдала четыреста душъ. Она сама не хочетъ заниматься хозяйствомъ. Въ городѣ говорили, что она мнѣ никогда ничего не дастъ: я только тогда смѣялся надъ этимъ.

— Ктожь это говорилъ? вы одинъ сынъ.

— Конечно, одинъ, но говорили. Я теперь хочу никогда въ городахъ не жить. Деревенское знакомство гораздо пріятнѣе: даже у себя дома можно хозяйствомъ заниматься. Я теперь долженъ много устроивать въ этой усадьбѣ; хотѣлось бы еще прикупить кое-чего. Она очень выгодная; но мужики въ отдаленіи — работать некому.

— Чтожь, вы задѣльную деревню желали бы купить? спросилъ Ухмыревъ.

— Да-съ, задѣльную.

— А ваша свадьба, Степанъ Гарасимычъ? спросила Авдотья Егоровна.

Степанъ Гарасимычъ только сплюнулъ на это.

— Они такой сдѣлали пріемъ маменькѣ, отвѣчалъ онъ пожимая плечами, что въ другихъ благородныхъ домахъ этого никогда не бываетъ.

— Стало быть все ужь кончено? замѣтилъ Ухмыревъ.

— Да-съ.

Просидѣвъ съ полчаса, Степанъ Гарасимычъ не

утерпѣлъ и спросилъ о главномъ предметѣ, для котораго онъ, кажется, и пріѣхалъ.

— Вѣра Павловна все еще больна?

— Не то, что больна, но слаба, отвѣчала Авдотья Егоровна.

— Можетъ, онѣ по женихѣ скучаютъ?

— Я думаю.

— Сегодня она выходила? спросилъ Алексѣй Сергѣичъ жену.

— Выходила. Теперь она чѣмъ-то занята: у нея писемъ много, отвѣчала та.

— Когда я провожалъ въ городъ маменьку, такъ изъ знакомыхъ ни у кого не былъ; но люди сказывали, что свадьба Вѣры Павловны, какъ и моя, тоже разстроилась.

Авдотья Егоровна переглянулась съ мужемъ и оба ничего не отвѣчали.

— Говорятъ, Петръ Александрычъ, совсѣмъ ужь уѣхалъ въ Петербургъ и писалъ своему человѣку, чтобы онъ продалъ домъ и выслалъ бы ему деньги — въ столицахъ деньги нужны.

— Не знаю-съ, о домѣ мы ничего не слыхали, проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— А на счетъ свадьбы, справедливо или нѣтъ?

— Какъ сказать — это зависитъ отъ обстоятельствъ, отвѣчалъ Ухмыревъ.

— Иногда хорошо, когда свадьба разстроивается. Пріятно жениться на дѣвушкѣ, которая по сердцу; но если нѣтъ, такъ....

— По вашему состоянію, вы всегда можете жениться по наклонности, сказала Авдотья Егоровна.

— Состояніе еще у меня недавно-съ и очень былъ бы радъ, если бы та дѣвица, которая мнѣ нравится больше всѣхъ, пошла-бы за меня.

Хозяева хорошо понимали къ чему клонилъ разговоръ Степочка. Авдотья Егоровна конфузилась, Алексѣй Сергѣичъ соображалъ.

— Молодому человѣку надобно имѣть терпѣнье, проговорилъ онъ. — Что вы не курите? хотите?

— Но не обезпокою ли я даму.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, отозвалась Авдотья Егоровна.

— Я вамъ сейчасъ велю подать, сказалъ Ухмыревъ и ушелъ.

— Какъ я радъ, что опять возобновилъ съ вами знакомство! я долго не рѣшался къ вамъ ѣхать.

— Намъ очень пріятно васъ видѣть всегда.

— А для меня это счастіе.

Алексѣй Сергѣичъ, велѣвъ подать Степочкѣ трубку, пошелъ мимо комнаты племянницы и заглянулъ въ растворенную дверь. Вѣра сидѣла, задумавшись.

— Что̀ вы? спросилъ онъ.

— Ничего.

— Тамъ у насъ гость.

— Слышала.

— Что, вамъ не хуже сегодня

— Нѣтъ, ничего.

— Выйдете къ обѣду?

— Да, непремѣнно.

Алексѣй Сергѣичъ, возвратясь въ гостинную, увелъ оттуда Степочку въ свой кабинетъ.

— Вы давича сказали, что желали бы прикупить къ усадьбѣ. Купите у меня деревню?

Степанъ Гарасимычъ нѣсколько затруднился: говоря о желаніи купить, онъ хотѣлъ только задать передъ Ухмыревыми форсъ, — но, впрочемъ, спросилъ:

— Какую это-съ?

— Марково. Деревня хорошая: у меня въ ней сто душъ.

— А какая ваша цѣна?

— Назначайте сами.

— По моему, нельзя большой цѣны дать: по сту рублей серебромъ за душу.

— Берите: я уступлю за эту цѣну.

Степанъ Гарасимычъ обрадовался и удивился. Цѣна была, какъ говорится, дешевле парёной рѣпы, потому что всѣ мужики были зажиточные и снабженные всѣми мѣстными угодьями; упустить этакой случай было грѣхъ; но какимъ образомъ купить? столько денегъ у него не было въ наличности; но можно было продать хлѣба, котораго было у него по всѣмъ усадьбамъ несчетное количество.

— Хорошо-съ, я посовѣтуюсь съ маменькой, отвѣчалъ онъ.

— Чтó же тутъ совѣтоваться! цѣна ничтожная.

— Еще надобно денегъ сколотить.

— Денегъ вамъ немного надобно: долгъ Совѣту вы переведете на себя, заплатите небольшую недоимку, а мнѣ придется отдать не болѣе трехъ тысячь.

— На-лицо у меня нѣтъ столько, а у маменьки просить не смѣю.

— Не можете ли вы мнѣ по крайней мѣрѣ хоть задатку дать сколько нибудь?

— Когда-съ?

— Да теперь.

— А отъ васъ я чтó же, бумагу, чтò ли, какую получу?

— Мы напишемъ домовое условіе.

— Не знаю, право, какъ это.... мнѣ никогда не случалось.... Какъ бы это было въ городѣ, я бы тамъ посовѣтовался съ однимъ человѣкомъ: онъ у маменьки всѣ эти дѣла дѣлаетъ.

— Неужели же вы сомнѣваетесь? Если мало для васъ условій, я вамъ дамъ сохранную записку въ вашемъ задаткѣ: это вѣрнѣе всего. Я бы это имѣніе никакъ не сталъ продавать, еслибы не необходимость; крайности у меня постоянной нѣтъ, но на переворотъ нужно — больше ничего. Пожалуйста, если можно.

— А какъ вы послѣ отопретесь?

Алексѣй Сергѣичъ смѣшался.

— Отпереться мнѣ нельзя: я благородный человѣкъ; а если умру, жена подпишется ко всему поручительницей. Я вотъ какъ хочу дѣлать.

— Когда же я имѣніе получу?

— По совершеніи купчей.

— Когда же купчую совершимъ мы?

— Это отъ васъ зависитъ: когда собьетесь съ деньгами, тотчасъ и совершимъ.

— Ну, вотъ видите, это долго.

— Да что́ же васъ затрудняетъ?

— Со мной не бывало никогда этакого дѣла: деньги отдать, а имѣніе не получить; дожидайся, когда...

— Вы отдадите только задатокъ.

— Все равно — деньги-съ.

— Деньги деньгамъ рознь: это — небольшія деньги.

— Вамъ сколько надобно?

— Да хоть пятьсотъ рублей.

— Вотъ сколько.

— Ну, а сколько же вы можете?

— Сто рублей, пожалуй.

— Какже это сто?

— Ну, двѣсти.

— Что́ двѣсти! я лучше другому продамъ.

Степанъ Гарасимычъ думалъ: купить ему очень хотѣлось, а задатку было жаль, да и сомнѣвался, чтобъ Ухмыревъ какъ нибудь не обманулъ, воспользуясь его неопытностью.

— Согласитесь хоть на четыреста рублей; мнѣ главное деньги теперь нужны; оно можно бы.... да только, чтобы вѣрно было.

— Я напишу какое хотите условіе... Неустойка вамъ нужна? Во сколько угодно, хоть въ десять тысячъ серебромъ, проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ и началъ было писать.

— Нѣтъ-съ, погодите: я лучше въ городъ съѣзжу мнѣ тамъ напишутъ.

— Хорошо, мнѣ все равно: дайте только задатокъ, я дамъ въ немъ пока росписку.

— А какъ вы эти деньги теперь же издержите? возразилъ Степочка.

Ухмыревъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Какъ издержу?

— Да, кабы вы не держали; а то тутъ у васъ и не будетъ чѣмъ мнѣ отдать назадъ.

— Зачѣмъ же мнѣ отдавать назадъ? Вы имѣніе получите.

— Гдѣ еще имѣніе! когда я его получу! мнѣ бы вотъ теперь нужны руки, надо лѣсу запасти на постройку.

— Такъ вы расчитайтесь со мной хоть сейчасъ же; а завтра совершимъ крѣпость.

— Денегъ нѣтъ столько.

— Когда же они у васъ будутъ?

— По веснѣ.

— Ну что́жь, это ничего.

— Какое ничего-съ? У меня на задѣлье ходить некому; поэтому я за вашимъ Марковымъ и тянусь — вотъ что̀-съ!

— Пожалуй, я допущу васъ во владѣніе; поступайте какъ знаете.

— Это хорошо, а то и маменька разсердится,— скажетъ: купилъ имѣніе, а въ чужихъ рукахъ.

— Извольте, проговорилъ, съ досадой, Ухмыревъ и далъ Степочкѣ приказъ къ марковскому старостѣ, чтобы онъ явился къ Степану Гарасимычу и исполнялъ всѣ его приказанія, такъ какъ деревня уже запродана ему.

Къ обѣду Вѣра дѣйствительно вышла. Степочка увидѣвъ ее, сначала покраснѣлъ до самыхъ ушей, а потомъ совершенно растаялъ. Она, видимо, употребляла надъ собой всѣ усилія, чтобы быть съ нимъ ласковой.

Послѣ отъѣзда гостя, Алексѣй Сергѣичъ вошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла Авдотья Егоровна, и сѣлъ насупившись, что́ онъ всегда дѣлалъ предъ каждымъ щекотливымъ объясненіемъ съ женою.

— Я маленькую аферу сейчасъ сдѣлалъ съ этимъ бариномъ, началъ онъ.

— Что́ такое? спросила жена.

— Марково запродалъ ему.

Авдотья Егоровна поблѣднѣла.

— Для чего? спросила она.

— Деньги нужны, да и деревня безполезна.

— Что́ это, другъ мой! это лучшая наша деревня!

— Вовсе не лучшая: народъ пребалованный и весь задѣльный; а намъ деньги нужны. Я ее про-

дамъ, такъ буду спокоенъ, оттого, что буду чистъ со всѣми долгами.

— Будто ужь и со всѣми.

— Пора мнѣ знать счетъ-то! а лгуномъ я еще никогда не бывалъ.

— И Вѣрочкѣ деньги ты возвратишь?

— Я про вѣрочкины деньги и не говорю: это домашній долгъ, мы будемъ обезпечивать ее всѣмъ нашимъ состояніемъ.

— Но если она замужъ выйдетъ, ей сейчасъ будутъ нужны деньги.

Алексѣй Сергѣичъ вспылилъ.

— Прошу васъ не безпокоиться: это мое дѣло; вамъ бы только колоть меня этимъ не слѣдовало.

— Чѣмъ же я тебя уколола?

— Да-съ, ничего: я зналъ прежде, каковы эти деньги будутъ для меня, я, какъ огня, ихъ боялся; вы же согласились и настояли, а теперь...

— Ахъ, Alexis, какъ ты несправедливъ: она отдала тебѣ послѣднее, а ты сердишься!

— Съ чего же вы взяли, что я сержусь? Напротивъ, я всю жизнь останусь благодаренъ ей; но дайте мнѣ перевернуться. Я цѣлыя ночи, сударыня, не сплю! Вамъ стыдно бы было мнѣ не вѣрить... Богъ съ вами! мнѣ теперь осталось одно: молить Бога, чтобы прибралъ меня скорѣе... оставайтесь, будете счастливы безъ меня!

— Охъ! вскрикнула Авдотья Егоровна и начала рыдать.

— Одна исторія, проговорилъ Ухмыревъ и, махнувъ рукою, ушелъ.

За тѣмъ послѣдовали обычныя сцены: Авдотья Егоровна проплакалась, позвала къ себѣ мужа, приласкалась къ нему; а онъ, съ своей стороны,

доказалъ ей пунктуально, что продаетъ деревню такъ выгодно, какъ только можно желать.

Степочка отъ Ухмырева проѣхалъ прямо въ Марково, гдѣ обошелъ сначала всѣ крестьянскіе дворы, подробно распросилъ хозяевъ о хлѣбѣ, о скотинѣ, о покосахъ и лѣсныхъ дачахъ, а потомъ собралъ на сходку міръ и, объявивъ всѣмъ мужикамъ, что онъ сторговалъ деревню, прочиталъ имъ приказъ Алексѣя Сергѣича.

— Вы рады ли, что я васъ покупаю? спросилъ онъ въ заключеніе.

У всѣхъ почти мужиковъ вытянулись лица.

— Намъ, батюшка, все равно, кому ни служить, отвѣчали нѣкоторые изъ нихъ неторопливо.

— Что́, ребята, надобно говорить правду, произнесъ рыжій мужикъ: — на одинъ конецъ лучше. За Алексѣемъ Сергѣичемъ жить, такъ порядку не видать: то льготы, то вдругъ требуютъ.

— Небось съ тебя лишнее взяли! Ахъ, братъ, Михайло, не то бы тебѣ слѣдовало баять: тебѣ бы за господъ пуще всѣхъ надобно, денно и ночно, молить Бога, а не то, что говорить этакія пустыя слова, сказалъ сѣдой старикъ.

— Я не про себя и говорю, сѣдая борода, а про новаго барина: у него, извѣстно, порядокъ будетъ лучше, возразилъ Михайло.

— Свой-то бы порядокъ лучше наблюдалъ; немало мы съ тобой на міру-то повозились, а господа-то давно ужь отъ тебя отступились, возразилъ ему тотъ же старикъ.

— Отступились! много больно знаешь: на печи лежать да по міру ходить — извѣстный у васъ промыселъ-то у всѣхъ одинъ.

— Нѣтъ, Михайлушко, я по міру не хожу, слава Богу: дѣтки кормятъ.

— Ты, Михайло, вотчину не клепли, вмѣшался русый мужикъ, съ вострой бородой: — у насъ, кромѣ тебя, никто этимъ не занимается.

— Я у васъ порядокъ заведу, произнесъ Степочка: — такой же, вотъ, какъ и у насъ въ имѣніи... знаете, я думаю?

— Какъ не знать-съ! дѣло сусѣднее, отвѣчалъ опять, какъ-то уклончиво тотъ же русый мужикъ.

— Извини, судырь-ты мой, меня: хочу и тебя спросить, началъ прежній старикъ: — больно мнѣ жаль старыхъ-то господъ! Пошто это Алексѣй Сергѣичъ продаетъ насъ? баринъ добрый, барыня тоже: неужели имъ нужда какая пришла?

— Прожились въ городѣ, баловъ очень много давали... я такъ вотъ не люблю; въ именины развѣ кого позову, а больше никогда.

Поговоривъ такимъ образомъ съ мужиками, Степочка уѣхалъ домой. Онъ очень доволенъ былъ покупкой. Мужики хорошіе и зажиточные; одинъ только Михайло... «ну, да я его въ пастухи возьму» — разсуждалъ онъ самъ съ собой и на другой день отправился въ городъ. Онъ имѣлъ тамъ постояннаго ходатая въ особѣ нѣкоего Ивана Ефимыча Ѳеофилактова, бывшаго письмоводителя опеки, котораго, по всѣмъ правамъ, можно было назвать попечителемъ и покровителемъ всѣхъ уѣздныхъ вдовъ и сиротъ: онъ писалъ имъ отчеты, хлопоталъ о метрическихъ свидѣтельствахъ управлялъ имѣніями, скупалъ у нихъ на чистыя деньги исковыя дѣлишки, пріискивалъ даже жениховъ, — однимъ словомъ, былъ угода на всѣ руки. Услуживая такимъ образомъ, онъ, конечно,

не забывалъ и самого себя: въ настоящее время имѣлъ уже свою деревню и каменный домишко въ городѣ: обращенія онъ былъ очень солиднаго; онъ не любилъ говорить пустяковъ.

Выслушавъ, въ чемъ дѣло, Иванъ Ефимычъ началъ тереть лобъ, какъ бы припоминая кое-что.

— Вамъ надобно условіе заключить? сказалъ онъ.

— Да-съ, условіе.

— Съ неустойкой.

— Съ неустойкой — онъ самъ говорилъ — въ десять тысячъ серебромъ.

— Хм! какой добрый!

— Я боюсь не опасно ли.

— Какое опасно! дѣло вѣрное, хорошее.

— Какъ надобно сдѣлать-то?

— Надобно на гербовой, да и у маклера засвидѣтельствовать, а то иначе будетъ недѣйствительно, отвѣчалъ Ѳеофилактовъ. — Черновую я вамъ напишу, прибавилъ онъ и разомъ сочинилъ условіе, въ такомъ духѣ.

«Я, Ухмыревъ, запродалъ, на словахъ, Сальникову, имѣніе, состоящее К... уѣзда, въ деревнѣ Марковѣ, по послѣдней ревизіи сто душъ, за десять тысячъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы въ числѣ оныхъ денегъ заключался долгъ Опекунскому Совѣту и всѣ казенныя недоимки; мнѣ же, Ухмыреву, получить, что́ будетъ слѣдовать въ остаткѣ по расчету. Въ задатокъ я получилъ пятьсотъ рублей серебромъ. Купчую крѣпость обязуюсь совершить тотчасъ же по полученіи полнаго расчета; въ случаѣ же отказа съ моей стороны или какихъ либо другихъ препятствій, обязываю я себя неустойкой въ десять тысячъ рублей серебромъ, которыя и долженъ я, продавщикъ, уплатить по-

купателю тотчасъ вмѣстѣ съ задаткомъ; я же Сальниковъ, обязуюсь сдѣлать Ухмыреву расчетъ по продажѣ хлѣба.»

Къ этому условію Алексѣй Сергѣичъ, почти не читавши, подписался, получилъ пятьсотъ рублей и былъ очень доволенъ.

VI.

Наступилъ май мѣсяцъ. Аграфена Кондратьевна уѣхала на богомолье. Степанъ Гарасимычъ все хлопоталъ съ продажею хлѣба и сбывалъ его не вдругъ, а съ выдержкой, и поэтому довольно выгодно.

— Ну, баринъ, говорили ему купцы, издавна закупавшіе въ тѣхъ мѣстахъ хлѣбъ и торговавшіеся съ нимъ въ продолженіе трехъ сутокъ: — какъ ты деньгу любишь! Маменька твоя была туга, а ты еще чище ея.

Вѣра Павловна начала чувствовать постоянную боль въ лѣвомъ грудномъ боку, не сильно, но какъ-то болѣзненно кашляла и, наконецъ, съ каждымъ днемъ худѣла и слабѣла, но, несмотря на это, сама она какъ бы рѣшительно не сознавала своей болѣзни и упорно не хотѣла лечиться, говоря, что она здорова и ничего особеннаго не чувствуетъ.

Наколотивъ денегъ, Степанъ Гарасимычъ началъ требовать окончательной продажи имѣнія. Алексѣй Сергѣичъ былъ душевно радъ съ своей стороны, и оба они отправились въ городъ, чтобы посовѣтоваться насчетъ купчей, и обратились, по желанію Сальникова, къ покровителю вдовъ и сиротъ, Ивану Ефимычу, который, къ удивленію купца и къ ужасу продавца, объявилъ, что купчей крѣпости

совершить нельзя, потому что на имѣнье, по частной претензіи, въ шесть тысячъ рублей серебромъ, наложено запрещеніе, и въ доказательство своихъ словъ предъявилъ запретительную статью. Алексѣй Сергѣичъ схватился за голову. Объ этомъ долгѣ онъ совсѣмъ и забылъ.

— Вотъ тебѣ на!... едва имѣлъ онъ силы выговорить.

— Вамъ надобно прежде претензію очистить, произнесъ Иванъ Ефимычъ спокойнымъ голосомъ.

— Не могу, хоть повѣсьте—не могу; лучше условіе уничтожить. Что́ дѣлать! ошибся,—безъ всякаго умысла ошибся... говорилъ совершенно растерявшійся Ухмыревъ.

— А деньги мои какъ же? спросилъ Степочка.

— Деньги я вамъ отдамъ.

— Теперь-съ?

— Нѣтъ не то, что теперь: теперь покуда я, пожалуй, вамъ дамъ вексель; а въ удостовѣреніе, пускай марковцы ходятъ къ вамъ на работу; другого ничего не могу придумать.

— Этого нельзя-съ; вонъ и Иванъ Ефимычъ тоже скажетъ.

— Нѣтъ-съ, я ничего не скажу: дѣло ваше, отвѣчалъ тотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покачалъ отрицательно Степану Гарасимычу головой, такимъ образомъ, что Ухмыревъ не замѣтилъ этого.

— Такъ что́ же мнѣ-то дѣлать?

— Я не знаю, Иванъ Ефимычъ! что̀ теперь дѣлать Алексѣю Сергѣичу?

— Какъ это рѣшить вдругъ! надобно подумать хорошенько: дѣло запутанное.... отвѣчалъ прежнимъ, безстрастнымъ тономъ письмоводитель.

— Меня-то, по крайней мѣрѣ, Иванъ Ефимычъ,

чѣмъ нибудь рѣшите? произнесъ Ухмыревъ умоляющимъ тономъ.

— Васъ чѣмъ рѣшить? имѣнье продавать нельзя.

— А условіе?

— Это въ волѣ Степана Гарасимыча: можно его изорвать, а можно и въ ходъ пустить.

— Какъ это въ ходъ пустить! Господа, помилуйте! что̀ вы хотите со мной дѣлать! Степанъ Гарасимычъ, прошу васъ, объясните мнѣ, что̀ вы намѣрены дѣлать?

— Я вамъ послѣ скажу-съ.

— Мнѣ дожидаться нѐкогда: у меня по горло дѣла въ деревнѣ; да и я не могу здѣсь быть: мнѣ тошно, глаза бы мои не видѣли этого города!

— Вамъ можно ѣхать: за вами теперь никакого нѣтъ дѣла, сказалъ письмоводитель.

— Но я долженъ ѣхать съ чѣмъ нибудь. Это не десять рублей, Иванъ Ефимычъ! Побойтесь вы Бога. Я всю ночь не усну и, можетъ быть, не перенесу этого.

— Да отъ чего тутъ такъ безпокоиться! Степанъ Гарасимычъ, полагаю, не обидитъ васъ—не сегодня знакомъ—какъ нибудь сдѣлаетесь.

— Степанъ Гарасимычъ! скажите мнѣ что нибудь одно? произнесъ Ухмыревъ, обращаясь къ Степочкѣ, который ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я завтра вамъ скажу-съ,—право, отвѣчалъ тотъ.

— Что̀ это такое завтра! тѣшиться что̀ ли вамъ надо мной старикомъ хочется. Съ меня взять нечего: я банкротъ! Коли такъ, такъ вы ни имѣнья, ни задатку не получите! проговоря это, Алек-

сѣй Сергѣичъ ушелъ и тотчасъ же уѣхалъ въ деревню.

Пріѣхавъ, онъ ни слова не сказалъ Авдотьѣ Егоровнѣ, но притворился больнымъ, ушелъ въ свой кабинетъ и никому не велѣлъ къ себѣ входить.

Послѣднія слова Ухмырева Степочку обезпокоили.

— Иванъ Ефимычъ! каково онъ меня надулъ! а ты говорилъ дѣло вѣрное, сказалъ онъ, оставшись съ своимъ повѣреннымъ.

— Да есть немножко, опростоволосились, отвѣчалъ тотъ.

— Теперь съ него и денегъ-то не воротишь?

— Какія у него деньги! сами слышали что́ онъ сказалъ.

— А зачѣмъ же ты меня въ это ввелъ? что̀ мнѣ теперь дѣлать?

Иванъ Ефимычъ размышлялъ.

— Не знаю, какъ вамъ помочь; хочется бы,— а какъ возьмешься?

— Обхлопочи, пожалуйста; я тебя поблагодарю.

— Что́ мнѣ ваша благодарность! я и такъ для вашего семейства готовъ служить... Уступите мнѣ это дѣло?...

— Какъ такъ?

— Такъ: передайте его мнѣ совсѣмъ?

— А я-то при чемъ буду?

— Я вамъ двѣсти серебромъ заплачу.

— Ахъ, ты, чудакъ эдакой! Я ему пятьсотъ далъ...

— Да хоть бы тысячу дали: это ничего не значитъ; я и это-то на страхъ даю.

— Полно надувать! возьмешь ты на страхъ! только научить меня не хочешь, а самъ знаешь.

— Ничего я больше не знаю; какъ хотите, отвѣчалъ тотъ и взялся за шапку.—Подумайте, прибавилъ онъ.

— Нечего мнѣ думать! ты хитрить хочешь.

— Нахитришь у васъ! Прощайте!

Оставшись одинъ, Степанъ Гарасимычъ началъ внимательно читать условіе.

— Экой штукарь, проговорилъ онъ:—тутъ написано, что мнѣ надобно получить десять тысячъ серебромъ, а онъ даетъ двѣсти! Я тутъ другое сдѣлаю; мнѣ деньги что́? какъ бы онъ отдалъ за меня Вѣру Павловну, такъ я бы ему все простилъ.

Послѣднюю мысль Степанъ Гарасимычъ привелъ въ тотъ же день въ исполненіе и написалъ Алексѣю Сергѣичу письмо:

«Милостивый Государь,
Алексѣй Сергѣичъ!

Вы давича на меня осердились, но я обидѣть васъ не хотѣлъ и очень дорожу вашимъ расположеніемъ, и осмѣливаюсь еще разъ просить руки Вѣры Павловны, которая бы меня очень этимъ осчастливила. Вы мнѣ теперь должны, но я бы этихъ денегъ не сталъ требовать за ваше одолженіе. Маменька теперь положилась во всемъ на меня и сказала мнѣ, чтобы я женился на комъ хочу.»

Письмо это обрадовало и взволновало Ухмырева. Отлично, если бы такъ все устроилось; но что скажетъ Вѣра и какъ ей объяснить о томъ; отъ болѣзни характеръ ея рѣшительно измѣнился: она сдѣлалась такъ раздражительна, вспыльчива, что, неговоря уже объ Авдотьѣ Егоровнѣ, даже самъ

Алексѣй Сергѣичъ трусилъ ее. Однако, со свойственною ему тонкостію, онъ опять придумалъ увѣдомить племянницу о новомъ предложеніи Сальникова письмомъ, въ которомъ между прочимъ изложилъ ей, и изложилъ съ большимъ чувствомъ, затруднительность своихъ обстоятельствъ.

Отправивъ это письмо, старикъ рѣшительно замеръ въ своемъ кабинетцѣ отъ страха и безпокойства и сталъ прислушиваться къ тому, что̀ происходило въ домѣ: онъ очень хорошо услышалъ, что невдолгѣ Авдотью Егоровну позвали къ Вѣрѣ. У него окончательно захватило дыханіе. «Ну, будетъ алярма» подумалъ онъ, и вдругъ къ нему въ кабинетъ вошла тихими шагами Авдотья Егоровна. Алексѣй Сергѣичъ не смѣлъ ни взглянуть, ни спросить ее.

— Вѣра проситъ тебя къ себѣ, проговорила та.

— Что, матушка?... что она? что съ ней? пробормоталъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Она хочетъ о чемъ-то переговорить съ тобой... Она говоритъ, что Сальниковъ опять къ ней сватается, отвѣчала хотя и недоумѣвающимъ, но довольно спокойнымъ тономъ Авдотья Егоровна.

— Да, сватается опять... Поди-жь ты!... Что съ нимъ сдѣлаешь! отвѣчалъ, нѣсколько поободрившись, Ухмыревъ; я пойду?

— Пойди!

Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна вошли къ Вѣрѣ. Она сидѣла въ креслѣ, обложенная подушками.

— Что у васъ, дядя, съ Сальниковымъ вышло? спросила она.

Алексѣй Сергѣичъ вообще, какъ мы знаемъ,

не отличался даромъ слова, но тутъ рѣшился не оплошать и пробормоталъ какъ индѣйской пѣтухъ.

— Тутъ вышло, изволишь видѣть, вотъ что: я занялъ у него... Онъ говоритъ: давайте условіе на продажу имѣнья... Такъ? Я, что жь? думаю... даю... Такъ? хлопъ! продавать нельзя, а между тѣмъ неустойка въ десять тысячъ... У меня десяти тысячъ нѣтъ. — Значитъ, въ яму: ступай старикъ, дѣлать нечего...

Вѣра изъ словъ Алексѣя Сергѣича поняла только одно, что ему совсѣмъ пришлось плохо.

— За чѣмъ-же вамъ, дядя, въ яму; лучше я пойду за него за-мужъ, сказала она съ улыбкой.

Авдотья Егоровна взглянула на Вѣру и на мужа.

— Благодарю васъ... и больше того ничего не могу сказать, какъ благодарить васъ, пробормоталъ тотъ снова, между тѣмъ какъ по щекамъ его текли уже обильныя слезы.

— Какъ-же, Вѣра, Шамиловъ? спросила, потупляя глаза, Авдотья Егоровна, въ первый разъ еще произнесшая при племянницѣ это имя.

Алексѣя Сергѣича подернуло.

— Шамилову, ma tante, я уже отказала, я писала ему объ этомъ и еще напишу, отвѣчала Вѣра, по видимому совершенно спокойно и только при этомъ болѣзненный ея румянецъ на щекахъ какъ-то еще больше разыгрался: а вы, дядя, отвѣтьте Сальникову, что я согласна идти за него... только нельзя-ли какъ нибудь поскорѣй устроить свадьбу, а то, пожалуй, чего добраго... Послѣдней мысли Вѣра не договорила.

Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна постояли еще нѣкоторое время передъ племянницей въ какомъ-то странномъ положеніи.

— Подите, дядя, напишите къ нему сейчасъ-же! повторила Вѣра.

— Хорошо-съ!... благодарю... болтнулъ опять Алексѣй Сергѣичъ и сопровождаемый Авдотьей Егоровной вышелъ.

— Я напишу? отнесся онъ къ женѣ, какъ будто желая знать ея мнѣніе.

— Погоди, Alexis, развѣ ты не видишь, въ какомъ она положеніи.

— Чего годить-то? она сама этого желаетъ.

— Другъ мой, какъ это ты ничего не видишь! произнесла Авдотья Егоровна и начала потихоньку плакать; но Алексѣй Сергѣичъ въ этотъ разъ не обратилъ однако на это вниманія; напротивъ того: самъ еще надулся и легъ на диванъ. Тутъ ужь не выдержала Авдотья Егоровна и подошла къ нему.

— Ну напиши!... конечно, что ужь теперь дѣлать! проговорила она, беря и цѣлуя у мужа руку.

— Написать надо! отвѣчалъ Алексѣй Сергѣичъ, совсѣмъ ужь довольный и успокоившійся.

Обманутая въ любви своей къ Шамилову, Вѣра еще прежде того рѣшилась, если только потребуютъ обстоятельства, принести себя въ жертву для спасенія родныхъ своихъ; но когда пришла минута исполнить это, душевныя и тѣлесныя силы покинули ее. Она безъ ужасу не могла представить себѣ своего новаго жениха. Въ ночи съ ней сдѣлался значительный припадокъ кровохарканія, за тѣмъ лихорадка и бредъ. Авдотья Егоровна потихоньку отъ мужа и отъ больной послала за весельчакомъ-докторомъ, умоляя его пріѣхать и описывая подробно болѣзнь Вѣры.

Степанъ Гарасимычъ былъ на постройкахъ и

сидѣлъ на бревнѣ, толкуя съ подрядчикомъ, когда ему подали письмо Ухмырева, которое прочитавъ, онъ побагровѣлъ и засмѣялся.

— Милентій! стройте скорѣе: я женюсь скоро! открылся онъ подрядчику.

— Добрый часъ! за нами дѣло не станетъ, отвѣчалъ тотъ.

— Славно, право, отлично... тра-тра-трà—та-та, тра-тра-трà—та-та... началъ выдѣлывать языкомъ Степочка и въ прискочку пустился въ горницу.

— Аксинья! закричалъ онъ: Аркашка, позови мать, живѣй! Поди сюда! отнесся онъ къ входящей Аксиньѣ: слово дала. Чтó, не вѣришь? Ты, смотри, служи молодой барынѣ хорошенько.

— Да чья-то такая, батюшка?

— Чья такая? Ахъ ты дура! Вѣра Павловна, старая зазноба!... Тра-тра-трà—та-та, тра-тра-трà—та-та... Что ты ничего не говоришь?

— Ничего, батюшка, я перекрестилась только, отвѣчала, крестясь, Аксинья.

— Ты рада?

— Какъ не рада-съ: мы, признаться сказать, очень боялись, чтобы вы на моросенковой барышнѣ не женились: такое, говорятъ, зелье, что не приведи Господи!

— Шишъ Моросенкѣ; если я ее гдѣ нибудь встрѣчу, такъ въ глаза разругаю; а эта барышня чудо!

— Маменькѣ-то когда напишете?

— Я бы сейчасъ написалъ, да гдѣ она? Богъ знаетъ! маменька ничего: она дала мнѣ волю.

— Конечно-съ... только... вотъ чтó, Степанъ Гарасимычъ, мы люди глупые, учить намъ васъ

не приходится, только вотъ въ народѣ слухъ идетъ: болтаютъ тоже всякое: говорятъ, эта барышня не такъ здорова; а у насъ, дураковъ, есть наша мужицкая пословица: «братъ любитъ сестру богатую, а мужъ жену здоровую.»

— Это пустяки, Аксинья; я ее вылечу: я тысячи рублей не пожалѣю, а вылечу. Имъ теперь лекарства не на что купить: заневолю захвораешь; а у меня тутъ, слава Богу, на пятерыхъ достанетъ. Ахъ, я дуракъ набитый, какую я глупость сдѣлалъ... у разнощика ничего не купилъ! уѣхалъ онъ?

— Только сейчасъ съѣхалъ: у насъ, въ деревнѣ, кормилъ.

— Аркашка! возьми сейчасъ лошадь и скачи верхомъ за купцомъ... вороти его, скажи, что на пять тысячъ у него куплю. Что́жь ты нейдешь?

— Ступай, чертенокъ эдакой! проговорила Аксинья, толкая сына въ спину.

— Обуться еще надо! возразилъ было Аркашка.

— А безъ обувки не съѣздишь? крикнулъ Степанъ Гарасимычъ и погрозилъ ему.

Аркашка убѣжалъ.

— Я невѣстѣ куплю шелковыхъ матерій на десять платьевъ: людямъ ихнимъ тоже куплю по платку... знай нашихъ!

— На счетъ людей, Степанъ Гарасимычъ, лучше выдайте деньгами: гораздо пріятнѣе имъ будетъ, замѣтила Аксинья.

— Деньги само собой, а платки само собой; я и тебѣ куплю на сарафанъ. Ты, помнишь, все говорила со мной о ней: я тебѣ никогда этого не забуду.

— Я всегда, батюшка, рада вамъ служить. Сла-

ва Богу, отъ маменьки вашей худого не видала, а отъ васъ и подавно.

— А Кузьмѣ такъ ничего не дамъ: онъ въ городѣ жилъ, такъ только грубилъ мнѣ.

Аксинья немного покраснѣла. Живя въ городѣ, она очень подружилась съ Кузьмой, и теперь все на него дѣлала: мыла, ушивала и даже весь его скарбъ держала въ своемъ чуланѣ.

— Онъ это дѣлалъ, Степанъ Гарасимычъ, не отъ чего другаго, а по глупости.

— Я ничего, Богъ съ нимъ! ему кафтанъ тоже непремѣнно сдѣлаю. Аркашку наряжу казачкомъ. У самого у меня платье плохо. Накуплю у него сукна и завтра же поѣду въ городъ и велю себѣ сшить. Да ужъ прежнему швецу не отдамъ: въ тотъ разъ сшилъ фракъ—надѣть теперь нельзя. Какъ маменька прежде меня одѣвала! а теперь ужъ, извините, буду франтить.

Разнощикъ воротился. Читатель, можетъ быть, даже усомнится, если я скажу, что Степанъ Гарасимычъ накупилъ у него цѣлую гору: сукна для себя и для людей, ситцевъ, платковъ, шелковыхъ матерій, даже сургучу и бумаги, однимъ словомъ, на триста серебромъ. Торговался онъ, сверхъ обыкновенія, очень мало и только нѣкоторую тѣнь расчетливости выразилъ въ томъ, что заплатилъ купцу старенькими бумажками. Цѣлую почти штуку ситцу онъ предназначилъ на обивку старой мебели и все раскладывалъ ее то на диванѣ, то на стульяхъ. Сукно онъ вѣшалъ на себя и осматривалъ, хорошо ли оно будетъ. О выѣздѣ Степочка тоже обезпокоился и велѣлъ Кузьмѣ смазать всѣ хомуты дегтемъ, а лошадей вычистить и заплести имъ гривы.

— Не отчистишь ихъ, возразилъ Кузьма.

— Не разсуждай, а чисти, перебилъ баринъ.

Аксинья, получившая отъ барина ситцу на два сарафана, возбудила страшную зависть въ прочихъ дворовыхъ бабахъ, которыя всѣ сбѣжались къ ней въ избу и подняли страшную тревогу. Она, съ своей стороны, сначала отбранивалась, потомъ разревѣлась и отправилась къ барину съ жалобой.

— Возьмите, батюшка, отъ меня сарафаны... вся ваша воля! бабицы мнѣ проходу не даютъ за нихъ, произнесла она, вытирая рукавомъ слезы.

Степанъ Гарасимычъ, преисполненный счастья, былъ въ такомъ миротворномъ состояніи духа, что не только не разсердился на бабицъ, но еще успокоилъ ихъ, обѣщавъ завтра же купить всѣмъ по сарафану.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, Степанъ Гарасимычъ былъ ужь въ деревнѣ Ухмыревыхъ. Вошелъ онъ робко; его встрѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ, но не обнялъ, а проводилъ въ свой кабинетъ.

— У меня всѣ больны, началъ онъ.

— И Вѣра Павловна?

— Да, ей хуже сегодня; жена тоже заболѣла.

Алексѣй Сергѣичъ былъ разстроенъ происшедшей по утру сценой. Приглашенный Авдотьей Егоровной весельчакъ-докторъ, несмотря на то, что послѣднее время смѣялся и бранилъ Ухмыревыхъ въ каждомъ домѣ, прочитавъ письмо, пріѣхалъ, но обнаружилъ при этомъ случаѣ досаду за доставленное ему безпокойство.

— Что́ у васъ тамъ такое? сказалъ онъ встрѣтившей его Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Вѣрочка больна, отвѣчала та и начала исчислять всѣ ея припадки.

— Это ужь знаю... гдѣ она? я по вашимъ словамъ не могу лечить.

— Авдотья Егоровна провела его къ племянницѣ. Вѣра, увидѣвъ доктора, разсердилась.

— Зачѣмъ это, ma tante? я здорова, отнеслась она къ теткѣ.

Докторъ одною рукою взялъ ея пульсъ, а другую приложилъ ко лбу, по которому крупными каплями выступалъ потъ... Вѣра съ досадою оттолкнула руку, которую докторъ обтеръ платкомъ, и ушелъ. Авдотья Егоровна послѣдовала за нимъ.

— Чтó такое съ ней? спросила она.

— Чахотка, отвѣчалъ докторъ равнодушно.

— Боже мой! проговорила Авдотья Егоровна: но, можетъ быть, это неопасно, пройдетъ.

— Какъ не пройти! Вы точно маленькая спрашиваете: какъ будто сами не знаете, проходитъ или нѣтъ чахотка; покуда никто еще не выздоравливалъ.

— Но можно поддержать?

— По вашему, все можно, особенно, когда изнурительная лихорадка ужь началась; готовьтесь лучше къ другому.

— Докторъ! умоляю васъ, спасите ее, произнесла Авдотья Егоровна и хотѣла было стать на колѣни.

— Какъ вы смѣшны! Богъ чтó ли я? развѣ я могу оживлять?... Дайте бумаги!

Авдотья Егоровна едва имѣла силы подать приготовленную уже бумагу и ушла къ себѣ.

Докторъ написалъ рецептъ и вышелъ въ залу, гдѣ встрѣтилъ Алексѣя Сергѣича, который ему

сухо поклонился. Ухмыревъ очень разсердился на жену, что та, не посовѣтовавшись, пригласила этого человѣка, котораго онъ поклялся не пускать къ себѣ въ домъ.

— Рецептъ въ гостиной на столѣ... велите заложить мнѣ лошадей, проговорилъ скороговоркою врачъ.

— Лошади готовы-съ, у крыльца, отвѣчалъ Ухмыревъ.

Докторъ пошелъ. Алексѣй Сергѣичъ нагналъ его въ лакейской и подалъ ему за визитъ десять рублей серебромъ, которые тотъ положилъ въ карманъ и уѣхалъ.

— Вотъ оно что́! я ему послѣднее отдаю, а онъ и усомъ не ведетъ; а все женщины перебаловали! пробормоталъ Ухмыревъ самъ съ собой и пошелъ къ женѣ, чтобы выразить ей свое неудовольствіе, но засталъ Авдотью Егоровну въ ужасномъ положеніи, и потому тотчасъ же измѣнилъ тонъ.

— Что́ вы, Eudoxie? спросилъ онъ.

— Alexis... Вѣрочка... простонала та.

— Что́ такое?

— У ней чахотка, въ послѣднемъ періодѣ; онъ не берется лечить.

Ухмыревъ поблѣднѣлъ.

— Это какъ? вретъ онъ!

— Нѣтъ... я теперь сама начала понимать ея болѣзнь: у ней это наслѣдственное; мать ея умерла отъ этой же ужасной болѣзни...

Алексѣй Сергѣичъ вдругъ началъ дѣлать изъ лица гримасы и за тѣмъ заплакалъ.

— Можетъ быть, ничего. Богъ милостивъ, пройдетъ! вы себя-то не тревожьте... Я Сальникову откажу, не до жениховъ теперь...

Мы уже видѣли, какъ Алексѣй Сергѣичъ принялъ Степана Гарасимыча, но тотъ, на первыхъ порахъ, конечно, не уразумѣлъ и прямо началъ.

— Я могу видѣть Вѣру Павловну?

— Сегодня не знаю-съ; вы извините: ей гораздо хуже. Я лучше васъ увѣдомлю письмомъ.

— Что́, Алексѣй Сергѣичъ, вы все на письмахъ? вы позвольте мнѣ: я желаю отъ нихъ самихъ слышать.

— Степанъ Гарасимычъ! а если она умираетъ?

— Какое же умираетъ! вы вчера сами ко мнѣ писали.

— Вчера она была здорова.

Степочка разсердился. Вошла горничная Вѣры.

— Барышня проситъ къ себѣ Степана Гарасимыча.

Ухмыревъ покраснѣлъ. Женихъ разцвѣлъ и пошелъ за горничной. Вѣра, увидя Степочку, слегка вздрогнула.

— Какъ я несчастливъ, что вы больны, началъ тотъ, смотря ей въ лицо.

— Да, немного, отвѣчала Вѣра и потомъ, помолчавъ, спросила: вамъ долженъ дядя?

— Нѣтъ, такъ, пустяки: я сейчасъ изорву: я нарочно и бумаги эти привезъ, чтобы при васъ же изорвать, проговорилъ Степочка и, вынувъ изъ кармана условіе, изорвалъ его на мелкіе куски. Если теперь вамъ или Алексѣю Сергѣичу нужны деньги, я съ большимъ удовольствіемъ дамъ... только вы выздоравливайте.

— А если я умру?

— Какъ возможно-съ! мы васъ вылечимъ: я отличныхъ докторовъ сюда выпишу... Вы, можетъ быть, слабы-съ, произнесъ Степочка, замѣтя, что

Вѣра болѣе и болѣе блѣднѣла и начала опускать голову.

— Да, выйдите, проговорила она.

Степанъ Гарасимычъ выбѣжалъ и во все горло закричалъ:

— Вѣрѣ Павловнѣ дурно.

Вбѣжали Авдотья Егоровна и горничная. Съ больной повторился припадокъ кровохарканія.

Степанъ Гарасимычъ перепугался: онъ суетился, безпрестанно подходилъ къ затворенной двери и всѣхъ спрашивалъ, лучше ли, а потомъ, посовѣтовавшись съ Алексѣемъ Сергѣичемъ, тою же ночью ускакалъ въ губернскій городъ за искуснѣйшимъ въ цѣлой губерніи врачемъ, котораго и привезъ черезъ три дня; но помощь того оказалась безполезной.

Черезъ часъ послѣ его пріѣзда Вѣра скончалась.

Въ продолженіе этихъ трехъ дней Вѣра была почти все въ памяти, писала долго, просила послать за уланомъ Карелинымъ, что-то говорила съ нимъ по секрету, котораго тотъ никому не открылъ; потомъ безпрестанно спрашивала, гдѣ Степанъ Гарасимычъ, и отчего онъ не ѣдетъ. Дядю и тетку она благодарила за ихъ благодѣянія, и наконецъ, послѣ новаго припадка, ослабла чрезвычайно и просила послать за священникомъ: исповѣдалась и причастилась. Услышавъ, что пріѣхалъ Степанъ Гарасимычъ, она велѣла его позвать къ себѣ.

— Не оставьте дядю и тетку, проговорила она, и это были послѣднія ея слова.

На похоронахъ было много слезъ, и слезъ неподдѣльныхъ. Авдотью Егоровну, какъ только скон-

чалась Вѣра, увезли, почти безъ памяти, къ одному сосѣду. Алексѣй Сергѣичъ рыдалъ какъ маленькій ребенокъ; плакала и вся ихъ дворня; горничная ея, сидя въ людской и проливая слезы, все приговаривала: «не избранила ты меня, не изневолила; точно маменькѣ родной я тебѣ служила.» Степанъ Гарасимычъ не отходилъ отъ покойницы и все прощался съ ней, цалуя ея холодныя руки и лицо. Похоронами распоряжался Карелинъ.

VII.

Черезъ два года послѣ смерти Вѣры, домъ Алексѣя Сергѣича, состоящій во владѣніи купца, нанялъ новопріѣзжій въ городъ помѣщикъ Петръ Александрычъ Шамиловъ, который былъ уже женатъ на прежней своей непріятельницѣ Катеринѣ Петровнѣ. Она, годъ тому назадъ, овдовѣла. Весь городъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ увидѣть новобрачныхъ: молодая, говорили, очень постарѣла и подурнѣла противъ прежняго, но, несмотря на то, вышла за Шамилова по любви, а пріѣхавъ, молодые сдѣлали всѣмъ визиты; имъ отплатили и, между прочими, пріѣхалъ Карелинъ, вышедшій уже въ отставку и служившій въ К... по выборамъ. Шамиловъ самъ гулялъ, а Катерина Петровна недавно встала, и потому не принимала, но, услышавъ имя стараго своего знакомаго, велѣла просить. Карелинъ вошелъ: нѣкогда ловкій и стройный, уланъ въ настоящее время значительно раздобрѣлъ, но былъ еще молодецъ.

— Bonjour, M-r Карелинъ! Какъ я рада васъ видѣть! сказала хозяйка, встрѣчая его.

— Здравствуйте, Катерина Петровна! отвѣчалъ тотъ, цалуя у ней руки.

Оба сѣли.

— Какъ мы съ вами давно не видались. Я въ это время успѣла овдовѣть и опять замужъ вытти.

— Знаю-съ; а Петръ Александрычъ гдѣ?

— Онъ гуляетъ: ему велѣно ходить пѣшкомъ... А вы все холостякъ?

— Что́ дѣлать! вашъ мужъ перебиваетъ у меня невѣстъ: имѣлъ виды на покойную Вѣру Павловну—онъ отбилъ, хотѣлъ было вамъ сдѣлать предложеніе—и тутъ не успѣлъ.

— Вы все такой же насмѣшникъ, какъ и прежде были... Вы служите здѣсь?

— Служу.

— Я моему мужу безпрестанно говорю, чтобы онъ служилъ, не могу убѣдить: воображаетъ себя ученымъ человѣкомъ, а самъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ; въ одинъ день схватится за десять книгъ и ни одной не прочитаетъ... просто выводитъ меня изъ терпѣнья. Я бы даже желала, чтобы онъ хоть въ карты началъ играть, и того не умѣетъ... А вы играете?

— Немного.

— Я тоже нынче, какъ старуха, играю... Мы будемъ съ вами играть. Я васъ буду считать своимъ постояннымъ партнеромъ, хоть и не слѣдовало бы... Я на васъ очень сердита.

— За что́?

— За многое; вы сами должны это знать.

— На меня сердитесь, а сами вышли замужъ.

— Да вы знаете ли, какъ я вышла за-мужъ? Сама даже не могу объяснить, ка̀къ это сдѣлалось. Мысль о немъ никогда мнѣ не приходила въ голову...

Я встрѣтила его случайно въ Петербургѣ на улицѣ: онъ узналъ меня, началъ потомъ ходить ко мнѣ; я была, въ моемъ положеніи, ему рада... а тутъ судьба.

Вошелъ Шамиловъ и обнялъ Карелина. Оба они посмотрѣли, при этомъ случаѣ, другъ на друга многозначительно.

— Вотъ мы съ вами опять сошлись, началъ Шамиловъ.

— Да, разстались вы со мной женихомъ, а теперь женатый мужъ, отвѣчалъ Карелинъ.

Шамиловъ горько улыбнулся.

— Ахъ, М-г Карелинъ, я вамъ разскажу пресмѣшной анекдотъ про Пьера и его прежнюю невѣсту, заговорила Катерина Петровна.

Петръ Александрычъ взглянулъ на нее съ неудовольствіемъ, но она продолжала:

— Я еще здѣсь знала, какъ онъ мало былъ занятъ ею; но, женившись на мнѣ, онъ вздумалъ меня увѣрять, что онъ виноватъ противъ нея, потому что она его истинно любила, а онъ не оцѣнилъ ее. Не правда ли, какъ это было любезно въ отношеніи меня?... И вдругъ—это было при мнѣ,—одинъ нашъ знакомый въ Петербургѣ разсказалъ, что она была помолвлена за Сальникова. Представьте себѣ: онъ вышелъ изъ себя, началъ проклинать бѣдныхъ женщинъ и говорить, что послѣ этого онъ не повѣритъ ни одной изъ нихъ, и даже мнѣ. Сами можете судить, каково мнѣ было слушать подобныя вещи? нешутя вамъ говорю: мое только терпѣнье надобно имѣть, чтобы любить этого человѣка, заключила молодая и, конечно, желая смягчить ѣдкость своей насмѣшки, поцаловала мужа въ голову; но тотъ ни на слова, ни на ласку ея не отвѣчалъ ни малѣйшимъ

движеніемъ. Карелинъ тоже не почтилъ этотъ разсказъ большимъ вниманіемъ.

— А что́, Петръ Александрычъ, можно у васъ въ кабинетѣ покурить? отнесся онъ къ Шамилову.

— Пойдемте, отвѣчалъ Шамиловъ, вставая.

— Велите сюда, Пьеръ, подать трубокъ: я очень люблю запахъ табаку, проговорила Катерина Петровна.

— Нѣтъ, позвольте въ кабинетѣ: мнѣ нужно сказать Петру Александрычу по секрету, возразилъ Карелинъ.

— У моего мужа нѣтъ секретовъ отъ меня.

— Это мой секретъ-съ.

— Отчего же вы не хотите сказать мнѣ?

— Я вамъ не вѣрю.

— Ахъ, вы неблагодарный... Пьеръ мнѣ скажетъ.

— Очень дурно сдѣлаетъ.

— Въ такомъ случаѣ, ступайте; вы оба мнѣ наскучили.

Пріятели ушли. Катеринѣ Петровнѣ очень захотѣлось узнать секретъ Карелина: она встала, обошла кругомъ и приложила ухо къ деревянной перегородкѣ, отдѣляющей кабинетъ; до ея довольно тонкаго слуха дошелъ нижеслѣдующій разговоръ.

— Что́ вы такое хотѣли мнѣ сказать, говорилъ Шамиловъ.

— Письмо есть къ вамъ: года два ужь лежитъ у меня. Богъ васъ знаетъ, гдѣ вы пропадали все это время! я ни отъ кого не могъ толку добиться.

— Чье письмо?

— Сами увидите.

Слѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Она сама вамъ его отдала? проговорилъ Шамиловъ взволнованнымъ голосомъ.

— Сама... за день передъ смертію.

— Mercі, Карелинъ; но я не понимаю послѣдняго ея поступка.

— Она это хотѣла сдѣлать для родныхъ: онъ и теперь старухѣ очень много помогаетъ и даже называетъ тетенькой. Самъ Ухмыревъ померъ... слышали?

— Слышалъ... Чтó она вамъ обо мнѣ говорила? Бога ради, не скрывайте: разскажите мнѣ все.

— Ничего не говорила: просила только отдать письмо, когда увижусь съ вами... Вы дурно поступали съ ней.

Шамиловъ вздохнулъ.

— Знаю, Карелинъ, очень хорошо знаю: сначала меня оттолкнуло отъ нея мое несчастное честолюбіе, а тутъ эта бѣдность: «локоть близко, да не откусишь;» судьба мнѣ сторицею воздаетъ за нее: я слишкомъ наказанъ.

А чтó?

— Послѣ поговоримъ.

Катерина Петровна очень хорошо поняла смыслъ всего этого разговора, и особенно ее возмутили послѣднія слова мужа. Она хотѣла было тотчасъ же войти въ кабинетъ; но когда Карелинъ уѣхалъ, она позвала его къ себѣ.

— Покажите мнѣ письмо, которое отдалъ вамъ вашъ другъ, начала она.

— Какое письмо? спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Шамиловъ, садясь у окна.

— Не запирайтесь: я все слышала... Понимаете ли вы, чтó дѣлаете?

— Чтó такое я дѣлаю?

— Ничего: вы только принимаете отъ того человѣка, который самъ прежде интересовался мною, письма отъ вашихъ прежнихъ пріятельницъ и потомъ еще говорите ему, что вы теперь наказаны— кѣмъ? позвольте васъ спросить. Мною, вѣроятно? какъ это благородно и какъ умно! Еще васъ считаютъ умнымъ человѣкомъ; но гдѣ же вашъ умъ? въ чемъ онъ состоитъ, скажите мнѣ, пожалуста?... Покажите письмо.

— Оно писано ко мнѣ, а не къ вамъ; я вашими перепиской не интересуюсь.

— У меня не было и нѣтъ ни съ кѣмъ переписки... Я играть вамъ собою, Петръ Александрычъ, не позволю... Мы ошиблись, мы не поняли другъ друга...

Шамиловъ молчалъ.

— Отдайте мнѣ письмо или сейчасъ же поѣзжайте куда хотите, повторила Катерина Петровна.

— Возьмите... Неужели вы думаете, что я привязываю къ нему какой нибудь особый интересъ? сказалъ съ насмѣшкою Шамиловъ.

И, бросивъ письмо на столъ, ушелъ.

Катерина Петровна начала его читать съ замѣчаніями.

«Я пишу это письмо къ вамъ послѣднее въ жизни»...

— Печальное начало...

«Я не сержусь на васъ; вы забыли ваши клят-
«вы, забыли тѣ отношенія, которыя я, безумная,
«считала неразрывными.»

— Скажите, какая неопытная невинность.

«Передо мною теперь...»

— Скучно!... Аннушка!...

Явилась горничная.

— Поди, отдай барину это письмо и скажи, что я совѣтую ему сдѣлать для него медальонъ и хранить его на груди своей.

Горничная ушла и, воротившись, доложила барынѣ:

— Петръ Александрычъ приказали сказать, что они безъ вашего совѣта будутъ беречь его.

Вечеромъ Шамиловъ поѣхалъ къ Карелину, просидѣлъ у него до полуночи и, возвратясь домой, прочиталъ нѣсколько разъ письмо Вѣры, вздохнулъ и разорвалъ его. На другой день онъ цѣлое утро просилъ у жены прощенія.

Гораздо болѣе постоянства въ дѣйствіяхъ своихъ и убѣжденіяхъ обнаруживалъ другой женихъ Вѣры Павловны, Степанъ Гарасимычъ. Жилъ онъ въ своей усадьбѣ, строился, хозяйничалъ и былъ опекуномъ надъ имѣніемъ Авдотьи Егоровны, которая, въ послѣднее время, переѣхала въ К... и поселилась въ маленькомъ домикѣ. Аграфена Кондратьевна еще не умерла, но была уже очень слаба, имѣніемъ совсѣмъ не управляла и предоставила все сыну.

Къ Степочкѣ пріѣхалъ Иванъ Ефимычъ.

— Ну, что́? спросилъ онъ.

— Кончилъ: долги теперь очищены, въ барышахъ еще; по вашему желанію, остались усадьба да двадцать душъ.

— Спасибо... а себѣ-то взялъ ли что нибудь за труды?

— Что́ про меня говорить! это ужь зависитъ отъ васъ: поблагодарите, такъ хорошо, а нѣтъ, такъ и Богъ съ вами.

— Не изъ чего, братъ, благодарить, право, самъ ты видишь: лучше нищему не подать.

— У васъ денегъ много.

— Какой ловкій! Я и такъ много просадилъ денегъ на эти дѣла... Ну, да Богъ съ ней! не чужая: я ее считаю за родную тетку; въ городъ теперь перевезъ... все хвораетъ; полечить надобно; хотѣлось было, чтобы съ маменькой на одной квартирѣ жили, да поди ты: сладишь съ ними; я ужь отъ своей старухи много скрываю. Ахъ, батюшки, и забылъ совсѣмъ. Аркашка! позови прикащицу.

— Я было къ вамъ, Степанъ Гарасимычъ, по другому дѣлу, началъ Иванъ Ефимычъ.

— Погоди, братецъ, надобно распорядиться.

Прикащица явилась: это была Аксинья.

— Ты еще не отправила въ ухмыревскую усадьбу ржи?

— Собираются, батюшка, собираются.

— Экіе у васъ сборы! я еще третьяго-дня приказалъ. Сегодня же отправьте да скажите, чтобы пахали хорошенько. Я самъ пріѣду и посмотрю: если будетъ худо, тетенькѣ скажу. Вотъ, Иванъ Ефимычъ, и хлѣбъ-то свой отправляю: ни на столъ, ни на посѣвъ нѣтъ. Ты видѣлъ, какой я на покойницу памятникъ купилъ славный.

— Видѣлъ: мимо провезли. Какъ вы изубыточились такъ?

— Нельзя: добрая была. Надобно же мнѣ чѣмъ нибудь ее помянуть; жить мнѣ Богъ не привелъ съ ней; по крайней мѣрѣ, я теперь чувствую... За какимъ же ты ко мнѣ дѣломъ пріѣхалъ?

— Шмаковъ все пристаетъ и о васъ спрашиваетъ.

— Плутъ онъ, вотъ что́ скажи ему отъ меня: объигралъ въ шутку въ карты, а тутъ, черезъ два

года, требовать сталъ; вдругъ пріѣхалъ, говоритъ: въ нуждѣ, а не то жаловаться буду; я отступился отдалъ сто цѣлковыхъ.

— Онъ къ вамъ не затѣмъ пріѣзжалъ: ладитъ все дочку за васъ выдать.

— Шутитъ... я ужь совсѣмъ не хочу жениться: была у меня невѣста, да Богъ взялъ; у меня на рукахъ теперь двѣ старухи: впору и съ ними хлопотать.

— Надобно же когда нибудь жениться! а эта дѣвица достойная: приданое у нея, по наслѣдству, отличное идетъ; имѣнье-то у насъ въ опекѣ было. Василій Николаичъ говоритъ: пусть говоритъ Степанъ Гарасимычъ мнѣ дастъ три тысячи рублей: я ему все это устрою.

— Да, стану я съ нимъ связываться! какъ бы не такъ! очень мнѣ нужно!

1852 года.
Апрѣля 6-го.

На **ПОЛГОДА** уплачивается половина означенныхъ цѣнъ.

За музыкальныя приложенія прибавляется къ годовымъ цѣнамъ журнала **4 руб. сер.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **С. Петербургѣ:** Въ главной конторѣ журнала «Русскій Міръ», въ музыкальномъ магазинѣ **О. Стелловскаго,** поставщика Двора **Его Императорскаго Величества**, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27.

Въ книжномъ магазинѣ **Базунова,** на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, у Казанскаго моста.

Въ **Москвѣ:** въ магазинахъ — книжномъ Базунова и музыкальномъ — Ленгольда. Редакторъ **А. Гіероглифовъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Съ 1861 г. предпринято нами изданіе **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“.** Цѣль этого изданія— совмѣстить въ немъ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библіотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какого-либо сочиненія вышедшаго изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы,— то настоящіе издатели, желая наивозможно болѣе удешевить изданіе **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“**. предприняли печатаніе онаго, подобно таковымъ же заграничнымъ изданіямъ, — въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія сочиненій русскихъ авторовъ не будетъ соблюдаемо хронологической постепенности, а сначала будутъ

инистъ“
Слочковъ
іный, 55.
ЕРБУРГЪ.

издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ.

На изданіе «СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ»

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ **Три** руб. сер. за право получать какъ имѣющіе выйти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска «Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ» такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія (35—50 листовъ каждый) уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 к. сер. а съ пересылкою по почтѣ 2 руб. въ отдѣльной же продажѣ каждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ пріобрѣтаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. За тѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ авторовъ», выданы будутъ подписчикамъ безплатно.

На полученіе всѣхъ выпусковъ изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ» по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб., безъ уплаты впередъ трехъ рублей,—предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и кромѣ того: 1) военно-учебнымъ заведеніямъ, полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ; 2) учебнымъ заведеніямъ Духовнаго Вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія, между прочимъ: женскимъ гимназіямъ, уѣзднымъ училищамъ и проч. 3) женскимъ институтамъ, кромѣ содержимыхъ частными лицами; 4) сельскимъ и уѣзднымъ библіотекамъ; 5) училищамъ и учебнымъ заведеніямъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ и 6) Всѣмъ подписывающимся на издаваемый нами журналъ Русскій Міръ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **С. Петербургѣ**: Въ конторѣ издателя, при музыкальномъ магазинѣ Ѳ. Стелловскаго, поставщика Двора **Его Императорскаго Величества**, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27.

Въ **Москвѣ**: Въ магазинахъ — книжномъ Базунова и музыкальномъ—Ленгольда.

Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ С. Петербургъ, въ главную контору издателя.

LIBRARY OF CONGRESS
00019089940